

К. Григоров
ОБНОВЛЕНИЕ
ИЛИ
КРИЗИС

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

К. Григоров

▪

ОБНОВЛЕНИЕ
ИЛИ
КРИЗА

Социологически и социално-политически
аспекти
в съвременната буржуазна
политическа икономика

София «Партиздат»
1979

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

К. Григоров

■

ОБНОВЛЕНИЕ
ИЛИ
КРИЗИС

Социологические и социально-политические
аспекты
современной буржуазной политэкономии

Перевод с болгарского
В. И. КАРЦЕВА

Общая редакция и предисловие
И. М. ОСАДЧЕЙ

Москва
«Прогресс»
1982

Редактор *Радынова О. Г.*

Григорев К.

Обновление или кризис. Пер. с болг.— М., «Прогресс», 1982 — 12 л.— София, 1979.

В книге с марксистско-ленинских позиций критически рассматривается новый важный аспект развития буржуазной политической экономики в 70-х годах XX в. — процесс ее социологизации. Автор анализирует попытки Ф. Перру распространить социальную философию на современное экономическое развитие, структурализм и экономический романтизм Э. Тейяка, социологические концепции в применении к анализу экономических проблем Ж. Вейера, социально-политические аспекты неокейнсианства и др. Усиление социологизации буржуазной политической экономики автор рассматривает как одно из проявлений кризиса ортодоксальной экономической теории. Книга рассчитана на специалистов.

ИБ № 10132

Мл. редактор *Г. В. Иорданская*. Художник *В. В. Кулешов*. Художественный редактор *В. А. Пузанков*. Технические редакторы *И. А. Юдина*, *С. Л. Рабынина*, *Т. К. Купцова*. Корректор *С. А. Галкина*. Сдано в набор 05.04.82. Подписано в печать 17.08.82. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Условн. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 10,75. Тираж 3500 экз. Заказ №86. Цена 75 к. Изд. № 33783. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119021, Zubovskiy bulvar, 17. Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения „Техническая книга“ им. Евгения Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29

Редакция литературы по экономике

© Кирил Григорев, 1979. с/0

© Перевод на русский язык с сокращениями, предисловие, издательство «Прогресс», 1982

Г $\frac{10702-790}{006(01)-82}$ 55-82

0603010300

ПРЕДИСЛОВИЕ
БУРЖУАЗНАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ
70-х ГОДОВ:
И КРИЗИС, И «ОБНОВЛЕНИЕ»

Любое десятилетие в развитии капитализма имеет свой специфический, неповторимый облик. Своеобразной оказывается и динамика идей и представлений класса буржуазии в области экономической теории, несмотря на объективно предопределенную историческую преемственность этих идей, несмотря на неспособность буржуазных идеологов разработать кардинально новые подходы к оценке особенностей функционирования капиталистической экономики.

Роль и значение эволюции буржуазной политической экономики в 70-е годы следует оценивать прежде всего с точки зрения того кризиса данной научной дисциплины, который столь резко проявился в истекшем десятилетии.

Как известно, наибольшим вниманием в этот период пользовались теоретические конструкции так называемого «неоклассического синтеза», сформировавшегося на основе своеобразного соединения кейнсианской и неоклассической теорий. Возведенные в ранг ортодоксального учения, или «ортодоксии», подобные конструкции были призваны дать наиболее приемлемое для современного состояния капитализма объяснение механизма функционирования капиталистической

экономики, вскрыть существо процессов производства, а также происхождения и распределения доходов и, что самое главное, выявить причины циклических колебаний капиталистической экономики в современных условиях. Подобный «позитивный» анализ в соответствии с канонами буржуазной экономической науки использовался в качестве основы для разработки «нормативных» рецептов регулирования хозяйственных процессов, ориентированных на достижение стабильного роста, без кризисов и инфляции.

В условиях экономического подъема 60-х годов и сравнительно умеренной инфляции эта система буржуазной политической экономии более или менее успешно справлялась и с идеологическими задачами оправдания государственно-монополистического капитализма, и с практическими функциями, обосновывая экономическую политику правящих партий в соответствии с принципами либерально-буржуазного реформизма.

Кризис государственно-монополистического регулирования, вызванный резким обострением противоречий воспроизводства в 70-х годах, усилением и превращением инфляции в хронический процесс, вызвал и кризис буржуазной политической экономии. Кризис проявился в острой критике ортодоксальной экономико-теоретической системы — «неоклассического синтеза», в поисках новых теорий, объясняющих работу экономического механизма, и рецептов его регулирования. Весь клубок дискуссий, вызванных этим кризисом, закрутился вокруг центрального вопроса: эффективность государственного вмешательства, его цели, масштабы, формы.

Кризис буржуазно-либерального реформизма, определявшего существо системы государственно-монополистического регулирования, поставил перед всеми политическими силами буржуазного общества острый вопрос: какими путями справиться с трудностями, как дальше развиваться капитализму? И не случайно, что в обстановке усилившегося разброда эти ответы оказались разными не только со стороны противоположных классовых сил — рабочего класса и буржуазии, но и внутри самой буржуазии, что отразилось и в буржуазной экономической мысли. Спектр буржуазных представлений о путях и возможностях реформы капиталистического общества как бы раздвинулся: «ослабление

центра» произошло за счет усиления радикального и консервативного крыла буржуазной политической экономики. Именно эта поляризация точек зрения, идейная и теоретическая дифференциация, усиливаемая к тому же и национальными особенностями отдельных стран, является наиболее важной чертой современного развития буржуазной экономической мысли Запада.

В этой картине, полной противоречивых явлений и процессов, все же можно выделить некоторые наиболее важные и общие черты.

Прежде всего следовало бы отметить процесс нарастания консервативных тенденций в идеологии и в политике, усиление консервативного крыла буржуазной политической экономики, особенно в таких странах, как Англия и США, где на этой волне консерватизма к власти в начале 80-х годов пришли консервативные правительства. Определенное нарастание консервативных тенденций в 70-х годах имело место и во Франции, где выдвинулась группа экономистов так называемой «новой экономической школы», которая обосновала существенную перестройку французского планирования, в результате чего многие прямые формы государственного вмешательства были заменены рыночным и частномонополистическим регулированием. Однако позиции этой школы настолько противоречили общим тенденциям в развитии французского общества, что консерватизму не удалось пустить здесь глубокие корни. Зато в Англии и особенно в США консервативная идеология нашла благоприятную социально-политическую основу, вызвав резкое усиление консервативного крыла буржуазной политической экономики в форме новой волны «неоклассического возрождения».

В чем же проявляются эти консервативные тенденции, если говорить об экономической теории и политике? Прежде всего в резкой критике государства и государственного вмешательства в экономику, ностальгии по капитализму свободной конкуренции, идеализации и приукрашиванию его необыкновенной «гибкости».

Критика государства и государственного вмешательства сопровождалась усилением реакционных выступлений и против прежних целей экономической политики, провозглашенных кейнсианством. Под обстрел попало само понятие «полная занятость». Хотя и

в прошлом оно отличалось неопределенностью (в США, например, под «полной занятостью» подразумевалось и 3%, и 4%, а ныне — свыше 5% безработных), в наши дни предпринимаются попытки подменить его концепцией «естественного уровня безработицы» и отказаться от достижения «полной занятости» в качестве цели экономической политики.

Существенной переоценке подверглись прежние методы регулирования, ориентированные — согласно кейнсианской концепции — на управление совокупным спросом (demand-management policy). В этом управлении решающая роль всегда отводилась бюджету и бюджетной политике, т. е. использованию государственных расходов и налогов в качестве инструмента антициклического регулирования и стимулирования экономического роста. Для достижения желаемого эффекта — т. е. содействия оживлению или сдерживанию экономической конъюнктуры — мероприятия в рамках этой политики должны были точно и быстро реагировать на смену конъюнктуры. Увеличение государственных расходов или снижение налогов должно было точно приходиться на период спада, и, наоборот, сокращение государственных затрат и повышение налогов следовало начинать с поворотом к подъему. Вот почему фискальная политика получила название «политика точной настройки» (fine tuning). На практике реализация подобной политики оказалась делом трудным — и вследствие недостатка информации, неопределенности, несовершенства краткосрочного прогнозирования, и в результате бюрократических проволочек, требующих времени для принятия тех или иных решений в государственных органах, и главным образом в силу имманентной стихийности капиталистической экономики.

В итоге фискальная политика нередко превращалась в дестабилизирующий фактор экономики, а непрерывный рост бюджетных дефицитов — в источник инфляционных тенденций. Дискредитация бюджетной политики в качестве инструмента антикризисного и антиинфляционного регулирования в немалой степени способствовала росту популярности монетаризма — как в теории, так и в экономической политике.

Упадок престижа кейнсианства и Кейнса привел к тому, что в качестве ведущих идеологов, «отцов-основа-

телей» буржуазной политэкономии, вновь стали выдвигаться имена апологетов экономики свободного предпринимательства (к тому же и ярых противников социализма) — таких, как фон Мизес, Ф. Хайек, основатели Чикагской школы Ф. Найт и Г. Саймонс и даже И. Шумпетер. Американский экономист А. Бернс, занимавший видные посты в правительственном аппарате, включая пост председателя Федеральной резервной системы, так сформулировал кредо консервативной экономической теории и политики: сбалансированный бюджет, ограничение социальных программ, сокращение корпоративных налогов, увеличение прибыли корпораций, усиление рыночной конкуренции, ослабление экономических стандартов, усиление позиций корпораций.

В качестве теоретической платформы современного консерватизма в экономической печати Запада, прежде всего США, пишут о так называемой «экономике предложения» (supply-side economics), противопоставляя ее кейнсианской экономической теории и политике, ориентированной на спрос (demand-side economics). За всей этой игрой слов скрывается выдвижение на первый план неоклассической школы со всем арсеналом ее старых, новых и обновленных теорий, поскольку неоклассическая школа всегда делала упор на анализ предложения, оптимального использования ресурсов в производстве, подчеркивала значение сбережений и бережливости, рыночного механизма и конкуренции.

«Неоклассическое возрождение» — не новое явление в истории буржуазной экономической мысли. Его первая волна приходится на конец 50-х — начало 60-х годов, когда казалось, что кейнсианство одержало полную победу на макроэкономическом фронте, заключив союз с неоклассикой в форме «неоклассического синтеза». Тогда эта волна выбросила на берега экономической мысли неоклассическую теорию роста и монетарную теорию национального дохода (положившую начало развитию монетаризма). Постепенное возвышение монетаризма вместе с его лидером М. Фридманом (монетаризм и «фридманизм» стали синонимами) привело в конце концов к довольно разработанной теоретической системе, альтернативной системе взглядов, положенных в «Общей теории занятости, процента и денег» Кейнса.

Таким образом, начавшееся еще в 60-х годах «неоклассическое возрождение» подспудно подготовило теоретическую замену кейнсианству. Нужны были бурные экономические потрясения 70-х годов, вызвавшие кризис кейнсианства, с одной стороны, разочарование в государственном вмешательстве и усиление консервативной идеологии — с другой, чтобы освободившийся пьедестал официальной ортодоксии смогли занять наследники неоклассической школы с ее «экономикой предложения», монетаризмом и другими концепциями, предписывающими существенное свертывание государственного вмешательства в экономику, ограничение перераспределительной роли государственного бюджета, оживление рыночных механизмов и т. п.

Именно эти неоклассические теории оказали решающее влияние на официальную концепцию регулирования в таких развитых капиталистических странах, как США и Англия: монетаризм стал знаменем экономической политики Тэтчер, а «экономика предложения» в союзе с монетаризмом — это два штандарта, с которыми выступила в поход за «оздоровление» экономики США администрация Рейгана.

Однако, как мы уже писали выше, консерватизм отнюдь не определяет всего спектра идейных процессов, характеризующих развитие экономической мысли Запада, в том числе США и Англии. В течение 70-х годов нарастали и противоположные ему тенденции, формировавшие реформистское крыло буржуазной политэкономии, в особенности крайние линии его спектра либерального и радикального, социал-демократического толка. Теоретические и политические просчеты ортодоксального кейнсианства, оказавшиеся столь питательной почвой для «неоклассического возрождения», вызвали и противоположный процесс. Они стимулировали стремление к пересмотру и «обновлению» самой кейнсианской теории. «Новые» кейнсианцы, объявив ортодоксальное кейнсианство, игнорировавшее проблемы инфляции и неопределенности, «незаконнорожденным детищем» теории Кейнса, стремятся реконструировать эту теоретическую систему с учетом новых потребностей развития теории и практики экономического регулирования. Такие американские экономисты, как А. Лейонхвуд, Р. Клауэр, П. Давидсон, С. Вайнтрауб,

выступили с резкой критикой ортодоксальной модели кейнсианства, исказившей, по их мнению, подлинную сущность теории Кейнса, за подновление, исправление кейнсианской теории. В основе всех этих модернизаций лежит, как правило, возрождение и усиление *денежных аспектов* кейнсианской теории — с тем чтобы приспособить ее к анализу и регулированию инфляционных ситуаций. Они подчеркивают также фактор неопределенности и несовершенства информации, считая его определяющей чертой капиталистической системы хозяйства, которую Кейнс особо выделял в своей работе.

Одновременно на гребне этой волны критицизма, всеобщего разочарования в ортодоксальной экономической теории, поиска новых авторитетов, радикализации политической экономии большое внимание стали привлекать работы экономистов Кембриджской школы (Англия) — Дж. Робинсон, Н. Калдора, Л. Пазинетти, которые еще в 60-х годах отклонились от ортодоксальной версии кейнсианства и выступили с целым рядом теоретических нововведений.

В свое время работы Дж. Робинсон и ее последователей получили оценку в советской экономической литературе как «левое» кейнсианство. «Левые» кейнсианцы исходили из демократической трактовки кейнсианской теории, связывая проблему эффективного спроса с осуществлением целого ряда социальных реформ, с ограничением интересов крупного монополистического капитала, выступая против военных расходов и т. п.

На базе этих двух потоков — возникшего в США течения за обновление кейнсианства и давно уже существовавшего в Англии «левого» кейнсианства — в 70-х годах начало активно формироваться новое направление в буржуазной экономической мысли, которое называет себя *посткейнсианством* и по своим идейным позициям представляет радикальное крыло буржуазной политической экономии.

Посткейнсианцы считают, что именно они призваны окончательно ниспровергнуть неоклассическую ортодоксию, довести до конца «кейнсианскую революцию», начатую Кейнсом, и что лишь они являются подлинными наследниками его теории. Противопоставляя свою теоретическую систему неоклассической ортодоксии и традиционному кейнсианству, посткейнсианцы

стремятся построить более реалистическую теорию. Это неизбежно толкает их к максимально возможному в рамках буржуазной политэкономии реализму в оценках капиталистической экономики. Однако этот реализм в конечном счете ограничен рамками реформистских предложений по «совершенствованию» капитализма.

Посткейнсианцы выступают с реформистской программой, направленной на существенное расширение и «обновление» государственного вмешательства в экономику на основе планирования и проведения эффективной политики доходов. Отражая целый ряд реальных требований, обусловленных дальнейшим ростом производительных сил в современных условиях, они тем не менее не выдвигают никаких пожеланий, выходящих за рамки капиталистического способа производства, и предлагают лишь методы его «улучшения» на основе дальнейшего расширения государственного руководства экономическими процессами.

Формирование посткейнсианства тесно связано с возрождением, обновлением и усилением социально-институционального направления буржуазной политэкономии, которое в эпоху господства «неоклассического синтеза» было вытеснено на «периферию» буржуазной экономической мысли. Будучи источником множества либерально-, а зачастую и радикально-реформистских идей, обладая методологией, которая в отличие от кейнсианства и неоклассики позволяла вовлечь в орбиту экономического анализа реально существующие экономические, социальные и политические институты, это направление буржуазной экономической мысли неожиданно обрело вторую молодость. Немалую роль в этом сыграла бурная энергия и литературный дар его лидера Д. Гэлбрейта, многочисленные книги которого, посвященные животрепещущим проблемам развития не только капитализма в США, но и мира в целом, привлекли всеобщее внимание.

Примечательной чертой развития реформистских течений буржуазной политэкономии является их растущая социологизация и политизация, противопоставляемые плоскому формализму экономической ортодоксии, десятилетиями внедрявшемуся в экономическую теорию неоклассической школой. Господство неоклассической методологии способствовало увлечению формаль-

но-логическим анализом. Отталкиваясь зачастую не от реальной действительности, а от формальной логики и математики, неоклассики превратили целые области экономического анализа (теорию равновесия, оптимального роста, благосостояния) в такую надстройку, которая оказалась совершенно оторванной от реальной действительности, абсолютно ничего в ней не объясняющую и ни на какие практические выводы не пригодную. Моделирование во многих случаях стало самоцелью, «искусством для искусства», что также усиливало разочарование со стороны многих представителей буржуазной и радикальной политэкономии. По словам Дж. Робинсон, благодаря такому направлению развития экономическая теория превратилась в простой «набор инструментов» для анализа (*instrumental box*), который не позволяет рассматривать все сложности и противоречия развития современных экономических систем. Реакцией на этот формализм неоклассики, на порожденное ею «искусство для искусства» и является эта усиливающаяся волна социологизации.

Именно последняя и привлекла внимание автора настоящей книги. Проф. Кирилл Йордан Григоров (1909—1980) — видный болгарский ученый, автор ряда работ по истории экономической мысли и критики буржуазных экономических теорий, лауреат премии им. Г. Димитрова, народный деятель науки. Книга «Обновление или кризис» — последняя работа автора. Не претендуя на систематическое изложение тех или иных теорий, автор в живой, очерковой форме стремится показать, что социально-экономические проблемы все настойчивее проникают в поле зрения неамериканских экономистов, что сама постановка этих социально-экономических проблем является источником растущего разочарования и критики капиталистической системы, размышлений — нередко утопических — о реформах и преобразованиях этой системы, что некоторые из этих экономистов все чаще обращаются к марксизму в поисках ответа на сложные проблемы современности.

Не случайно в центре внимания автора оказались теории французских экономистов, среди которых социологическое направление занимает ведущие позиции и оказывает все более растущее влияние. Направление это неоднородно и не является чем-то оформлен-

ным. Его сторонников объединяет главным образом общность методологии. «Представители социологического направления, — пишет советский исследователь французской экономической мысли А. Кудрявцев, — исходят из посылки о том, что для понимания экономического механизма важно учесть все элементы общественной жизни, окружающей среды и человеческой природы, которые имеют отношение к воспроизводству материального продукта и нематериальных услуг, служащих основой воспроизводства человека и общественных институтов» *.

Представители этого направления сыграли важную роль в обосновании дирижизма и той специфической формы индикативного планирования, которая сделала Францию объектом изучения и подражания других капиталистических стран. К этому направлению примыкает и целый ряд экономистов с социал-демократической идеологией, выступающих с критикой капитализма и проектами его радикального реформирования.

Новый материал, новые имена — главное достоинство книги. Автор анализирует попытки Франсуа Перру — патриарха социологического направления Франции — распространить социальную философию на современное экономическое развитие; структурализм и экономический романтизм известного французского философа и социолога Эрнеста Тейяка; социологические концепции в применении к анализу экономических проблем профессора Парижского университета, специалиста по истории экономической мысли и международным отношениям Жана Вейера и его ученика и соратника Ги Депюигрене-Десруси; леворадикальные взгляды профессора Политехнической школы, эксперта социалистической партии Жака Атали и радикальные концепции известного экономиста, статистика и демографа А. Сови.

Ряд очерков посвящен и отдельным представителям англо-американской школы. Ракурс здесь тот же: автор стремится показать проникновение социально-политических идей в традиционные направления буржуазной политэкономии. (Реформизм А. Лернера, попытки ввес-

* Критика современной буржуазной политэкономии. М., 1977, с. 364.

ти социально-политические параметры в эконометрические работы Яна Тинбергена, социал-реформистские аспекты «левого» кейнсианства в работах Дж. Робинсон и Д. Итуэла). Автор знакомит читателя и с концепцией социального контроля над экономикой итальянского экономиста Джузеппе ди Нарди.

«Обновление» буржуазной политэкономии на основе усиления ее социологизации автор справедливо рассматривает как одно из проявлений кризиса ортодоксальной экономической теории. «Эти социально-политические аспекты нужны буржуазной экономической науке как для борьбы против развивающейся марксистско-ленинской теории, так и в целях непосредственного использования теоретических исследований в интересах хозяйственной и социальной политики буржуазного государства для придания ей большей научной ориентации. В этом заключается специфика процессов возрождения, ведущих свое начало от старого институционализма... французского социализма... «новой» немецкой исторической школы», — пишет проф. К. Григоров. (с. 18, 19).

Автор далек от того, чтобы упрощать процессы, связанные с социологизацией буржуазной экономической мысли, неизбежно порождающей глубокую дифференциацию взглядов различных ее представителей в отношении природы капиталистической системы и ее будущего. В работе доказывается, что наряду с апологетикой монополистического капитализма у ряда авторов проявляется интерес к некоторым положениям, характерным для прогрессивной экономической мысли и политики. Критикуя отдельные новые течения радикального толка, автор в то же время показывает и содержащиеся в них положительные моменты с точки зрения критической оценки современного капиталистического развития.

К. Григоров неоднократно подчеркивает необходимость дифференцированного подхода при критике буржуазных экономистов, находящихся в плену буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. Не допуская компромиссов гносеологического и идеологического плана при трактовке взглядов различных представителей неоклассических и институционалистских течений, марксистская критика, по его словам, «должна отделять зер-

на пшеницы (порой способные внести свою лепту в антимонополистическую демократическую альтернативу) от гносеологических и идеологических плевел, не изменяя при этом коммунистической партийности, базирующейся на строго научной марксистской основе» (с. 19). Он отмечает, что в работах авторов, чьи теории подвергнуты марксистско-ленинской оценке, следует выделять различные идеологические и гносеологические оттенки и цвета, присущие им в рамках буржуазной и мелкобуржуазной политэкономии. Многие из них в большей или меньшей степени выражают сомнение в абсолютной ценности и стабильности капиталистического строя и буржуазной экономической теории.

Взгляды некоторых наиболее реалистически мыслящих из рассматриваемых К. Григоровым представителей западной экономической мысли в какой-то степени тяготеют к марксистским представлениям и оценкам. Именно поэтому дифференцированный критический анализ их позиций, излагаемый в настоящей работе, несомненно, заслуживает внимания. Подобный анализ может послужить исходной основой для дальнейшего углубленного и аргументированного критического разбора позиций рассматриваемых авторов.

Все это дает основание сделать вывод, что книга К. Григорова будет с интересом встречена советским читателем.

И. Осадчая

ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемой работе делается попытка рассмотреть новые тенденции в современной буржуазной политической экономии. Речь пойдет об усилении социологических течений, о подчеркивании социально-политических аспектов в буржуазной экономической мысли, занятой поисками выхода из общего кризиса капиталистической системы в современных условиях. Анализируется теоретическая литература главным образом конца 60-х и особенно 70-х годов. В случае необходимости к исследованию привлекаются и работы предшествующих десятилетий.

Следует сказать, что в связи с расширением государственно-монополистического регулирования, главная цель которого — поддержание динамического равновесия при возможно высоких темпах экономического роста, в буржуазной политической экономии в определенной мере возрастает роль практической, прикладной функции, подчиненной в конечном счете апологетике капитализма. Эта тенденция отражает успехи мировой социалистической системы и усиление мирного соревнования между двумя противоположными системами.

Расширение практически-прикладной функции буржуазной политической экономии, поставленной на

службу государственно-монополистического регулирования и вообще экономической политики буржуазного государства, ведет к необходимости не только восстановления, но и расширения значения качественного, социально-экономического анализа, органически связанного с преодолением его формализации.

В процессе восстановления роли качественного, социально-экономического анализа немалое значение имеет борьба буржуазной экономической науки с творчески развивающейся марксистско-ленинской экономической наукой. В своей борьбе с марксистской экономической мыслью, с ее правильными, глубоко аргументированными установками и решениями, получающими все большее распространение и «заражающими» не только пролетариат, но и демократически настроенную интеллигенцию, буржуазная экономическая мысль нередко пользуется отдельными положениями марксистской экономической науки. И действует в этом случае вполне в духе ревизионизма — частично признавая марксистскую науку, но извращая и вульгаризируя ее фундаментальные положения. Так, буржуазные экономисты насыщают свои исследования мнимыми, наукообразными положениями, выдавая их за качественный, социально-экономический анализ. Однако в этой стратегии немалую роль играют и практические хозяйственно-политические соображения, способствующие государственно-монополистическому регулированию, имеющие целью «лечение» капитализма. Этот процесс заставляет буржуазных экономистов (хотя и частично, в ограниченных масштабах) обращаться к исследованию ряда фундаментальных закономерностей, используя при этом не только формальные математическо-статистические методы, но и качественный, социально-экономический анализ.

В сложных и внутренне противоречивых современных условиях в буржуазной политической экономии набирают силу, а порой и берут верх социологические течения, выросшие на неопозитивистской или еще более откровенно идеалистической гносеологической основе, возрастает роль социально-политических аспектов в различных экономических теориях.

Эти социально-политические аспекты нужны буржуазной экономической науке как для борьбы против раз-

вивающейся марксистско-ленинской экономической теории, так и в целях непосредственного использования теоретических исследований в интересах хозяйственной и социальной политики буржуазного государства для придания ей большей научной ориентации. В этом заключается специфика процессов возрождения, ведущих свое начало от старого институционализма Т. Веблена, Дж. Коммонса, Р. Эли, У. Митчела и других американских исследователей, от французского социализма Сиמיана, Лавеля, Ле Пле и других, «новой» немецкой исторической школы и т. д.

Однако современные варианты старого институционализма и так называемого «социализма с институционалистским акцентом» весьма дифференцированы и часто противоречат друг другу в социально-политическом аспекте. Среди представителей этих направлений можно назвать таких ярых антикоммунистов, как Росту, Арон, Фурастье, и демократически настроенных авторов, отличающихся реалистическими буржуазно-демократическими взглядами — Селигмен (США), Жан Маршалль, Жан Лом, Жан Вейер (Франция), Джоан Робинсон, Джон Итуэл (Англия), Г. Мюрдаль (Швеция), а также других исследователей, для которых характерен хотя и ограниченный, недостаточно четкий, но критический подход к капитализму.

Очевидно, что марксистская критика, направленная против институционалистских и других социологических течений, должна дифференцированно подходить к работам этих ученых. Не допуская компромиссов гносеологического и идеологического плана при трактовке взглядов сравнительно прогрессивных авторов, представляющих данные течения, она должна отделять зерна пшеницы (порой способные внести свою лепту в антимонополистическую демократическую альтернативу) от гносеологических и идеологических плевел, не изменяя при этом коммунистической партийности, базирующейся на строго научной марксистской основе.

Этой марксистской научной линии нужно следовать в условиях все более обостряющейся социально-политической борьбы против представителей воинствующего антикоммунизма,— борьбы, ведущейся, разумеется, на базе позитивной разработки ряда проблем, правильно поставленных буржуазными авторами, но превратно

решаемых ими. Это особенно относится к проблемам социально-экономического развития двух противоположных систем, еще недостаточно полно разработанным в марксистской литературе.

В свою очередь критика в адрес авторов эконометрических работ, пытающихся связать эконометрику и вообще математизацию и формализацию экономических исследований с определенными социально-экономическими аспектами (как это делает, например, известный голландский экономист-эконометрик Ян Тинберген, отличающийся определенными прогрессивными устремлениями в духе буржуазного радикализма), должна учитывать опасность нигилистически-догматических настроений, суть которых — в беспочвенном отрицании какой бы то ни было формализации и математизации экономического анализа. В связи с этим следовало бы подчеркнуть необходимость сочетания количественного и формального анализа с качественным, социально-экономическим анализом на основе исторического материализма. Включение социально-экономического анализа в эконометрический, количественный вовсе не означает механического добавления социально-политических аспектов к основным априорно-абстрактным эконометрическим формулам, как это делают Тинберген и особенно Самуэльсон. Следует подчеркнуть, что, когда эти авторы вынуждены прибегать к качественному, социально-политическому анализу, они делают это, используя теоретический арсенал вульгарной экономики (в том числе и субъективной политической экономики австрийского, или вальрасианско-паретианского, математического типа), отрывая экономический анализ от действительной общественно-исторической природы экономики.

Усиление значения социально-политических аспектов в современной буржуазной политической экономике объективно способствует (независимо от воли самих авторов) раскрытию ее буржуазно-идеологического, апологетического характера, помогает опровергнуть буржуазную и ревизионистскую версию о деидеологизации современной буржуазной политической экономики, поскольку социально-политические аспекты современной буржуазной экономической теории в конечном итоге выражают более или менее откровенную апо-

логетическую защиту капитализма. Но подобная наукообразная защита модифицированной вульгарной экономией своих теоретических позиций имеет целью не только спасение и «лечение» капитализма, но и его дальнейшее развитие, рост, в процессе которого он по-прежнему будет противостоять реальному социализму ряда стран Востока и все усиливающимся тенденциям к социалистическому переустройству на Западе.

Разумеется, эта защита в комплексе весьма разнообразна и противоречива. У апологетов монополистического капитализма она реакционна и носит подчеркнуто антикоммунистический и антисоциалистический характер. У авторов, исходящих из интересов мелкой буржуазии, как и у ряда исследователей, берущих под свою защиту более крупную немонополистическую буржуазию, защита капитализма исполнена колебаний, внутренних противоречий, иногда эти авторы просто отступают назад под давлением развивающегося общего кризиса капитализма и успехов реального социализма. Труды некоторых апологетов монополистического капитализма порой содержат вынужденные признания отдельных сторон и явлений общего кризиса капитализма, хотя при этом наличие такого кризиса в теоретическом плане, разумеется, не допускается. Эти колебания и частичные отступления у ряда авторов отражают кризис буржуазной идеологии в сфере экономической науки.

Социально-политические аспекты современной буржуазной политической экономики тесно связаны не только с экономической политикой в узком смысле этого понятия, но и с более широкой социальной политикой современного буржуазного государства. Цель этой политики сводится к тому, чтобы осуществлять попытки масштабного регулирования социальных отношений между трудом и капиталом, развивать социальное законодательство в самых разнообразных сферах (эта политика предполагает крайне ограниченное, почти иллюзорное участие рабочих в управлении хозяйством, привлечение рабочих к процессу накопления капитала путем сокращения необходимого продукта, участие рабочих в финансировании предприятия, регулирование профессионального обучения, квалификации и переквалификации рабочей силы в условиях современной

научно-технической революции и пр.). Вся эта комплексная социальная политика обусловлена капиталистическими классовыми интересами, подчеркнутым стремлением (даже в том случае, когда капиталисты вынуждены уступать требованиям рабочего класса и всех трудящихся) использовать все ее формы в интересах государственно-монополистического регулирования капиталистического хозяйства, в целях борьбы с кризисами, для повышения прибылей монополий и т. д. Цель — противостоять борьбе рабочего класса и хотя бы частично удовлетворить требования наемного труда главным образом ценой идейно-политической интеграции рабочего класса в систему современного капитализма. Естественно, что в классовой борьбе буржуазия одерживала как победы, так и поражения, хотя эти поражения, отступления перед силой трудящихся никогда не приводили к классовому миру, проповедуемому буржуазным и правым социал-демократическим реформизмом.

Весь этот процесс развертывания социальной политики современного буржуазного государства, осуществляющийся в неразрывном единстве с его хозяйственной политикой, в той или иной степени находит отражение в работах экономистов, принадлежащих к социологическим и неоинституционалистским течениям современной буржуазной политической экономии.

С этими относительно новыми явлениями в буржуазной экономической теории тесно связаны и новые леворадикальные веяния, отличающиеся частичным или более широким отрицанием существующей капиталистической системы. Однако сторонники подобных взглядов так и не делают верных выводов о сущности общего кризиса капиталистической системы. В этом случае мы имеем дело и с весьма сложными антикапиталистическими настроениями позитивного плана, и в то же время с путаными социально-утопическими идеями в сфере экономики, мешающими действительной борьбе за свержение капитализма, с признанием и отрицанием достижений реального социализма и пр. Эти новые веяния в среде интеллигенции и мелкой буржуазии, органически связанные с кризисом современной буржуазной политической экономии, также являются объектом настоящего исследования.

На усиление социально-политических аспектов в буржуазной экономической теории серьезное влияние оказывает широкое распространение прикладной социологии и конкретных социологических исследований, проводимых в западных странах, что вызвано новыми потребностями в регулировании экономической и общественной жизни современного капитализма в условиях научно-технической революции.

Классики буржуазной политической экономии, опираясь на внеисторическую методологию в духе материалистической рационалистической философии революционной буржуазии XVII — XVIII вв., вскрыли узловые, главные стороны фундаментальных закономерностей капиталистической экономики. Но они представляли эти закономерности как закономерности экономики вообще, вытекающие якобы из самой природы «экономического человека» (*homo economicus*). Опираясь на гносеологические позиции несовершенного материализма, исполненного своеобразного рационализма, хотя с идеалистическим уклоном при трактовке общественных процессов, буржуазные классики создали теоретическую систему определенной реальной ценности. Эпигоны классиков, творцы вульгарной политэкономии, как и их последователи, создатели субъективных маржиналистских теоретико-экономических систем всевозможных оттенков, унаследовали исходный пункт, касающийся «*homo economicus*». Но у них не было тех полезных внутренних противоречий теоретической системы классиков с их внеисторической методологией, которые открывали выход из классической внеисторической системы к раскрытию коренных закономерностей капиталистической экономики — закона трудовой стоимости, прибыли и ренты как форм прибавочной стоимости, создаваемой наемным трудом, и пр. У эпигонов классиков и у маржиналистских субъективистов «экономический человек» оказался лишенным того богатого социально-экономического содержания, в конечном итоге представляющего капиталистическую экономику как совокупность отношений господства капитала над наемным трудом, которое у классиков вуалировалось их внеисторически-натуралистической упаковкой. «Экономический человек» у них — источник экономической и социальной гармонии между тремя факторами производства —

капиталом, трудом и землей, т. е. между тремя классами — капиталистами, рабочими и собственниками земли. Таким образом, налицо полнейшая вульгаризация смысла коренных экономических процессов и их извращение.

Дальнейшее углубление и расширение капиталистических противоречий вызвало своего рода теоретическую реакцию в рамках самой буржуазной политэкономии, в результате чего и сформировались исследуемые в настоящей работе социологические, институционалистские, социально-психологические, социально-политические подходы к анализу экономических процессов. Культ «homo economicus» был развенчан наследниками буржуазного неоклассицизма, что привело к его формальному отрицанию. Но вместо этого культа буржуазные апологеты создают фальшивые образы «нового экономического человека», «обобществленного человека коллективного творчества» и т. д. В сущности, эта новая, более колоритная терминология является отражением в кривом зеркале буржуазной идеологии новых процессов обобществления капиталистического производства в эпоху монополистического капитализма, — процессов, выступающих в ассоциированных, корпоративных формах.

Эти теории о «коллективизировавшемся» человеке с творческими социально-политическими целями получают особое распространение в наши дни, отмеченные ошеломляющими успехами научно-технической революции. Производственно-технические процессы характеризуются все более сложным разделением и коллективной координацией труда на базе высокоразвитой техники, комплексной механизации и автоматизации. Немалую роль при этом играет исключительно возросшее в последние годы значение науки и ее творческого практического применения. Но этот же процесс в капиталистической экономике насквозь пронизан антагонистическими социальными противоречиями, проявляющимися в усложненных модифицированных формах. В этих условиях «новый человек коллективного творчества» в схемах и моделях современных буржуазных экономистов-социологов представлен в искаженном, вульгаризованном виде. Правда, это уже не тот «экономический человек», как его понимали классики и неоклассики.

Но в новых схемах социальные противоречия или отсутствуют совсем, или же появляются в искаженном виде. Богатый содержательный анализ экономических процессов, присущий буржуазным классикам и достигший наивысшего творческого развития в марксистской экономической науке, заменен социально-философскими мудрствованиями, построенными на идеалистической основе. «Коллективное творчество» «обобществленного человека» изображается как творчество «экономического человека» классического и неоклассического типа, преодолевающего свои эгоистические интересы. Капиталистические противоречия и эксплуатация человека изображаются неверно, показывается процесс их преодоления, что якобы одинаково интересует как народные массы, так и государство в условиях сочетания материальных, социально-этических и коллективных творческих стимулов в экономике. Некоторые новые теоретики, выступая против технологического детерминизма ортодоксальной концепции «индустриального общества» (концепций типа Ростоу, Фурастье, Кларка, Арона и др.), либо совсем отказываются от нее, либо модифицируют эту концепцию, придавая ей более ярко выраженный социально-психологический, социально-этический или иной оттенок. Но за нагромождениями из метафизических социально-философских и абстрактно-социологических умствований скрывается буржуазно-апологетическая концепция социального преобразования современного капитализма.

Глава I

ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ СПЕКУЛЯЦИИ

1. Социальная философия современного экономического развития. Франсуа Перру.

Франсуа Перру среди буржуазных теоретиков-экономистов числится одним из пионеров мирного сосуществования в экономике и политике двух современных систем — «Запада» и «Востока», т. е. капитализма и социализма, убежденным сторонником разоружения и прочного мира между народами. В своих последних трудах он нередко оценивает достижения социалистических стран верно и с уважением. У него проявляются и определенные критические настроения по отношению к капиталистической системе, столь отчетливо обнаружившиеся в его публичных лекциях, которые он читал в Софии летом 1971 г. Бесспорно, это положительное явление в его творчестве. Перру не является антикоммунистом типа Арона, Росту и др. Но в своих теоретических работах, включая и самые новые, он убежденно и упорно отстаивает концепцию «нового экономического человека», «массового человека коллективного творчества» в западном «индустриальном обществе». И в таком теоретическом аспекте его взгляды, касающиеся тенденций современного социально-экономического развития, не могут не вызывать бескомпромиссную критику со стороны марксистско-ленинской науки.

В своей работе «Индустрия коллективного творчества» Франсуа Перру в завуалированном философско-метафизическом виде рисует образ этого «нового экономического человека», который противопоставляется им «homo economicus» эпохи либерализма (*la belle époque*), т. е. эпохи свободной конкуренции. «Новый экономический человек», пишет Перру, уже не «homo economicus», движимый только материальным интересом и изолированный от всех прочих людей, с которыми он связан лишь через рынок и цену.

Он является членом группы, которая способна передавать и принимать информацию, поскольку в ней есть влиятельные личности, способные вести за собой, руководить, или, проще, «активные» личности. Природа и характер их поведения — это в принципе их отношение к рынку. Но это и их отношение к феноменам внешнего нерыночного порядка, но имеющим большое экономическое значение. В очень туманных выражениях Ф. Перру показывает, в чем заключаются эти внешние, не имеющие отношения к рынку феномены и конфликты, включая и те из них, которые затрагивают «стиль жизни» и «вливают на правила политической игры на территории города».

Французский автор со свойственной ему неясностью и странной терминологией, почерпнутой из арсеналов современной метафизической философии, говорит о том, что чуждые экономике моральные нормы спустились на землю, а потому измерить их власть можно, только опираясь на «упорные реальности экономики». Автор показывает срастание «экономического человека», с «целостным человеком» (*l'homme total*), т. е. «животного, питающегося хлебом и умеющим говорить», как физического организма, и человека как источника символов. Размышляя о своей истории, «экономический человек», по словам Перру, может стать «целостным человеком»; он знает, что достигнет этого, не только производя предметы и трансформируя жизненное пространство, но и воздействуя на соседей, обмениваясь с ними «знаками и символами» (*signes et symboles*). В заключение Ф. Перру подчеркивает, что «новый экономический человек», ищущий себя в «целостном человеке», начинает понимать, что экономика создана человеком и для человека посредством количественной

определенности вещей. Образ «нового экономического человека» есть образ существа, избравшего определенную систему оценок как для измерения позитивной эффективности своих коллективных усилий, так и для измерения их отрицательных эффектов — в том случае, когда они лишены смысла для самого человека¹.

В этой странной амальгаме, создаваемой пестроцветием заумных фраз, мы все же видим отражение современной действительности, преобразующей не только производственно-технический процесс, но и сознание человека-индивидуума, все более обобществляющегося и связанного с коллективом. Однако автор не показывает объективный, конкретный социально-экономический процесс дальнейшего обобществления современного человека. Он предпочитает идеалистически-метафизическую интерпретацию социально-экономической действительности, выдержанную в духе теории «индустриального общества» и теории «общества всеобщего благосостояния» (вариантов идейной маскировки современного капиталистического общества, которое, как ошибочно полагает автор, находится в процессе гуманизации).

В духе своеобразного идеалистического структурализма Макса Вебера Франсуа Перру останавливается на преобладающей роли «масс и массы» в развитых и развивающихся «индустриальных обществах» второй половины нашего века. Он признает (пусть в форме крайне неясных дефиниций) наличие классов и классовой борьбы в современных «индустриальных обществах», частично ссылаясь при этом на анализ структуры капиталистического общества, сделанный Карлом Марксом. И в то же время Ф. Перру говорит о преобладающей роли масс, стоящих «вне классов» (молодежь, жители городов и пр.). «Массы существуют в такой коллективной обстановке,— пишет Перру,— которую нельзя охватить ни социологией класса, ни социологией групп организованной активности, ни социологией нации. Массы бедняков существуют в экономике богатых стран. Массы молодежи не желают

¹ Fr. Perroux, *Industrie et création collective*, t. II, Presse universitaire de France, 1970, p. 70—79.

больше, чтобы о них забывали, и шумно проявляют себя в обществе, устаревшем как в демографическом, так и в психологическом отношении. Растет активность городских масс во всех развитых странах»².

Без достаточной аргументации, почти голословно и декларативно Перру то оспаривает анализ классовой структуры капиталистического общества, сделанный К. Марксом, то признает его по ряду пунктов, называя К. Маркса «сильным экономистом», то объявляет этот анализ устаревшим, утратившим свое значение в результате современного развития индустриального общества. «Помимо классов (в их марксистском понимании), — пишет французский автор, — власти в индустриальном обществе противостоят массам, множеству — большой группе людей без достаточной организации, поэтому они не могут удовлетворить требования этих масс, касающиеся их коллективных интересов и их участия в управлении данным политическим сообществом»³.

Присоединяясь порой к критическим замечаниям, затрагивающим некоторые стороны капитализма, и к определенным антикапиталистическим настроениям, Франсуа Перру делает акцент на отрицательных моментах этого общества, его несправедливом отношении к массам трудящихся. В то же время он говорит и о стихийной, разрушительной, хотя и творчески преобразующей роли масс, вставая на их сторону там, где речь идет об их требованиях и желаниях. И в этом смысле его концепция сближается с концепцией Герберта Маркузе, хотя Перру чужды левацкий радикализм и показная революционность Маркузе. В своеобразном социально-реформистском варианте «политического общества», развивающегося на индустриальной основе, видит Перру возможности для интеграции масс, возможности для более широкого удовлетворения их нужд и желаний со стороны политической власти, государства, что позволит обуздать стихийность масс, направить ее по определенному руслу, превратив в созидательную силу. Таким образом, Ф. Перру примыкает к тем авторам, которые отстаивают в своих трудах возможность

² Ibid., p. 168.

³ Ibid.

преодоления индустриальным обществом пороков современного капитализма, видят пути его гуманизации и превращения в общество «всеобщего благосостояния». По мнению Перру, «капитализм» (он ставит это слово в кавычки) не является самостоятельным ни в рамках какой-то одной нации, где он сталкивается с профсоюзными, «мозговыми центрами», ни вообще в мире, где существует социализм. «Капитализм» гетерогенен, его господствующие подгруппы ограничивают деятельность друг друга, борются между собой. Перру замечает, что капитализм, стремясь сделать эффективными политику и деятельность хозяйственного руководства, возлагает ответственность за это руководство на наемных сотрудников (*salariés*) или людей, получающих за эту работу определенную денежную надбавку (*subventionnés*)⁴.

Перру совершенно очевидно принадлежит к числу авторов, отстаивающих апологетический, ошибочный в своей основе тезис о наличии якобы реального процесса социального преобразования капитализма в наши дни, осуществляющегося за счет повышения роли управляющих, менеджеров (Бернхэм, Шумпетер и др.) и технoструктуры (Гэлбрейт). Однако действительность свидетельствует о том, что высшие слои менеджмента тесно связаны с крупным монополистическим капиталом, они отстаивают его интересы, направленные на получение высокой монопольной прибыли. Средние и низшие слои менеджмента в свою очередь близки наемным работникам, но в результате зависимости от высших менеджеров в своей руководящей административно-хозяйственной деятельности вынуждены отстаивать интересы крупного капитала, деперсонализировавшегося в фиктивный капитал.

Франсуа Перру то идеализирует и «гуманизирует» связь хозяйственной деятельности с государственной политикой, сотрудничество «экономической команды» с «политической командой», то критикует ее. Однако он упускает из виду как раз то, что частично признает Гэлбрейт, а именно: корпорации более беспокоятся о своих собственных интересах, нежели об общественных потребностях.

⁴ Ibid., p. 184.

Говоря о трудностях налаживания гармонических взаимоотношений между экономическими и политическими «командами», Перру выделяет тенденции к созданию нового типа политической и экономической структуры, в которой преимущественное значение получает новый тип руководства, вдохновляемого «элитными» группами, которые исходят из общественных интересов и содействуют коллективному творчеству масс. «Для изменения настроений представителей элиты и модификации руководства,— пишет Перру,— нужны колоссальные усилия и продолжительное время. Для того чтобы такая власть могла продержаться долго (речь идет о власти нового типа, считающейся с интересами масс.— *К. Г.*), нужен компромисс с существующим порядком».

Подобные спекулятивные абстракции далеки от реального управления экономикой в современном индустриальном обществе капиталистического Запада. В своих философствованиях французский автор стремится завуалировать роль и место менеджмента в крупных капиталистических корпорациях, свято соблюдающих интересы крупных держателей пакетов акций, носителей ассоциированного капитала, которые при всех структурных изменениях, усиливающих роль материальных предпосылок для нового общественного строя, остаются господствующей эксплуататорской силой, противопоставленной общественным интересам.

Размышляя о создании экономической и политической структуры, направленной якобы навстречу интересам и требованиям масс, Ф. Перру нередко использует термин «социализация» структур экономики, политики и требований народа. Но он явно имеет в виду не подлинные процессы социализации, осуществляемые на базе преобразования производства в непосредственно общественное производство (как это имеет место в странах реального социализма), а производство, обобщественное в капиталистических социально-экономических рамках. В сущности, подобные процессы обобществления не являются социализацией в интересах общества и трудящихся масс, они подчинены крупному капиталу; но здесь возможна реализация некоторых мероприятий в пользу трудящихся масс, что является результатом упорной классовой борьбы труда и

капитала. Тем не менее эти процессы обобществления представляют собой объективную материальную предпосылку для революционного преобразования общества от капитализма к социализму. Карл Маркс в третьем томе «Капитала», в гл. XXVII, анализируя процесс ассоциирования капитала в акционерной форме, подчеркивает: «Капитал, который сам по себе покоится на общественном способе производства и предполагает общественную концентрацию средств производства и рабочей силы, получает здесь непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям. Это — упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства»⁵. Позже оппортунисты и ревизионисты всячески извращали положения К. Маркса о тенденции перехода от крупного общественного капиталистического производства к непосредственно обобществленному социалистическому производству, неверно истолковывая значение частичных форм в рамках капитализма. Ряд современных буржуазных теоретиков, сторонников порочной концепции «социального капитализма», «общества всеобщего благосостояния» и пр., еще более извращают не только роль этой тенденции, но и самое положение К. Маркса, объявляя современное капиталистическое производство крупных монополий прямо связанным с общественными потребностями и интересами. К числу этих теоретиков объективно можно отнести и Ф. Перру.

Еще в своих ранних работах — книгах «Капитализм», «Мирное сосуществование» и других — Перру характеризует современный капитализм как систему главным образом «смешанной экономики», трактует государственный сектор как некапиталистический. В работе «Индустрия и коллективное творчество» он говорит о том, что конфронтация современного капитализма и рабочих профсоюзов ограничивает капитализм и даже частично преобразует его. Мы не утверждаем, что оригинальный и находчивый Ф. Перру заимствовал эти по-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, с. 479.

ложения из работ Дж. Гэлбрейта (особенно его труда «Американский капитализм. Теория уравновешивающей силы»). Но действительность показывает, что профсоюзы, кооперация и прочие подобные организации социально-профессионального и хозяйственного характера лишены «преобразующей» и «уравновешивающей силы, приписываемой им Гэлбрейтом и Перру. Они лишь вносят определенные ограничения в капиталистическую эксплуатацию труда, не затрагивая при этом коренной основы и структуры капиталистического строя с его непреодолимыми антагонизмами. Между тем весьма примечательно, что противопоставляя капиталистические корпорации профсоюзам, Перру ставит термин «капитализм» в кавычки, создавая иллюзию того, что капитализм в странах современного Запада утратил свою классическую природу эксплуатации наемного труда.

Останавливаясь на характеристике новой общественной «элиты» современного «индустриального общества», Ф. Перру полагает, что ученые и деятели искусства начинают приобретать известную власть и это благотворно влияет на народные массы. Ссылаясь на прогнозы Э. Ренана и Сен-Симона, говоривших в свое время о важной роли и большой власти, которой будут обладать в индустриальной системе интеллектуалы, Ф. Перру пытается показать, как реально выглядит эта власть в существующем индустриальном обществе. Он полагает, что, хотя мечты Э. Ренана и Сен-Симона о решающем значении ученых и деятелей искусства не получили своего воплощения в современном мире, реальная власть интеллектуалов над индустрией и обществом распространяется на все большее число индивидов и благодаря мощной силе средств массовой информации становится серьезным фактором повседневной жизни ⁶.

Действительно, современная научно-техническая революция на одно из первых мест в хозяйственном развитии поставила науку и ученых, участвующих в производственном процессе и управлении им. Некоторые научные исследования превращаются в непосредственную производительную силу. Более того, ряд научных

⁶ Fr. Perroux. Op. cit., p. 185.

исследований, как в сфере естественно-технических, так и общественных наук, рождается непосредственно из производственного процесса или внедряется в него (а во многих случаях мы имеем дело и с тем и с другим процессом одновременно), используется и в других отраслях хозяйства, в их планировании и управлении. Это в равной мере касается как социализма, так и капитализма. Однако если учитывать социальный и социально-политический аспект, то в этом проникновении науки в общественное производство в капиталистических и социалистических странах можно обнаружить коренные различия, касающиеся центрального вопроса: в чьих интересах это делается — в интересах капитала (при капитализме) или в интересах трудящихся (при социализме)? Интересы трудового народа субъективно дороги и г-ну Перру. Но объективно получается так, что, подобно Джону Стюарту Миллю, он в весьма своеобразной форме пытается соединить несоединимое — «политическую экономию капитала и требования пролетариата» (согласно словам К. Маркса, давшего исходную характеристику Дж. С. Миллю).

Верно и то, что в современную эпоху наука и искусство приобретают действительное значение и в этом смысле (употребим термин Ф. Перру) получают «власть в повседневной жизни индустриального общества» как одной, так и другой системы. Однако и здесь мы имеем дело с влиянием на данный процесс противоположных общественных отношений этих двух систем. При социализме плоды науки и искусства сознательно и планомерно используются в интересах широких народных масс, тогда как при капитализме этот процесс стихийен. Он в принципе является односторонним, зависимым от буржуазной хозяйственной и культурной политики, защищающей капиталистическую систему.

Впрочем, вся конструкция Ф. Перру, исследующего тенденции и самый процесс вытеснения старого типа классового капитализма на основе реформ, инспирированных, по его мнению, массами благодаря созданию политических и хозяйственных групп, своеобразно связанных и сотрудничающих друг с другом, далека от истинного положения дел в «индустриальном обществе» капиталистического Запада. Сердцевину социальной структуры современного капитализма образуют рабочий

класс (пролетариат), капиталистическая буржуазия, мелкая буржуазия и промежуточные слои. Но социальная структура общества, определяемая классовой структурой с присущим ей непреодолимым антагонизмом между капиталистической буржуазией и пролетариатом, включает еще и много других общественных групп и слоев населения, отличающихся друг от друга по отраслевым, профессиональным, возрастным и другим признакам. Признавая приоритет «масс» в этой структуре и недооценивая роль классов, которые он ставит на второй план, Перру имеет в виду именно эти группы. Однако, вопреки его пониманию, ведущую роль в реальной социальной структуре играют не эти группы, а классы и классовая борьба — классы как социально-экономические общности прежде всего, а не как оторванные от экономики социально-политические и социально-психологические объединения.

Развитие производительных сил после второй мировой войны в условиях стремительного научно-технического прогресса порождает многообразные изменения во всех областях общественной жизни, и прежде всего в социальной структуре современного общества (как при капитализме, так и при социализме). Изменения в социальной структуре капиталистического общества в послевоенный период по своим темпам, глубине и последствиям социально-политического плана являются беспрецедентными в истории развития капитализма⁷.

В наши дни внутри классов, как никогда в предшествующие периоды, происходит сложный процесс стратификации с выделением большого числа профессиональных групп. Этим особенно спекулируют буржуазные экономисты-социологи, пытающиеся растворить классы во всевозможных общественных и профессиональных группах. Этим путем идет и Франсуа Перру, хотя его интерпретацию отличает своеобразный демократичный акцент.

На самом деле стратификация относительна, она совершается в рамках классов, хотя при этом происходит

⁷ См. соответствующие определения в коллективном труде «Политическая экономия монополистического капитализма» (под ред. Н. Н. Иноземцева, С. М. Меньшикова, А. Г. Милейковского, А. М. Румянцева), М., 1975, с. 202 и сл.

увеличение промежуточных групп, вовлеченных в трудный процесс классового формирования в объективном и субъективном плане. Стратификация не разрушает классовых фронтов и не уничтожает классовую борьбу. Наоборот, с приближением ряда групп технической и научно-технической интеллигенции и технических специалистов к пролетариату его ряды растут. Налицо очень быстрый численный рост одних групп и сокращение других. Так, например, в США с 1900 по 1965 г. число фермеров уменьшилось с 5673 тыс. до 2244 тыс., сельскохозяйственных рабочих — с 5125 тыс. до 2021 тыс. В то же время число профессиональных и технических рабочих возросло с 1234 тыс. до 8883 тыс., конторских служащих — с 887 тыс. до 11 166 тыс. и т. д. Общая тенденция свидетельствует о быстром росте числа работников нефизического труда (особенно научно-технических специалистов, конторских и торговых служащих) ⁸.

Одним из наиболее важных социальных последствий научно-технической революции в условиях государственно-монополистического капитализма является резкое увеличение числа средних и высших инженерно-технических и административно-управленческих кадров, преподавателей, научных работников, рабочих высокой квалификации, профессиональных общественно-политических деятелей, людей, занимающихся различными видами искусства. Эти слои — костяк новой интеллигенции, людей умственного труда. Но и последние не являются каким-то особым классом. Это весьма колоритная и противоречивая в социальном отношении, разнородная прослойка, связанная с классами и не стоящая вне классов при всей сложности и неопределенности своего положения в этом плане. Некоторые группы интеллигенции занимают промежуточное положение между пролетариатом и мелкой буржуазией.

Однако далеко не вся интеллигенция находится в подобном промежуточном состоянии. Огромная ее часть тяготеет к пролетариату, сливаясь с ним, меньшая часть — к более крупной буржуазии. С ростом образования невиданно высокими темпами растет число сту-

⁸ По данным официальной статистики США, приводимым в цит. соч. «Политическая экономия монополистического капитализма», с. 201.

дентов и других групп учащейся молодежи. Часть этих групп также сливается с рабочим классом. Пролетаризация интеллигенции, рост в ее рядах числа безработных и частично безработных в условиях научно-технической революции при капитализме вызывает массовое недовольство, выражающееся в массовых протестах и движениях, не всегда имеющих при этом ясные цели и задачи.

Эти сложные, противоречивые процессы и явления в современном мире капитализма дали повод ряду буржуазных экономистов и социологов, в их числе и Ф. Перру, рассматривать и «массу молодых» как разновидность масс, «стоящих вне классов». Между тем истина совсем в другом. Массовые молодежные движения, выражающиеся в бурных акциях протеста, порой близких к бунтам, все же имеют связь с классами, хотя и весьма сложную и противоречивую. Массовые студенческие движения в капиталистических странах в наше время далеко не однородны в социально-классовом отношении. Одни из них приближаются к рабочему классу, другие группы в этих движениях занимают промежуточное классовое положение, отличаются неясными идейными позициями. Бесспорно, это ведет к появлению определенных элементов стихийности, анархии, левацкого экстремизма и пр. И все же эти элементы не дают основания экономисту или социологу воспринимать студенческие, ученические и иные молодежные группировки как массу, стоящую «вне классов». Вопреки мудрствованиям буржуазных апологетов путь прогрессивной молодежи тесно связан с борьбой рабочего класса и вообще трудящихся — это путь борьбы за удовлетворение своих непосредственных требований не только в рамках системы, но и в тесной связи с борьбой за поэтапное революционное преобразование капиталистического общества в социалистическое при отказе от вредных экстремистских, анархистских и прочих подобных средств. Именно по этому трудному пути идет развитие движений молодых интеллектуалов капиталистического Запада, а вовсе не по пути интеграции и идейно-политического подчинения их капиталистической системе, переодетой усилиями буржуазных апологетов в социально-трансформаторские, нереальные одежды.

Следует отметить, что Перру, стимулируемый буржуазно-демократическими воззрениями о пользе массового коллективного творчества нового типа в экономической и других областях общественной жизни, стремится подняться над концепциями индустриального общества с их идеализацией роли директоров и менеджмента как трансформирующей силы, способствующей превращению капиталистического индустриального общества в общество «всеобщего благосостояния».

Перру предлагает и более радикальную реформу, которая содержит один существенный принцип: власть частного предприятия должна быть ограничена благодаря вмешательству определенного организма, который выступает от имени коллектива, общества. Ограничение власти предприятий «не исключает их экономической активности и может ее стимулировать, но только с помощью средств, чуждых традиционному функционированию рынка». Лишь таким путем подчинения предприятия широкому планово-общественному контролю, имеющему право санкций, можно преодолеть, как полагает Перру, не только эгоистическую власть держателей капитала, но и власть вытесняющих их менеджеров. Он ясно подчеркивает, что, если вышеупомянутая реформа будет проведена и закончится введением «экономической магистратуры», «эта новая экономическая власть станет творческой силой благодаря юриспруденции, обязывающей не только собственников средств производства, но и действительных руководителей считаться с социальным приговором»⁹.

В духе новейших настроений Гэлбрейта, правда в более мягком тоне, Перру высказывает сомнение в общественной заинтересованности верхушки руководителей больших корпораций и предприятий. Он стремится преодолеть грубо апологетический и оптимистический тезис теоретиков «индустриального общества» и государства «всеобщего благосостояния» о якобы прогрессивной трансформирующей роли менеджмента, направленной на удовлетворение широких общественных интересов, и об общественной эффективности «трансформировавшегося» на этой основе капитализма. В чем-то поддерживая этот тезис, Перру вместе с тем выража-

⁹ Fr. Perroux. Op. cit., p. 210.

ет и серьезные сомнения в нем, занимая более демократические позиции.

Итак, Перру пытается встать на реальную почву при формулировке своих социально-политических рецептов, которые бы способствовали трансформации капиталистического индустриального общества на Западе.

Перру сумел уловить ряд существенных изменений в политических и социальных структурах современного капитализма. Но эти структурные изменения не могут в границах существующей общественно-экономической системы внести в нее столь крупные перемены, которые преобразовали бы ее коренным образом в интересах народных масс, как полагает Ф. Перру. Только на пути больших классовых сражений и побед труда над капиталом (прежде всего над крупным монополистическим капиталом) открываются возможности для демократических преобразований в странах развитого Запада, для поэтапных, но радикальных экономических перемен, которые ведут не к установлению какого-то ассоциированного строя, который не уничтожает, а лишь ограничивает капиталистическую собственность в духе сен-симонизма (как хотелось бы Перру), а к победе социализма, научного социализма К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Этого не видит и не хочет видеть Перру. Его конструкции и концепции контроля и ограничения власти собственников капитала и власти менеджеров — всего лишь утопический вариант теории «единого индустриального общества» или общества «всеобщего благосостояния».

2. От структурализма к своеобразному экономическому романтизму. Эрнест Тейяк

Французский экономист и социолог Эрнест Тейяк (умерший в 1972 г.), человек весьма своеобразного характера, претендовавший на внесение нового философско-социологического аспекта в трактовку экономических процессов с позиций модного тогда структурализма, еще в конце 30-х годов пытался интерпретировать на экономической почве такие философские понятия, как «система» и «структура». обстоятельно и под-

робно он пишет об этом в своей монографии «Экономические системы и структуры. Две половины XX века», изданной в 1972 г.¹⁰ Философско-гносеологическая трактовка экономических структур и основных экономических процессов современного капитализма переплетается здесь с детальным анализом ряда конкретных экономических явлений, свидетельствующих о глубоких кризисных процессах экономического, финансового и морально-политического плана. Изложение материала в книге Тейяка дается в широком историческом русле, автор проводит интересные исторические сравнения, делая акцент на острые проблемы современного капитализма, возникшие в течение двух последних десятилетий и особенно в конце 60-х годов. Подобно Ф. Перру, он пытается уйти от холодной механики и мнимой политической нейтральности, от оптимизма либеральных догм неоклассиков и маржиналистов, наметить новые гносеологические и общетеоретические направления в трактовке современного капитализма.

Для Тейяка понятие «система» означает ансамбль, целостность, состоящую из отдельных элементов и связей между ними. «Структура» системы определяется комбинацией и расположением этих элементов и связей. После общей характеристики «систем» автор переходит к структурам, которые объединяют определенные системы и могут быть различными для одной и той же системы. В дальнейшем автор переходит к исследованию режимов, в которых данная структурная система проявляется. Эти абстрактные категории Э. Тейяк пытается обнаружить и в экономической жизни. Он ищет самые основные, самые общие типы экономических систем, проявившихся еще в античности, в конце средневековья и начале «нового времени», вплоть до наших дней.

Каковы же типы экономических систем, сменявшие друг друга в течение столь долгого периода времени?

Еще в предисловии к своей работе, до того как приступить к конкретному исследованию экономических

¹⁰ См.: E. Theillac. Systèmes et Structures économiques, les deux moitiés économiques du XX siècle, ed. Aubier Montaigne. Paris, 1972.

систем и структур в течение продолжительного исторического периода, о котором идет речь, автор приходит к выводу о том, что существуют «две фундаментальные экономические системы...— это система дирижируемой экономики и система либеральной экономики». Он считает, что когда в экономической литературе говорят о большем числе систем и структур, то в этом случае смешивают сами системы с некоторыми их особенностями, с историческими и национальными характерными чертами вышеупомянутых структур. Все другие «системы», кроме названных двух, представляют, по его мнению, «подсистемы», которые следовало бы называть «режимами». При системе «дирижируемой экономики» «индивидом управляет группа», членом которой он является, политический элемент подчиняет экономический. В условиях же системы «либеральной экономики» «индивид действует свободно», пуская дела на самотек и не направляя их движение. Здесь экономический элемент стремится подчинить себе политический¹¹.

Таким образом, Тейяк приходит к выводу, что и в античности, и в средние века (вплоть до конца XVII в.) преобладала система дирижируемой экономики. В XVIII в. происходит бурный переворот в пользу системы либеральной экономики. Но либеральная экономика в первой половине XX в. сталкивается с

¹¹ Ibid., p. 13, 14. Эта исходная концепция Тейяка, касающаяся характеристики исторически сложившихся экономических систем, в чем-то близка тезису Вальтера Ойкена, одного из видных теоретиков западногерманского неоллиберализма, о наличии всего лишь двух идеальных типов хозяйств — «свободного рыночного хозяйства» и «централизованно управляемого хозяйства». Ко второму типу Ойкен относит как плановую социалистическую экономику СССР, так и милитаризованную экономику фашистской Германии, хозяйства старых восточных цивилизаций, египетских фараонов и даже государства инков XV в. (см. W. Eucken. Die Grundsätze der Wirtschaftspolitik. Fub. 1952, S. 58—61). Но если Ойкен придерживается здесь историко-идеалистической манеры Макса Вебера, то Э. Тейяк развивает этот исходный историко-социологический тезис об экономическом развитии, о повторении циклов исторического развития в духе взглядов немецкого экономиста Эдуарда Мейера и философа Освальда Шпенглера. И если Ойкен — убежденный неоллиберал, Э. Тейяк — романтик и утопист, отрицающий как дирижизм, так и либерализм.

противоположной тенденцией — в пользу новой системы дирижируемой экономики¹².

Вот с таким теоретическим базисом автор переходит к анализу современных проблем. В этой связи он рассматривает структуру и динамику Европейского экономического сообщества («Общего рынка»), показывая, как относительная либерализация этого сообщества, имеющая характер таможенной унии, перерастает в новый дирижизм при серьезных попытках преодолеть разрозненность национальной хозяйственной политики стран сообщества и создать наднациональные органы, процедуры и пр. Показательно, что Тейяк подчеркивает влияние социального момента, конкретнее — социализма, на европейское и мировое экономическое развитие¹³. Он стремится дать определение «мутациям» и даже диалектике перехода от одной системы к другой. По его мнению, новые варианты данной системы содержат элементы ее более ранних вариантов, существование которых по сути своей долгосрочное, оно лишь прервано, но не преодолено окончательно. При возрождении той же системы в новом варианте возникает ряд новых элементов, расширяющих и обогащающих эту систему. Но и в старых, и в новых вариантах на переднем плане остается прежде всего однотипность системы в соответствии с вышеперечисленными критериями и показателями двух основных типов экономических систем — дирижируемой и либеральной.

Тейяк обращает внимание на связь этих основных систем, последовательно вытесняющих друг друга и появляющихся вновь с более богатым содержанием, но всегда сохраняющих самые характерные черты типа. Он приводит в качестве примера экономическую историю перехода от феодализма к капитализму по пути меркантилизма, итогом чего было появление типичной дирижируемой экономики, в дальнейшем сменившейся своим антиподом — хозяйственным либерализмом. «Меркантилизм,— пишет Тейяк,— переходя от испанского бюллюлизма XVI в. к французскому индустриализму XVII в. и английскому коммерциа-

¹² E. Theillac. Op. cit., p. 14—15.

¹³ Ibid., p. 15.

лизму XVIII в., привел к тому, что в этом конечном пункте дирижируемая экономика уже несла в себе, в собственных структурах близящееся поражение, отступление перед либеральной экономикой, поскольку торговля, однажды победившая в ходе наступления, сможет достичь своего полного развития только в условиях свободы». Далее автор подчеркивает, что это либеральное зерно, проросшее в XVIII в., вызревало тихо, тайно. Взшедшее примерно три века назад, с зарождением меркантилизма, оно развивалось вместе с расширением локальных, местных экономических структур, затем в рамках всей национальной экономики, вместе с ростом населения, в условиях господства торгового и ростовщического капитала, предшествовавшего появлению индивидуалистического капитализма XVII в.

Рассуждая подобным образом, Тейяк приходит к общему определению «мутаций» систем: «Так, любая мутация в системе возникает постепенно, поскольку она обусловлена более ранними, более старыми изменениями не только режимов, но и структур; мутация структур является градуальной, постепенной, в ней, как в микрокосмосе, мы обнаруживаем этот процесс медленного вызревания, когда из серии последовательных изменений количественного характера рождается изменение качественное»¹⁴.

Конечный синтез своей теоретической концепции экономических систем и структур Тейяк осуществляет при анализе новой экономической истории, то есть начиная с XVIII в. «То, что мы видели созревающим,— пишет он,— и что представляло собой характерную черту градуальной, постепенной мутации, привело к первому из трех исторических превращений систем, совершившемуся в XVIII в.: переходу от дирижируемой традиционной экономики к новой, либеральной экономике. Если же мы взглянем шире, переходя от этого первого исторического превращения к двум последующим (а они нам уже известны и представляют собой, в сущности, возвращение назад: сначала возвращение от либеральной экономики к дирижируемой в первой половине XX в., а затем возвращение от

¹⁴ Ibid., p. 22.

дирижируемой экономики к либеральной во второй половине XX в.), то появившееся новое — а это другая характерная черта, черта частичного изменения, простого перемещения, — представляет собой всего лишь смещение структур настоящего и прошлого».

Теоретическая концепция Э. Тейяка об экономических системах и структурах базируется на модном ныне структурализме, получившем широкое распространение в современной буржуазной философии и социологии. Бесспорно, что некоторые современные структуралистские теории содержат немало ценного, в частности верные послылки гносеологического и общенаучного характера, о чем более подробно говорится в одном из следующих разделов настоящего исследования. Прежде всего, это тезис о соподчинении микроструктурных процессов и явлений макроструктур; следует отметить и ценные поиски определенных общих закономерностей развития структур.

Но Тейяк более увлечен сверхабстракциями, которые не в силах раскрыть диалектического единства общего и конкретного в процессах и явлениях. В гипотезах французского автора не нашло своего отражения единство общего и специфического, здесь нет и поисков общего в конкретном многообразии реального мира. А такой путь ведет в никуда. Тезис Э. Тейяка об экономике как стремлении «извлекать пользу» на институциональной основе ничего не объясняет. Да и о каком «извлечении пользы», о каком хоть сколько-нибудь верном анализе общественных институтов экономики может идти речь, если сама экономика не рассматривается как совокупность исторически определенных общественных отношений в производстве на определенной ступени овладения природными силами и превращения в производительные силы, что было открыто еще К. Марксом. Можно ли «извлекать пользу», потреблять, не производя «полезных вещей» — и притом не изолированно, а в определенных связях между людьми, отражающихся в различных типах социальных отношений?

Впрочем, Тейяк проявляет стремление к поискам сущности экономических структур «не на поверхности, а в глубине, не в различных отраслях экономики,

а в ее корнях», он намеревался рассматривать структуры в новом свете — не столько их конкретную сущность, их «тело», сколько общий характер. Одним словом, рассматривать отношение структур к системам как отношение частей тела ко всему телу. Он стремится меньше заниматься самими структурами, чем их связями с системами¹⁵.

Но, давая эту общую установку, не лишенную верной направленности, автор, по сути, закрывает себе путь к ее реализации. Уже здесь он излишне абстрагируется от структур «самих по себе», их «специфической сущности» («тела»), чтобы устремиться к системам, лишенным специфики структур, обусловленной исторически конкретным процессом развития общественного производства. Но даже там, где они становятся объектом внимания автора, они, как правило, рассматриваются лишь частично. Э. Тейяк анализирует некоторые черты этих структур, не связывая их с исторической спецификой. Все это неизбежно порождает ошибочные выводы и рассуждения о системах вообще и об их проявлениях в условиях исторически конкретных формаций. Тейяк пытается с помощью «исторического метода» вывести на передний план роль институтов в формировании экономики. Однако сама экономика, ее природа остается не выясненной до конца, поскольку он сводит ее к ничего не говорящему тезису об «извлечении пользы». Реальные же экономические структуры, которые в действительности складываются в экономические системы, в общественно-экономические исторические формации, Тейяк и вовсе не учитывает или низводит их до самых общих определений с выхолощенным социально-экономическим содержанием.

Таким образом, социально-политический аспект теории у него сводится к понятию институтов, лишенных экономического содержания и, что более важно, лишенных своей экономической обусловленности. В сущности, мы имеем здесь дело с неким вариантом уже известных в американской политической экономии институционалистских теорий Т. Веблена, Р. Эли,

¹⁵ Ibid., p. 13.

Д. Коммонса и др. И у Тейяка институты обуславливают экономические отношения, именно они являются первоосновой экономического процесса. Сама же экономика понимается им крайне расплывчато и неясно. Тейяк не видит первичной каузальной роли экономических процессов, не признает роли общественного способа производства как основы производственных отношений между людьми, обусловленных соответствующим уровнем развития производительных сил, которые определяют «в последней инстанции» (Ф. Энгельс) надстроечные процессы и явления, в том числе и институционального характера.

Разумеется, институты, как и прочие надстроечные явления, активно воздействуют на экономические процессы. Поэтому определяющая роль экономики часто остается скрытой благодаря активной роли, которую играют в ней некоторые неэкономические процессы и явления.

Буржуазные критики исторического материализма К. Маркса и Ф. Энгельса противопоставляют марксизму эклектическую концепцию параллельного действия самых разнообразных «факторов» экономического и неэкономического характера, что, по их мнению, приводит к коренной ревизии первоначальных установок «экономического материализма» К. Маркса и Ф. Энгельса. Истина же совсем в другом. Исторический материализм К. Маркса и Ф. Энгельса нельзя сводить к «экономическому материализму», к упрощенному, вульгарному экономизму. Тезис Ф. Энгельса об активной роли неэкономических процессов в общественном развитии и в самой экономике, до сих пор остающийся актуальным (о чем Э. Тейяк, естественно, умалчивает), является неотъемлемой частью концепции исторического материализма К. Маркса и Ф. Энгельса, развитой в трудах их последователей. Типичным примером является исследование Г. В. Плеханова, особенно его известная работа «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». В. И. Ленин в своем классическом труде «Материализм и эмпириокритицизм» и в ряде других исследований философского и социологического плана резко критикует попытки извратить диалектический материализм, сме-

шать его с «наивным», упрощенным, вульгарным материализмом, как и стремление смешивать исторический материализм с вульгарным, экономическим материализмом.

Увлеченный стремлением создать чуть ли не совершенно «новую теорию» экономических систем и структур, Э. Тейяк демонстрирует свое бессилие, неумение уловить коренные черты структур в экономике — черты, открывающие путь к определению и характеристике реальных общественных систем — общественно-экономических формаций. Для него структуры представляются достаточно известными, чтобы подробно останавливаться на них при анализе коренных черт системы.

Его пространные рассуждения о постепенных изменениях в системах, по сути, являются более упрощенным вариантом старых «циклических теорий» повторяемости экономических систем однотипного характера со времен античности и до наших дней (Эдуард Мейер — в экономике; Освальд Шпенглер — в философии первой половины XX в. Эта теория своеобразно и в значительной степени самостоятельно была развита и в Болгарии, в трудах представителя экономической истории проф. Ивана Кинкела). По мнению Кинкела, в частности, и в старых восточных культурах, и в греко-римской античности, и в наши дни был представлен как капитализм, так и какое-то подобие социализма. Просто в своих новых проявлениях системы, оставаясь однотипными, лишь обогащаются новыми процессами и явлениями. В мутных водах такого же рода плавают и Э. Тейяк, необоснованно претендующий при этом на оригинальность.

Но такие концепции порочны в самой своей основе. Так, в рабовладельческих эргастериях (предприятиях Древней Греции и Рима, характеризующихся широко развитыми товарно-денежными отношениями при наличии рабского труда) вряд ли можно найти проявление капиталистических отношений, капитализма. Ведь подлинный капитализм в отличие от капитализма «старых культур», характеризуется прежде всего использованием свободного наемного труда, эксплуатируемого собственниками средств производства — капиталистами.

Античный «капитализм», по сути, представляет собой развернутую рабовладельческую экономику, органически сочетающуюся с широкой сетью товарно-денежных отношений. Но, как известно, далеко не любое товарное производство является капитализмом. Подобные проявления докапиталистических форм банковского, торгового и элементов промышленного капитала аргументированно анализирует в первом томе «Капитала» К. Маркс. Эти докапиталистические формы капитала Маркс называет «допотопными формами капитала». Разумеется, между различными системами с широким развитием товарно-денежного хозяйства существует много общего, но все же элементы сходства играют здесь не фундаментальную, а второстепенную роль. Аналогично и положение с различными этапами в развитии одной и той же системы как общественно-экономической формации. Так, на первом этапе развития капитализма, в процессе разложения феодализма и господства меркантилизма, в хозяйственной политике и хозяйственной идеологии просматривается ведущее значение государственного вмешательства и определенной регламентации экономики, государственной поддержки роста капиталистических отношений. Вмешательство государства (уже более широкое, с перерастанием в частично дирижируемую экономику) можно обнаружить и в период перерастания капитализма в монополистический капитализм, и в период его общего кризиса, сопровождавшегося ростом государственно-монополистического регулирования.

Несомненно, новые формы вмешательства государства в капиталистическую экономику вобрали в себя некоторые черты вмешательства государства далекого прошлого, периода первых шагов капитализма в эпоху меркантилизма. Но эта «дирижируемая экономика» отнюдь не тождественна вмешательству государства в экономику меркантилизма. Подобное отождествление государственного вмешательства в экономику с «хозяйственными эпохами» прошлого — в античные времена или в периоды господства иных, докапиталистических формаций, как это делает Тейяк,— совершенно неправомерно.

Блуждая в дебрях спекулятивной философии экономической истории, Тейяк представляет системы, находящиеся за пределами дирижируемой и либеральной экономики, не как самостоятельные системы, а как подсистемы, подчиненные одной из двух названных выше систем. Поэтому он называет их «режимами». Так, капитализм оказывается для него определенным «режимом», тяготеющим к той или иной из двух фундаментальных систем, к дирижируемой или либеральной экономике. Он полагает, что существует не один-единственный монолитный капитализм, а два его вида, вернее, два «режима» двух основных систем. Это 1) режим либерального капитализма; 2) режим дирижируемого капитализма. Этот второй вид капитализма, полагает Тейяк, уже является не капитализмом конкурирующих между собой хозяйственных единиц, а капитализмом больших хозяйственных объединений и монополий. Это уже не капитализм отдельных индивидов, действующих в рамках свободной конкуренции, а капитализм групп, действующий не только на основе коллективных акций профсоюзов и других организаций, но и в условиях вмешательства со стороны союзов этих групп и государства.

Тейяк верно уловил некоторые специфические черты отдельных фаз развития капитализма, он правильно характеризует и некоторые черты домонополистического капитализма свободной конкуренции между индивидуальными предприятиями, а также монополистического капитализма эпохи господства капиталистических корпораций, когда расширяется и берет верх «анонимная» форма капиталистического господства, и пр. Но эти верные частичные догадки не переросли в верный теоретический анализ. Отдельные фазы развития капитализма представлены поверхностно. Некоторые их черты произвольно преувеличены, превратившись в итоге в обособленные, отдельные «виды» капитализма. Техническая сторона экономики, значение которой явно преувеличено, резко противопоставлена правовой. Обе эти стороны экономики предстают как самостоятельные, параллельно действующие, хотя в действительности они лишь относительно самостоятельны, являясь двумя различными сторонами единого, но многостороннего общественного процесса,

определяемого характером производственных отношений в их связи с развитием производительных сил. Техника сама по себе не имеет классового характера. Право и правовые системы, наоборот, носят подчеркнуто классово-надстроечный характер. Таким образом, правовой порядок и техника вовсе не являются автономными силами, которые находятся за пределами данной структуры экономики и могут механически соединяться и разъединяться, образуя различные виды капитализма, как это своеобразно представлено в работе Тейяка. Впрочем, нет никаких различных видов капитализма. Существует единый капитализм с фундаментальной социально-классовой структурой, включающей капиталистов и наемных рабочих, свободных от рабства и крепостничества, но свободных также и от собственности на средства производства, противостоящей им. Отдельные фазы в развитии капитализма — лишь модификации, видоизменения социально-экономической структуры капитализма, прежде всего модификации форм капитала (в основе которых лежит промышленный, производственный капитал, функционирующий в процессе производства и в рамках организационной структуры капиталистических предприятий).

Так, в эпоху домонополистического капитализма господствует индустриальный капитал индивидуальных предприятий. В процессе его развития, еще в начале второй половины XIX в., постепенно возрастает ведущая роль фиктивного капитала и ассоциированных форм предприятий («ассоциированный капитал», как называет его К. Маркс в третьем томе «Капитала»). В ходе этого процесса домонополистический капитализм уже несет в себе элементы будущего монополистического капитализма с присущим ему вмешательством государства, т. е. элементы дирижируемой экономики совсем иного по своему содержанию типа по сравнению с дирижируемой экономикой эпохи меркантилизма и вовсе не тождественного ей, как это произвольно утверждает Э. Тейяк. Все это получило блестящий анализ в третьем томе «Капитала» К. Маркса.

В. И. Ленин, исходя из положений К. Маркса и Ф. Энгельса и заглядывая вперед, в будущее, сумел

раскрыть своеобразие монополистической фазы в развитии капитализма на этапе зарождения монополистического капитализма, показать его значение как качественно новой ступени в структуре капитализма, обусловленной процессом превращения свободной конкуренции в монополистическую конкуренцию. В. И. Ленин увидел в монополистическом капитализме господство финансового капитала, образовавшегося путем слияния банковского и промышленного капитала. Интересные исследования в этом направлении были осуществлены Рудольфом Гильфердингом в его главном труде «Финансовый капитал», 1910 г. Однако Гильфердинг увлекся анализом процесса кредита и банковского капитала, оставив в стороне вопросы, связанные с общественным производством при капитализме, концентрацией и централизацией капитала, т. е. именно то, что предопределило появление финансового капитала. Гильфердинг прав, выделяя в качестве характерного признака финансового капитала слияние банковского капитала с промышленным, но он в значительной степени игнорирует производственную основу этого процесса. В. И. Ленин, используя исследования Гильфердинга, сумел показать его заблуждения и в своих дальнейших исследованиях создал единую теорию монополистической стадии в развитии капитализма при господстве финансового капитала, монополий нового типа, весьма отличных от монополий времен меркантилизма и первых шагов капитализма, только-только оформлявшегося в единую систему. Э. Тейяк же склонен видеть в монополиях современного капитализма «возвращение» к монополиям в период перехода от феодализма к капитализму и до-монополистического капитализма. Исторические фазы в развитии капитализма он выдает за «режимы» дирижируемой и либеральной экономики. Переход же от монополистического капитализма как «дирижируемой экономики» к новой системе — это не какое-то возвращение к либерализму (как можно судить по выводам Э. Тейяка), а переход от капитализма к социализму. Этот вывод, гениально предсказанный в трудах классиков научного социализма К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, получил свое блестящее подтверждение в факте победы действующего реального

социализма в первом социалистическом государстве мира — СССР.

Но Э. Тейяк считает иначе. Экономика СССР для него — лишь вариант современной дирижируемой экономики, однотипной с экономикой США (!). Давая далее характеристику капитализма XX в., «дирижируемого капитализма», он пишет: «Этот второй капитализм (дирижируемый капитализм) процветает сегодня не только в коммунистических странах, но и в странах Запада. Р. Арон объединяет их термином «индустриальное общество», включающее и Россию, и Соединенные Штаты. А это означает, что русская экономика (СССР) не является самостоятельной системой, как, впрочем, и американская экономика (США). И та и другая — лишь своеобразные формы одной и той же фундаментальной системы дирижируемой экономики: и та и другая представляют собой лишь экономические режимы»¹⁶.

Подобно Арону и его последователям, он закрывает глаза на противоположность общественных отношений, присущих этим двум «режимам», а в действительности — двум противоположным общественно-экономическим системам. Абсурдность его концепции очевидна. Независимо от субъективных стремлений и попыток представить свои взгляды как антикапиталистические и несмотря на признание роли институтов и общественных групп как социально-политической основы экономики, Тейяк тонет в болоте обновленной вульгарной экономики и социологии, что неумолимо приводит его к прокапиталистической апологетике. Таким образом, Э. Тейяк — один из типичных представителей современной буржуазной политической экономики, базирующейся на социологической и социально-политической основе, которые (наряду с теоретиками «единого индустриального общества») под давлением общего кризиса капитализма ищут пути выхода из этого кризиса в новых на первый взгляд системах и режимах (особенно в области распределения) посредством обновленной экономико-социологической теории.

Вооруженный таким методологическим инструментарием для различения и анализа экономических сис-

¹⁶ E. Theillaс. Op. cit., p. 24.

тем и структур, Э. Тейяк пытается раскрыть противоречия и вообще диалектику третьей ступени развития капиталистической экономики — дирижируемой экономики «последней четверти нашего века». В реакции против техницизма, в материализме, в стремлении к наживе он произвольно видит зарождающееся в европейском сообществе всестороннее отрицание «общества потребления» и возвращение к социально-экономическим концепциям Платона и св. Фомы. Вместе с тем он указывает и на растущий отпор Европы (т. е. капиталистических стран Западной Европы) натиску и агрессии США; останавливается на попытках Европы освободиться от американской зависимости, от технического и технологического господства США и зависимости от американского атомного оружия.

Э. Тейяк акцентирует свое внимание на подъеме Европы не только в материальном, но и в духовном плане. «Нужно,— пишет он,— идти от субкультуры к культуре, от американского общества потребления к европейско-средиземноморскому, человеческому обществу морального потребления... Идти от великого общественного фарисейства к обществу Мытаря...» (известная аллегория, заимствованная из христианской легенды о фальшивости богатого Фарисея, прикрывающегося религиозным покрывалом, противопоставленной истинной религиозности, глубоко моральной основе бедного, но правдивого человека — Мытаря). Тейяк делает акцент на всевозможных молодежных движениях, и особенно на движении студенческой молодежи, направленном на освобождение общества (и молодежи в том числе) от заблуждений и болезненного усыпления его бдительности с помощью всякого рода дискотек и фильмов, слепого и вульгарного эротизма — всех подобных средств, взятых на вооружение «индустриальной и коммерческой структурой». К числу отрицательных явлений, одурманивающих сознание людей, французский автор осмеливается отнести и «так называемую экономическую науку», покорившую американские и европейский университеты.

Э. Тейяк приветствует «благодетельную революцию», к которой будто бы стремились молодежные бунты наших дней, не делая при этом необходимого

конкретного социологического анализа классов и других социальных структур, не выясняя мотивов этих выступлений. Он увлекается утопическими проектами, насыщенными средневековым романтизмом, и даже религиозными постулатами при трактовке особенностей нового общества, которое должно утвердить себя как «общество духа, оторвавшегося от порочного земного ада». Тейяк возвещает апокалипсический конец — крах существующего крайне технизированного и материалистического общества, если не будет приостановлен процесс его развития¹⁷. Он считает, что молодежные бунты современности направлены к «благодетельной культурной революции», она может привести к изменению существующего порядка, при котором люди подчинены вещам. В связи с этим автор критикует предыдущее развитие, когда материальный прогресс имел пользу исключительно для «частных предприятий и войн».

Далее Тейяк говорит об использовании человеком свободного времени в грядущем обществе, которое представляется ему в виде эдакого клуба свободного времени, открытого для всех¹⁸. Да, будущее общество для всего человечества действительно будет обществом господства сплоченных, дружных людей над господством вещей. О таком обществе мечтал великий социалист-утопист Сен-Симон. Но Сен-Симон видел это общество как некое ассоциированное общество, т. е. социалистическое общество, в котором современная индустрия, основанная на современной технологии, не только не будет уничтожена (как об этом мистически вещает Тейяк), а, напротив, будет создана мощная материальная база для расцвета истинно человеческого общества, заботящегося о каждом человеке, о развитии его индивидуальных сил, его творческой природы. Используя интеллектуальное оружие научного социализма, свободного от теологии и утопий Сен-Симона, сегодня многие народы создают такое общество и уже вступили в фазу зрелого социализма. Этого не хочет и не может видеть благодаря своей порочной методологии соотечественник Сен-Симона

¹⁷ Ibid., p. 245.

¹⁸ Ibid., p. 249—250.

XX века — Э. Тейяк. Но Тейяк не одинок. У него, как мы увидим в следующих разделах настоящей работы, есть единомышленники, что свидетельствует о кризисе научного и идеологического сознания буржуазной интеллигенции в эпоху общего кризиса капитализма и перехода к социализму.

3. Социологические аспекты экономической теории. **Жан Вейер, Ги Дешюигрене-Десруси.**

В современной социологической литературе вопрос о сущности, предмете и методе социологии остается все еще дискуссионным и далеким от решения. По этим вопросам даже во взглядах марксистов-обществоведов существуют значительные расхождения. Не менее сложным остается и вопрос об отношении между политической экономией и социологией, между экономической теорией и социологическими исследованиями теоретического плана. Дискуссионным является и кардинальный вопрос о праве на существование экономической социологии, тесно связанной с политической экономией. Бесспорно одно — все возрастающая социологизация экономического анализа, поиски воздействия социальных факторов и процессов неэкономического характера на экономические процессы, хотя именно экономические отношения и экономические процессы в «последней инстанции» (по выражению Ф. Энгельса) в самых важных направлениях обуславливают весь этот целостный, разносторонний, но единый общественный процесс. Об этой прочной связи экономического анализа с более широким социологическим анализом говорил еще Ф. Энгельс, особенно в своих известных положениях об активном воздействии процессов и явлений надстройки на базис общества, экономику, и об опосредованной детерминирующей роли экономики в общественном развитии. Это конкретно и достаточно ясно показано К. Марксом в трех томах «Капитала», где он говорит, например, о воздействии фабричного законодательства (т. е. о правовой защите наемного труда от стремления капитала к его безграничной эксплуатации) на развитие

капиталистической экономики, о воздействии уровня образования рабочих и пр. на рост капиталистической промышленности и на производительность труда вообще, о роли государства как в эпоху возникновения капитализма, так и при появлении монополистического капитала.

В наши дни социологизация экономической теории все более усиливается в связи с появлением новых форм обобществления производства в национальном и международном масштабе, а также благодаря успехам планового социалистического хозяйства, в котором народнохозяйственное планирование все более органично увязывается с социальными процессами внеэкономического характера. В этих условиях буржуазная политическая экономия в лице значительного числа авторов разных школ и пытается преодолеть узкий индивидуализм и механицизм «неоклассической» политической экономии и дать социологическую интерпретацию экономическим процессам и явлениям. В этом плане «новое» порой оказывается давно известным старым — как это было с институционализмом и французским социологическим позитивизмом в политической экономии (Симиан, Ле Пле, Левассер, Лавель и др.).

В наши дни одним из наиболее видных представителей умеренной академической буржуазной экономической науки в области социологизации экономического анализа является профессор Парижского университета Жан Вейер.

Научное творчество Вейера очень разнообразно по диапазону. Он слывет признанным специалистом в области международных экономических отношений — как во Франции, так и за ее пределами. Но его старой привязанностью является история экономической мысли, рассматриваемая им в подчеркнuto социологическом аспекте. В этом плане он продолжает традиции столь видных ученых, как Жан Маршаль, Жан Лом, Андре Маршаль и др. Он является основателем и руководителем специального семинара, организуемого Парижским университетом и посвященного «истории и социологии экономического познания».

В политическом плане Жан Вейер, по его собственному шутливому признанию, «умеренно буржуазен».

В его научных публикациях немало рационального, они отличаются к тому же богатой эрудицией автора, хотя и окрашенной буржуазным объективизмом. Он решительно выступает за мирное сосуществование двух экономических систем и за широкое международное экономическое сотрудничество, которому посвятил и посвящает значительную часть своего научного творчества. Но нас интересует главным образом его стремление внести свой вклад в создание «социологии экономического познания», что нашло отражение в его труде «Социальные основы экономической мысли», опубликованном в 1974 г. в сотрудничестве с его учеником и соратником Ги Депюигрене-Десруси.

Большое место в этой работе отведено анализу социологических, политических и идеологических аспектов экономических теорий, особенно интерпретации «экономических систем»¹⁹. Авторы упомянутой работы далеки от метафизически-теологических настроений своего соотечественника Тейяка. В философско-гносеологическом плане они опираются на широкие рамки философского неопозитивизма, порой отдавая дань и открытому идеализму субъективистского типа. Они стремятся внести свой вклад методологического и общетеоретического характера в основной сюжет исследования — социальные основы экономической мысли. Для более широкого и разностороннего исследования необходимо, как полагает Ж. Вейер, наличие «одной или нескольких команд междисциплинарного характера», требуется объединить усилия и знания не только социологов и эпистемологов, но и экономистов разных специальностей. Этот процесс, пишет Вейер, уже начался в 60-е годы и успешно развивается во франкоязычных и англоязычных странах. На первом этапе, полагает он, необходимо «сближение между политической экономией, которая сохранила свое традиционное единство (начиная с экономической мысли, подлинно классической, затем экономической мысли второй половины XVIII в. и первой половины XIX в.), и экономической

¹⁹ I. Weiller, Guy Depuigrenet-Desrousilles. Les cadres sociaux de la pensée économique, ed. Presses universitaires, Paris, 1974.

социологией, контуры которой всегда очерчивались с трудом». На этом этапе, как убежден автор, в связи с отсутствием общей социологии следует сделать «решительный акцент не на экономические структуры (торговые, денежные связи, производственные функции и пр.), а на структуры социальные (классы, группы, массы, нации, области как региональные единицы и формы)»²⁰.

Хотя Вейер и использует ряд положений марксистской социологии, он все же не стоит на прочных научных позициях. В плане методологии он отстаивает неопозитивизм и часто, вопреки своему желанию, скатывается к эклектизму. Развитие современной социологии раскрывает некоторые общие черты общественного развития, связанные с системами ценностных представлений или со стилем жизни в различных формациях (естественно, при наличии различного социального содержания этих систем). Абстрагируясь от порочных буржуазно-апологетических установок сторонников теории «единого индустриального общества» или ослабления конфронтации капитализма и социализма, их «конвергенции», нужно признать, что в настоящее время в обеих системах существуют если и не одинаковые, то близкие друг другу процессы и явления, несущие на себе печать индустриализации и современной научно-технической революции. Правда, эти процессы и явления не затрагивают социальной основы, определяющей различия между двумя системами, но они обуславливают некоторые модификации различных сфер общественного процесса, его целостности как единства базисных и надстроечных явлений, а более всего — процессов, носящих внебазисный и вненадстроечный характер.

Однако существование этих и ряда других новых установок общетеоретического характера не отменяет фундаментальных положений историко-материалистической политической экономии и социологии при изучении развития экономических идей, завещанных нам Карлом Марксом. Поэтому политическая экономия, сколько бы она ни подвергалась в прошлом и в настоящем дальнейшей социологизации, сохраняет (да и не

²⁰ Ibid., p. 9.

может не сохранять) свой незыблемый фундамент, созданный еще К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Экономическая социология не сможет стать наукой без фундаментальной историко-материалистической основы, сущность которой — в определяющей, базисной роли экономической структуры как совокупности исторически определенных общественных отношений на производстве.

В экономике, как и во всех научных областях знания, в наши дни, в эпоху научно-технической революции, идет процесс дифференциации, создаются новые научные дисциплины, экономическое знание дифференцируется в относительно обособленные «экономические науки» со своими внутренними подразделениями. Таковы различные отраслевые дисциплины — экономика промышленности, экономика транспорта, экономика торговли, экономика внешней торговли и т. д., а также новые синтетические экономические науки вроде науки о народнохозяйственном планировании, в которую входят такие вполне самостоятельные научные дисциплины, как баланс народного хозяйства или управление народным хозяйством и пр. Но на фоне этого процесса дифференциации знаний во всех классических науках зарождается и тенденция к междисциплинарному сотрудничеству, приводящему к появлению синтетических научных дисциплин в естественных (например, биохимия или биофизика) или в социальных науках, где уже существуют синтетические социологические дисциплины и можно даже отметить попытки создания целостной синтетической социологии, правда, на базе дальнейшей дифференциации самого социологического знания (такова социология отдельных основных отраслей научного познания, в том числе социология труда, социология отдельных отраслей хозяйства и пр.). Естественно, что этот процесс не имеет ничего общего ни с исторически устаревшим опытом ученых прошлого, ни с отдельными достижениями энциклопедизма и универсализма в науке.

При дифференцировании и синтезировании отдельных родов научных знаний в области экономики возникает законный вопрос о судьбе политической экономии как основной экономической науки. По мнению ряда буржуазных авторов, дифференциация экономи-

ческих знаний ставит под сомнение само существование политической экономии. Они намекают на то, что она, мол, свое отжила, что ее поддерживают искусственно и по традиции и что она превращается в бесполезные или малополезные спекулятивно-логические знания. Эту идею о политической экономии, якобы сошедшей со своего трона, поддерживает (правда, весьма осторожно и не вполне ясно) и Ж. Вейер. Как мы убедились, он говорит не только о трансформации, но и о разделении, раздроблении старой «социополитической экономии» на отдельные экономические знания. Подобная позиция, несмотря на колебания Вейера, в сущности, содействует утверждению идеи о ликвидации политической экономии как самостоятельной и основной экономической науки. Вейер не видит обратного процесса синтеза научных знаний и постоянно существующей потребности в фундаментальных исходных экономических знаниях (которые и дает политическая экономия), служащих основой для развития всех видов экономического знания независимо от их дифференциации. Общетеоретические экономические знания не могут и не должны раствориться в дифференцированных, узкоспециализированных экономических знаниях. Без политической экономии они лишатся общетеоретического фундамента и ориентира, лишатся знания общих и основных закономерностей экономических процессов, сущность которых раскрывает только политическая экономия. Дифференцированные и обособленные экономические науки превратятся в эмпирические описательные знания, базирующиеся на некоторых функциональных связях, они рискуют утонуть в своеобразных идеалистических и эклектичных интерпретациях на неопозитивистской философской основе.

Обособление специфических экономических знаний по отраслям (а также иным критериям) весьма относительно, как показывает подлинно научный подход. Ряд авторов-марксистов не без оснований склонны видеть в этих дифференцированных научных дисциплинах отвлечение от политической экономии. Но и сама политическая экономия со своей стороны сейчас испытывает влияние новых дифференцированных, относительно обособленных научных экономических дисципли-

плин. Так, например, современная марксистско-ленинская политическая экономия под влиянием науки о планировании и управлении, развившейся на основе практики социалистического хозяйства, сумела сделать важные обобщения относительно общих принципов управления и планирования социалистического народного хозяйства. Но это было бы невозможно, если бы политическая экономия социализма не раскрывала общие закономерности планомерного пропорционального развития социалистического народного хозяйства. Без политической экономии социализма невозможно существование подлинно научных конкретных дисциплин, изучающих управление и планирование народного хозяйства в более конкретном аспекте.

Таким образом, расщепление общей экономической науки на различные экономические знания не противоречит, как склонен думать Ж. Вейер, существованию этой общей, основной экономической науки. Наоборот, между политической экономией и конкретными экономическими дисциплинами в наши дни возникают взаимообогащающие отношения и связи. Политическая экономия дает фундаментальную теоретическую основу конкретным экономическим дисциплинам, которые в свою очередь обогащают ее более конкретными исследованиями модификаций экономических закономерностей (особенно закономерностей функционального типа). Опираясь на нее, они делают ее, таким образом, еще более жизнеспособной, помогают ей обрести более непосредственные прикладные функции. Но в этом процессе взаимодействия между политической экономией и отдельными конкретными экономическими дисциплинами главным остается примат политической экономии, ее определяющая роль. Вопреки утверждениям Вейера политическая экономия сегодня не только не трансформируется и не раздробляется на отдельные экономические науки, но продолжает существовать как последовательная основная экономическая наука, развивающаяся на незыблемом методологическом и общетеоретическом фундаменте, созданном К. Марксом и Ф. Энгельсом.

В этом свете следует рассматривать и отношения между политической экономией и социологией, между

развитием экономической мысли и социологией — отношения, на которых делают в своих исследованиях акцент Ж. Вейер и Ги Дипюигрене-Десруси.

В буржуазной науке продолжается спор о том, является ли политическая экономия автономной наукой или она подчиняется социологии. В этой полемике принимает участие и Ж. Вейер. С позиций марксистской науки подобная полемика представляется абсолютно бесплодной. Политическая экономия — ярко выраженная историческая и социальная наука, не являющаяся при этом ни историей, ни социологией. Экономические проблемы в основе своей — проблемы социальные, так как сами реальные экономические отношения, исходные объективные закономерности которых политическая экономия изучает, представляют собой закономерности социальных отношений в процессе производства и соответствующего распределения материальных благ. И поэтому речь может идти не о подчинении политической экономии социологии, а об их взаимном сотрудничестве и единстве. Политическая экономия как социальная наука, изучающая экономические закономерности общественного развития, т. е. основу, но не всю совокупность механизмов развития общества, не может и не должна отказываться от сотрудничества с социологией — и как теорией общества в целом, и как основной наукой о разнообразных системах, структурах и структурных закономерностях целостного, но многостороннего общественного процесса. Политическая экономия не может не принимать во внимание воздействия неэкономических процессов на проявление экономических закономерностей и их модификации, о чем мы уже писали выше.

Следуя намеченной классиками марксизма историко-материалистической методологической линии увязывания теоретико-экономического анализа с социологическими исследованиями (при условии примата экономики), современная научная политическая экономия получает возможности для дальнейшего развития сотрудничества между экономикой и социологией. Эти возможности, равно как и необходимость развития подобного сотрудничества, продиктованы новыми, все более сложными условиями современного развития экономики двух систем, а также успехом социологиче-

ских исследований, обогащенных методами, заимствованными из других наук — статистики, математики и пр. Так, наряду с тенденцией к внедрению социологических исследований в область политической экономии появилась новая тенденция к экономико-социологическому сотрудничеству, реализующаяся путем постепенного прояснения контуров новой социологической науки или, вернее, относительно самостоятельного раздела социологии — экономической социологии, развивающейся в тесном контакте и в органической связи с политической экономией.

Предметом экономической социологии могут быть исследования конкретного и теоретического характера, связанные с изучением экономических структур в многостороннем общественном процессе, трудовых процессов, а также индустриальных проблем, обусловленных развитием техники, городов, ростом населения и его стратификацией (имеется в виду пол, возраст, классы, профессии, культурный уровень и пр.). Все эти экономико-социологические проблемы в дальнейшем увязываются с общесоциологическими проблемами структуры и структурных закономерностей общественного процесса в целом.

Экономическая социология добилась сейчас определенных успехов и в некоторых трудах западной немарксистской литературы. И среди этих трудов — исследования проф. Жана Вейера. Но эти успехи сводятся главным образом к ценным эмпирическим изысканиям (с которыми, по мысли Ленина, марксистская наука должна считаться, используя в них все положительное), к выявлению некоторых существенных функциональных связей и закономерностей. Если же говорить о целостном охвате сложного процесса взаимоотношений между экономической наукой и социологией, то следует признать, что в этом аспекте буржуазная экономическая социология страдает эклектизмом и идеализмом.

Пытаясь определить отношение между дифференцированными экономическими науками и социологическими исследованиями, Ж. Вейер отмечает, что «социологическая экономия» распадается на ряд самых разнообразных экономических наук, идя «от экономического анализа к эконометрии и информатике и от

эпистемологии к экономической социологии». Социологическая экономия представляется ему почти растворившейся в дифференцированных экономических науках.

Вейер пытается обрисовать новую социологическую теорию познания в области экономики, используя при этом и кое-что из огромного богатства, оставленного К. Марксом и Ф. Энгельсом. Но его ошибочное исходное положение о трансформации и распадении политической экономии дает свой отрицательный эффект. Монистическим тенденциям его концепции препятствует эклектизм-плюрализм.

Единственной возможностью преодоления односторонних позиций вульгарного социологического материализма и объединения в одно целое экономических и социальных идей является отнюдь не эклектизм, а путь, указанный Ф. Энгельсом, анализировавшим социальные процессы с позиций исторического материализма. Ф. Энгельс с научным мастерством раскрыл комплексность социальных процессов и социальных идей, показал сложную взаимную зависимость между ними, относительную самостоятельность и активную роль идей, политических и ряда других факторов неэкономического характера, участвующих в социальных процессах. Но великий классик марксистской философии и социологии, с другой стороны, тщательно, глубоко и тонко проанализировал лабиринт социальных процессов, их конечную обусловленность характером экономического развития. В научной социологии, стоящей на позициях исторического материализма, выкристаллизовался и продолжает развиваться монистический взгляд на историю человечества, социальные процессы и социальное развитие.

Критикуя своеобразный эклектизм Вейера и Десруси, столь свойственный большинству представителей современной буржуазной социологии, и противопоставляя ему марксистскую монистическую социологическую схему, раскрывающую сложные взаимоотношения между экономической базой и другими элементами общественной структуры, не следует с догматической нетерпимостью сводить развитие марксистской научной мысли к существующим текстам классиков, или «старых авторов», типа Г. В. Плеханова, Франца

Меринга или Скрижевицкого. Нужно идти дальше, следуя этой классической марксистской методологической линии и сообразуясь с современными условиями научно-технической революции, с ростом и относительной дифференциацией научных знаний. И марксизм в этом плане должен проявить себя не догматически, а творчески, прежде всего как ориентир методологического и общетеоретического характера. Именно в этом направлении развивается как современная марксистско-ленинская философия и социология, так и теоретическая политическая экономия, поставленная усилиями К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина на широкие социологические рельсы.

Попытки Жана Вейера и Ги Деппюигрене-Десруси выработать широкие социальные рамки для объяснения экономических идей, касающихся характера экономических процессов, экономической политики, идейно-теоретических представлений о будущем развитии страдают органическими недугами. Несмотря на завидную эрудицию этих французских авторов, их вклад в дело преодоления узкого эмпиризма в исследованиях истории экономической мысли весьма невелик. Не отрицая полностью современные тенденции эмпиризма в буржуазной экономической мысли, Вейер и Десруси пытаются направить их в широкое социологическое русло, где эклектично (а не органично) сочетается абстрактно-теоретическое и узкоэмпирическое, эконометрическое, информативное, эпистемологическое и т. д. Но с помощью всего этого еще нельзя преодолеть узкий эмпиризм, сочетающийся с идеалистической трактовкой и буржуазной апологетикой.

Глава II

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕОКЕЙНСИАНСТВА

1. Концепция функциональных финансов. Абба Лернер

Особого внимания заслуживает тенденция к усилению социологизации теории, проявившаяся в творчестве последователей Кейнса. Интересным примером может служить творчество такого непосредственного последователя Кейнса в США, как Абба П. Лернер. Наиболее полно и систематически взгляды Лернера представлены в его фундаментальной работе «Экономика занятости»¹.

В центре всей системы теоретико-прагматических принципов, освещаемых в работе Лернера, стоит положение о существовании и развитии «функциональных финансов». В сущности, перед нами бюджетно-фискальная система, подчеркнуто активная, направленная на поддержание определенного уровня «расходов», которые должны обеспечить нормальный рост личного потребления и инвестиций в той мере, в какой необходимо, чтобы избежать дефляции, когда эти расходы в целом недостаточны, и наоборот — ограничить их в том случае, если они в целом станут «чрезмерными»,

¹ Абба Лернер. Economics of employment. N. Y. Мы используем французский перевод: Economie de l'emploi, Paris, 1972.

превышающими нормальный уровень и порождающими инфляцию. Далее следует конкретизация и модификация таких известных рецептов Кейнса, как государственные закупки, стимулирование или ограничение кредита и денежного обращения, расходов на личное потребление, разумеется, без использования непосредственно государственного предпринимательства или национализации — меры, поддерживаемой представителями «левого кейнсианства»².

Уже в первой главе своего труда, пытаясь сформулировать в популярном виде принципы «управления экономикой», Абба Лернер подчеркивает, что самой существенной проблемой «нашего современного общества» является вопрос о том, как избежать депрессии и инфляции «с помощью регулирования нормы расходов». Отметив, что фашизм и война усугубляют депрессию и инфляцию и обуславливают невозможность найти выход из кризисного положения с помощью присущих им форм регулирования, Лернер приступает к поискам механизма «нормального регулирования». «Больше всего,— пишет он,— мы нуждаемся в таком механизме, который мог бы регулировать нашу экономику: поддерживать уровень разумной экономической активности, с одной стороны, и избегать любого чрезмерного использования производственных мощностей — с другой, снимать напряжение, вызванное этим чрезмерным использованием, обуздывать инфляцию — главную причину дезорганизации. Нам крайне необходим регулятор занятости, механизм которого смог бы поддерживать постоянное процветание»³. Такой механизм Лернер связывает с использованием «функциональных финансов».

Однако свою концепцию «функциональных финансов» Лернер стремится ввести в определенные социальные рамки. Сам он прямо говорит: «В различных главах работы мне нужно было затронуть политические и административные аспекты политики занятости»⁴. Основной лейтмотив работы сводится к следующему: «...политическая философия демократического

² Ibid., p. 129—135.

³ Ibid., p. 5.

⁴ Ibid., p. 405.

функционализма доказывает, что не существует никаких конфликтов между порядком и свободой». Структура и механизм функционирования экономики представлены автором как подчиненные политическому порядку, «демократическому функционализму». Именно этот политический порядок автор, в духе идеалистической идеологии, выдает за первичную в хозяйстве творческую силу. Однако автор чужд сколько-нибудь углубленной трактовке этого хозяйственного порядка, которая бы способствовала объяснению скрытых закономерностей экономики. Его социальная и «политическая философия» отражает тривиальные социально-политические взгляды либерально-буржуазного толка. «Социальная и политическая философия функциональных финансов,— пишет Лернер,— есть философия демократического функционализма, составным элементом которой и являются функциональные финансы. Демократический функционализм требует применения гуманистических принципов классического либерализма к современным проблемам, к развивающейся современной технике. Конституирующие элементы демократического функционализма — это, с одной стороны, функциональный принцип, а с другой — демократический. Согласно функциональному принципу, все социальные институты — старые или современные, реальные или фиктивные — должны рассматриваться и оцениваться в зависимости от их возможности играть определенную роль в интересах общества; в соответствии с демократическим принципом при оценке социального интереса не следует делать различий между индивидами и группами индивидов; напротив, все люди должны рассматриваться как одинаково достойные с точки зрения общественного интереса... Никогда не следует делать выбор между свободой и порядком. Совсем не нужно искать и компромиссное решение, при котором интересы одного из двух элементов приносились бы в жертву интересам другого. Следовательно, максимум порядка идентичен максимуму свободы. Жертвовать свободой ради порядка так же абсурдно, как и жертвовать целью ради средств ее достижения»⁵.

⁵ Ibid., p. 402.

В этих словах Лернера — его теоретическое кредо. Но мы напрасно будем искать здесь хотя бы признаки научного анализа экономической структуры, основных экономических процессов, механизма функционирования экономики вообще и его проявлений при капитализме. Классы и классовые отношения совсем не интересуют исследователя. Научные определения уступили место легким, априорным, абстрактным и бессодержательным разглагольствованиям о «синтезе между порядком и свободой» в экономике. Лернер, выступая в защиту своей догмы о целительной силе «функциональных финансов», горячо полемизирует как с антисоциалистами-экстремистами, так и с социалистами в связи с их критикой системы «функциональных финансов».

Лернер пытается стать где-то посередине, он отстаивает своеобразный «третий путь», согласно которому функциональные финансы служат интересам демократии. Он отбрасывает как тезис социалистов, утверждающих, что функциональные финансы направлены в социально-политическом аспекте против интересов рабочих и других трудящихся масс, так и тезис экстремистов-антисоциалистов, убежденных в том, что эти финансы открывают антикапиталистический путь, выгодный социалистам и коммунистам. Говоря о том, что из словаря давно нужно выбросить слова «социализм» и «капитализм», Лернер тем не менее вынужден широко ими пользоваться в своей критике взглядов социалистов и экстремистов-антисоциалистов. Он полагает, что «демократия в нашу эпоху должна стать принципиальной основой функциональных финансов». В то же время он признает, что финансы могут использоваться в рамках как диктатуры, так и демократии и что при этом сами финансы «политически нейтральны». По мнению Лернера, демократии должны признать: если они не будут использовать функциональные финансы, то у них еще долго не будет никаких шансов на победу над диктатурами, которые в свою очередь пользуются той же самой техникой»⁶.

Впрочем, Лернер энергично выступает против тезиса экстремистов-неолибералов о том, что «функцио-

⁶ Ibid., p. 311.

нальные финансы» являются своеобразным трамплином к коллективизму и присущему ему всеобщему планированию экономики. В то же время он отстаивает положение, согласно которому система «функциональных финансов» представляет собой «существенный фактор детализированного и децентрализованного планирования, основанного на потоках информации»⁷.

В отличие от большинства теоретиков «единого индустриального общества» и от закоренелых дирижистов в теории и на практике Лернер далек от схем социального преобразования капиталистического хозяйства. Он выступает и против использования ряда элементов и сторон социалистического централизованного планового хозяйства. Более того, Лернер — решительный противник любых концепций и видимых уступок антикапиталистического плана. Однако ему не чужда и социальная демагогия. В весьма своеобразной форме она проявляется в догме о всесии «функциональных финансов», которые в сочетании с «демократическим функционализмом», как полагает автор, помогут преодолеть инфляцию и обеспечить прочное процветание.

Система «функциональных финансов» на буржуазно-демократической основе в условиях государственно-монополистического регулирования применяется в послевоенный период в самых разных вариациях во многих капиталистических странах. На ее счету и скромные достижения — как в плане частичного преодоления процессов стагнации, так и в плане стимулирования экономического роста в пользу монополистического капитала. Однако практический эффект от ее применения весьма далек от тех радикальных ожиданий, на которые рассчитывал Абба Лернер. Более того, в последнее десятилетие эта система оказалась бессильной перед коварным ходом и опустошительными последствиями инфляции, функции которой в конечном итоге связаны с необходимостью обеспечивать высокие монопольные прибыли. Буржуазная хозяйственная политика, связанная с «функциональными финансами», и не пытается бороться с инфляцией. Скорее, она занята поисками возможностей смягчения ее остроты,

⁷ Ibid., p. 417.

поскольку она непосредственно затрагивает интересы монополистического капитала.

В социалистических странах подлинно функциональные финансы действительно могут способствовать экономическому развитию и благоденствию народа, поскольку они стали одним из инструментов и составной частью планируемой экономики. В условиях современного планового социалистического хозяйства централизованное начало все более сочетается с децентрализацией планирования в отдельных звеньях и отраслях народного хозяйства. В этих условиях регулирование расходов на производственное и личное потребление с помощью кредитных и фискальных средств, о которых говорит Абба Лернер, может дать положительный эффект.

2. Концепция социального контроля над экономикой. Джузеппе ди Нарди

Творчество современного итальянского экономиста Джузеппе ди Нарди, формально не относящегося к числу сторонников политизированного неокейнсианства, в сущности, направлено на преобразование политической экономии, на создание своеобразной экономико-теоретической системы, обосновывающей «социальный контроль» над экономикой с позиций, близких неокейнсианству. Стараясь быть оригинальным, ди Нарди на деле развивает уже давно ставшие банальными идеи буржуазных сторонников государственного вмешательства. Но он всячески рекламирует свое творчество в среде тех западных буржуазных экономистов, которые пытаются социологизировать хозяйственный интервенционализм, создать что-то вроде всеобщей теории экономической политики современного буржуазного государства. Нарди — один из типичнейших теоретиков социального контроля над экономикой, превращения социального контроля в имманентную, характерную черту капиталистической экономики. Он во многих отношениях является сторонником концепции «функциональных финансов» Аббы Лернера, хотя и придерживается более умеренных буржуазных позиций.

Ведущее место в его многочисленных трудах, посвященных теоретическим и практическим проблемам экономики, занимает изданная в 1967 г. книга «Социальный контроль над экономикой», с некоторыми изменениями и дополнениями переизданная в 1972 г.⁸. Данный труд представляет собой синтез, развитие и широкую систематизацию взглядов автора на социальный контроль в экономике.

Джузеппе ди Нарди сам квалифицирует свой вклад в разработку весьма спорного вопроса о социальном контроле в экономике как концепцию «возможного планирования». Речь идет о «планировании, реализуемом прежде всего в наведении порядка, а затем — в усилении эффективности представительной демократии». Здесь явно сквозит стремление автора органически связать трактовку экономики с идеологией буржуазной демократии, модифицированной согласно требованиям времени. В сущности, это вариант старой буржуазно-реформистской концепции «хозяйственной демократии», обогащенной системой дирижирования и даже планирования экономики.

Итальянский автор, ратуящий за социальный контроль над экономикой, защищает процесс перерастания всей экономики в социально дирижируемую экономику, исходя при этом из каких-то «общих» социальных целей и интересов «всего» общества.

Нарди отмечает, что неконтролируемая экономика сама по себе становится источником власти. Но демократический идеал требует, чтобы экономическая власть подчинялась общему авторитету закона. Однако демократическое регулирование капиталистической экономики, и экономики Италии в частности, существует лишь на бумаге. Положения закона, как и другие регулирующие нормы, характерные для процесса демократизации экономики, часто видоизменяются под давлением экономической власти сильных мира сего. Чтобы преодолеть формализм в этом вопросе, полагает Нарди, нужно создать реальную эффективную демократическую систему социального контроля над экономикой, которая противостоит элементарным принци-

⁸ Giuseppe di Nardi. Il controllo sociale dell economia. Milano, Giuffrè editore, 1972.

пам либерализма. Либералы от экономики делают акцент на благотворной роли естественного преодоления дисгармонии через автоматизм рыночного механизма. «Коллективисты» же, говоря о существовании постоянного социального неравенства, порождаемого автоматизмом рыночного регулирования, предлагают для его преодоления использовать активное вмешательство со стороны государственной власти. Под «коллективизмом» Нарди понимает именно буржуазный интервенционизм, т. е. активное вмешательство государства и других публично-правовых институтов в экономику. Он практически отождествляет «коллективизм» вообще с интервенционизмом буржуазного государства и его публично-правовых институтов.

Под влиянием кейнсианства Нарди выступает против неоклассического фундаментального положения о естественно образующемся и прочном экономическом равновесии, о благотворной роли «совершенной конкуренции», в которой якобы заключается разгадка «всеобщего благоденствия». По мнению Нарди, модели неоклассиков-маржиналистов вступают в резкое противоречие с хозяйственной действительностью, особенно на современном этапе развития хозяйства. Он полагает, что в результате конкурентной борьбы появляются монополистические тенденции, противопоставленные коллективным интересам, интересам всего общества. «Везде,— пишет он,— с появлением монополии, в каком бы виде она ни выступала, возникает опасность определенного разрушения богатства».

И далее Нарди отмечает: «Причиняемый монополией вред можно объяснить следующим образом: обычно монополист сужает производство, для того чтобы увеличить свою прибыль, увеличивая продажную цену на продукт; это приводит к перемещению части дохода потребителя в пользу монополиста. Если проанализировать, каким образом возникает при этом убыток для общества, то окажется, что монополист, ограничивая производство, освобождает из общего количества факторов производства ту часть, которая будет направлена в отрасли производства, которые в меньшей степени интересуют потребителей, в результате чего останутся неудовлетворенными какие-то их потребности, причем, как правило, самые необходимые, самые

неотложные. С другой стороны, устранение конкуренции будет способствовать тому, что такие предприятия не смогут сами организовать производство при минимальных производственных расходах; это также является расхищением богатства, так как окажется, что производственные факторы, инвестируемые в такие предприятия, употреблены не самым производительным способом»⁹.

Впрочем, говоря об отрицательных по своему значению действиях монополий, появление которых Нарди считает почти неизбежным в условиях конкурентной борьбы и стихийного взаимодействия различных факторов производства, итальянский ученый не выходит за рамки философии либералов-маржиналистов. Он лишь пытается корректировать ее, приспособить для объяснения необходимости «социального контроля», т. е. вмешательства государства и т. д., что, как известно, классики и неоклассики полностью отрицают. Он пытается ревизовать основные позиции неоклассического маржинализма, не отрицая их полностью. Он резко выступает против догмы автокоррекции и автоматического восстановления равновесия путем свободной, «совершенной конкуренции». Нарди подчеркивает, что появление монополий вредит интересам и нуждам общества. Но он не доходит до правильной концепции о диалектике развития капиталистической экономики в условиях свободной конкуренции, которая упорно и непреодолимо ведет к монополистической фазе в развитии капитализма, при которой свободная конкуренция превращается в монополию и монополистическую конкуренцию, где свободная конкуренция в ее чистом виде деформируется. Анализируя процесс возникновения монополистической тенденции, Нарди ищет выход не в преобразовании экономики на коллективных началах, а в коррективах либеральной экономики по линии «социального контроля», организованного государством и его публично-правовыми институтами. Впрочем, это весьма естественно для экономиста, стоящего на буржуазных позициях.

Теоретической базой Нарди при трактовке современной капиталистической экономики является именно

⁹ Ibid., p. 73—74.

ревизованный либерализм. Нарди не верит в «автокоррекцию», преодоление «неравновесий» и в установление прочного статического равновесия — с помощью своеобразной конкуренции — тезис, поддерживаемый в различных вариантах либералами неоклассического толка. Но он рассматривает вред, причиняемый интересам потребителей и общества, через теоретическую призму своеобразного неолиберализма. По его мнению, потребители лишаются части своих доходов в пользу монополистов, так как с нарушением совершенной конкуренции они получают при обмене меньше, чем платят контрагенту-монополисту. Эксплуатация существует в процессе обращения, вследствие нарушения эквивалентности обмена, в актах обмена между отдельными факторами производства. Он приходит к неверному выводу о том, что монополизацию экономики порождает не сама свободная конкуренция, а ее нарушения и что это происходит в связи с отсутствием «социального контроля». Перед нами — вариант идей, известных в истории экономических учений, приспособленный к современным условиям с целью отстоять позиции современного капитализма. «Тенденция перехода от конкуренции к монополии,— пишет Нарди,— по всей видимости, представляет собой фатальное вырождение режима конкуренции». Он близок к пониманию некоторых аспектов действительных изменений в структуре «капитала при его укрупнении и развитии индустрии». Нарди отмечает относительное увеличение постоянного капитала в сравнении с переменным, хотя в своем анализе он не пользуется четким положением Маркса о делении капитала на постоянный и переменный, важным с точки зрения выявления источника прибыли — прибавочной стоимости. «Современная индустрия,— пишет Нарди,— демонстрирует, таким образом, одну яркую тенденцию к увеличению постоянных издержек (*costi constanti*) по сравнению с переменными (*quelli variabili*), в результате чего становится возможной экономия производственных расходов, создаются более благоприятные условия для действия закона роста производительности и увеличения масштабов производства»¹⁰. В этом процессе Нарди

¹⁰ Ibid., p. 74.

пытается найти (и почти находит) некоторые черты реальной тенденции к монополизации производства, которая неминуемо приводит к злоупотреблениям со стороны монополий, причиняющих ущерб интересам общества. Нарди приближается и к пониманию сущности процесса концентрации капитала как основы возникновения и роста монополистического капитала. Но, подобно французскому ученому Франсуа Перру, Нарди представляет государство как силу экономики, которая способна приостановить пагубное влияние монополий на экономику, что имело бы большое значение для демократической защиты интересов широких народных масс. Однако эти интересы рассматриваются исследователем с точки зрения потребителя, подвергающегося эксплуатации со стороны монополий в процессе обращения, т. е. совсем не там, где скрывается истинный корень зла — процесс общественного производства на капиталистической основе.

Буржуазный экономист Джузеппе ди Нарди видит спасение в государстве, которое, по его замыслу, должно защищать благотворные «прелести» свободной конкуренции, которая, правда, далека от «совершенства», и устранять последствия злоупотреблений монополий. Опираясь на некоторые положения известного в недавнем прошлом итальянского неоклассика Эйнауди, он пишет: «Если монополистические формации ведут свое начало от спонтанного дегенерирования режима конкуренции, то, следовательно, этот режим недолговечен, он не может быть продолжительным; он, как говорит Эйнауди, нежный, слабый росток, который нужно защищать от эгоизма и своекорыстных частных интересов, от опасности, которую содержит в себе любая часть экономического свода»¹¹. Нарди критикует лишь крайности либералистской концепции маржиналистов «классического» и «неоклассического» типа, их догму и веру в гармонию и устойчивое, чуть ли не постоянное равновесие капиталистической экономики в условиях режима «совершенной конкуренции». Нарди отрицает именно возможность «совершенного» развития свободной конкуренции. Он даже понимает, что эта конкуренция отклоняется от своего

¹¹ Ibid., p. 77.

«совершенства», порождая монополии и монополистический режим экономики. Но он не отрицает, а, наоборот, приветствует благотворную роль конкуренции, якобы гармонизирующей интересы носителей факторов производства, допуская ее значительную коррекцию за счет эффективного вмешательства государства.

Своеобразный неолиберализм Джузеппе ди Нарди значительно отличается не только от неолиберализма Ф. Хайека, Л. Робинса, Э. Чемберлина и других ярых защитников «совершенной конкуренции», но и от таких буржуазных экономистов-неолибералов XX в., как В. Рёнке.

Рёнке и его сторонники выступают за более ограниченное вмешательство государства. Они считают, что государство должно участвовать лишь в процессе устранения монополий, открывая дорогу полной свободе конкуренции, которая должна перерасти в «совершенную конкуренцию». Антисоветски настроенный В. Рёнке, в частности, видел монополию прежде всего в деятельности рабочих профсоюзов, мешающих, по его мнению, свободе конкуренции.

Джузеппе ди Нарди, напротив, отстаивает другую линию — линию активного вмешательства государства в хозяйственную жизнь. Он выступает за широкое государственное вмешательство, не исключая программирования и частичного планирования экономики, против чего весьма болезненно возражали упоминавшиеся выше неолибералы. Он весьма далек от их ультрареакционных идей, касающихся рабочих профсоюзов. Нарди использует в своей игре реформистскую буржуазно-демократическую карту, лишь бы не касаться более значительных, более глубоких структурных изменений в капиталистической экономике, как это пытаются делать другие буржуазные экономисты, особенно экономисты левокейнсианского типа, о которых пойдет речь в следующем разделе настоящей работы. Для него «вмешательство государства... не может ограничиваться лишь гарантией функционирования конкуренции; нужно идти дальше — к изъятию и перераспределению национального дохода, брать у одних и отдавать другим; роль государства не сводится лишь к определению цены за его услуги, оно должно прежде всего исключить любую форму

нестабильности, которая вытекает из естественного неравенства людей, обостренного их алчностью»¹².

В своих стремлениях конкретизировать место современного буржуазного государства в системе капиталистической экономики Нарди исходит из ошибочного апологетического положения о надклассовом характере государства в буржуазном обществе, которое он отождествляет с обществом в целом. Он пишет, что государство якобы способно отстаивать интересы «коллективности», широкие общественные интересы, абстрагируясь от интересов отдельных групп. На самом деле это не так. Современное буржуазное государство всей своей деятельностью в области политики и хозяйства защищает и отстаивает преимущественно интересы монополистической верхушки. Это государство монополистического капитализма. Разумеется, при характеристике современного государства, в анализе его отношения к экономике не следует допускать догматизма и упрощения. Как утверждал известный советский экономист Е. Варга, в современном капиталистическом государстве можно проследить и процессы, связанные с защитой интересов капиталистического класса в целом, что частично может наносить ущерб интересам отдельных капиталистических групп и кругов. Но все же это скорее тенденция, которая далеко не всегда и далеко не везде может быть реализована. Но даже и в случае своей реализации эта тенденция выглядит весьма неустойчивой, неполной, крайне подверженной давлению и натиску со стороны крупнейшего монополистического капитала. Иначе обстояло бы дело в случае победы сил, организованных в единый антимонополистический фронт. Тогда уже в самом начале, на этапе крупных демократических преобразований, развернулся бы процесс поэтапного перехода от буржуазного государства к государству, защищающему интересы широких народных масс во главе с пролетариатом.

Естественно, Джузеппе ди Нарди вовсе не имеет в виду такие социально-политические и экономические ситуации, когда говорит о возможностях государства отстаивать в области экономики прежде всего интере-

¹² Ibid., p. 78.

сы широких общественных кругов, выступая против антиобщественных интересов привилегированных монополистических групп капиталистов. Эти функции Нарди ошибочно и апологетически приписывает современному буржуазному государству, пытаясь скрыть его сущность за мнимо надклассовым покрывалом. Однако он не пытается найти основы хозяйственных решений в социальном анализе капитализма, его структуры на современном этапе, о которой он время от времени говорит в своих работах.

Интересным моментом в теоретических взглядах Нарди является его идея о «более реалистической», чуть ли не гуманизированной капиталистической экономике, свободной от все более усиливающейся нестабильности. По его мнению, «капиталистическая экономика стала непопулярной по ряду причин, одна из которых — чрезмерное увеличение риска, угрожающего практически каждому»¹³.

В то время как многие буржуазные экономисты все еще поддерживают апологетическую концепцию о смягчении и сглаживании антагонистических противоречий и кризисных процессов в современном капиталистическом обществе, Нарди говорил об этих противоречиях в конце 60-х — начале 70-х годов, т. е. до начала хозяйственного кризиса, последствия которого капиталистический мир все еще переживает. Однако это признание существования противоречий не случайное и не чисто индивидуальное проявление. Оно отражает глубокий кризисный процесс некоторых сторон современной буржуазной политической экономики. В отличие от прежней более старой апологетики капитализма в современной буржуазной политической экономике все чаще раздаются голоса за перестройку основ капитализма. Правда, эти высказывания обычно сопровождаются разговорами о возможности лечения капитализма и даже полного его выздоровления, высказываются мысли о том, что капитализм может достичь в своем развитии новой фазы за счет проведения структурных реформ, расширения и углубления планирования и пр.

¹³ Ibid., p. 117—118.

В своих критических замечаниях, касающихся современной капиталистической экономики, Нарди, в сущности, движется в этих же границах. Его критические положения о современном капитализме при всей их остроте весьма ограничены, они не выходят за рамки буржуазных взглядов, причем взглядов определенной, антисоциалистической направленности.

Спасение и дальнейший подъем капиталистической системы ди Нарди видит в расширении вмешательства государства по двум направлениям: «по линии создания государственных предприятий в секторах и областях, где не хватает частных вложений», и «по линии государственного вмешательства в те отрасли, где недостаточно в количественном и качественном отношении представлен класс индустриальных руководителей и где в то же время отмечается меньшая готовность частных предпринимателей к созданию новых предприятий»¹⁴.

Все, таким образом, сводится к политике развития, которая, чтобы оставаться политикой, должна осуществляться на уровне правительства, а не на уровне предприятия¹⁵. Тем не менее автор предупреждает об опасности чрезмерной централизации власти — опасности, которая, по его мнению, угрожает гражданским свободам.

Именно к этому, по его мнению, и ведет все большая концентрация производства. Вот почему возрастает роль общественного контроля, который должен не только вмешиваться, но и быть воплощением внимания и мудрости. И, как добропорядочный христианский демократ, Нарди спешит сослаться на слова, сказанные еще св. Августином Блаженным: «Не должно быть власти, не опирающейся на прочную моральную основу».

Таким образом, Нарди выступает сторонником лишь частичного огосударствления экономики при строгом соблюдении частной инициативы.

Джузеппе ди Нарди резко выступает против социалистических форм и методов народнохозяйственного планирования, базирующегося на коллективной соб-

¹⁴ Ibid., p. 149.

¹⁵ Ibid., p. 160.

ственности на средства производства. Он считает, что социалистическое хозяйство и его планирование могут заменить человека и его индивидуальную инициативу вследствие централизации всей экономики в руках «тоталитарного» государства. Все национальное хозяйство, полагает он, превращается в этом случае в «единое гигантское предприятие», которое подчиняет себе хозяйственную инициативу, максимально ее ограничивая. Это положение явно противоречит новым формам и методам управления и планирования народного хозяйства в СССР и других социалистических странах, где центральное плановое начало все более органически сочетается с широкой децентрализацией управления и планирования всего народного хозяйства.

Социалистическому планированию итальянский автор противопоставляет «демократическое планирование». Этому планированию он приписывает «реализацию социальных целей на основе общественных интересов». Конечной целью планирования Нарди считает необходимость преодоления кризисов перепроизводства, обеспечение экономической стабильности. Он пишет: «Налоговая система, организация социального прогнозирования и банковская система контролируются правительством, что позволяет обеспечивать стабильность экономики. В свою очередь экономическая стабильность не является только техническим фактом. Она планируется и предполагается как синтез социальных целей: высокого уровня занятости и оплаты рабочим любой сверхурочной работы, поддержание бодрого духа, здоровой инициативы с помощью эффективного использования наличных экономических ресурсов»¹⁶.

В действительности «демократическое планирование» (а вернее, программирование) обслуживает в первую очередь интересы крупного капитала, хотя рабочий класс и другие слои трудящихся своей упорной борьбой тоже могут многого добиться, что, разумеется, нельзя сбрасывать со счетов.

Бесспорно, в условиях современного капитализма роль планомерных процессов в капиталистической экономике возрастает. Однако они постоянно подвергаются деформации со стороны капиталистической стихии,

¹⁶ Ibid., p. 303—304.

которая не может быть преодолена полностью, хотя в какой-то мере при наличии государственно-монополистических тенденций и форм ее влияние можно ограничить. Современное программирование и планирование капиталистической экономики весьма далеки от той модели, которую описывает Джузеппе ди Нарди. Эффект от использования программирования и планирования имеет двоякий характер. С одной стороны, с помощью государственной хозяйственной политики в ряде капиталистических стран в определенные периоды добиваются уменьшения влияния последствий периодических кризисов, а также известного удлинения фазы подъема экономического цикла; повышается концентрация и специализация производства, усиливается конкурентоспособность национальных монополий. С другой стороны, проблема реализации по-прежнему остается нерешенной даже там, где широко используется практика программирования. Способствуя капиталистической концентрации, программирование увеличивает потенциальные возможности для дальнейшего возрождения и усиления кризисных явлений и процессов при временном их ограничении.

Известный советский экономист Е. Варга, отмечая, что не следует переоценивать значение государственных антикризисных мероприятий, подчеркивает, что регулирующая деятельность государства, опирающегося на существующую перспективную статистику, может оказать известное влияние на сроки и интенсивность подъема и кризиса ¹⁷.

При современной, выходящей за рамки отдельного предприятия относительной организованности капиталистического производства при наличии крупных корпораций, охватывающих целые отрасли и в какой-то мере даже влияющих на межотраслевые связи (учитывая стихийность, бесплановость, порождаемые монополистической конкуренцией), капиталистическое государство обладает более значительными возможностями для снабжения деловых кругов прогнозными данными. Именно «предсказания» такого рода, по выражению Е. Варги, дают возможность капиталистам «своевре-

¹⁷ См.: Е. Варга. Очерки по проблемам политэкономии капитализма. М., 1964, с. 256 и сл

менно сокращать производство, если это диктуется состоянием рынка, и не допускать крупного перепроизводства товаров».

Все эти «предсказания» крайне неточные, как верно замечает Варга, в сущности, являются попыткой составления прогнозов, сконцентрированных в определенную систему экономического программирования и связанных с математико-статистическими моделями. Об ограниченном положительном эффекте капиталистического программирования говорит практика государственно-монополистического регулирования в странах, где такое программирование практикуется в широких масштабах — особенно во Франции, Голландии и Норвегии. Об этом наглядно свидетельствует в наши дни острый хозяйственный кризис с его все более и более увеличивающейся безработицей, напоминающий опустошительный кризис 1929—1933 гг., но обладающий новыми, специфическими чертами, связанными главным образом со спецификой современной инфляции*. Причем кризис развивается вопреки многочисленным мероприятиям, направленным на сохранение устойчивого экономического роста и динамического равновесия; вопреки мероприятиям, которые в рамках программирования и планирования включали в себя и способы если не полного преодоления безработицы, то по крайней мере ее максимального сокращения.

Итак, тенденции к планомерности в современных капиталистических странах не являются доказательством возможности создания планового капиталистического хозяйства в целом, как это предполагает Джузеппе ди Нарди.

* Речь идет о кризисе 1973—1975 гг. — *Прим. ред.*

Глава III

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМЕТРИКИ. ЯН ТИНБЕРГЕН

В последнее время некоторые представители эконометрического направления в буржуазной политической экономии пытаются преодолеть узкие рамки количественных методов. Ярким примером в этом отношении являются труды известного голландского экономиста-эконометрика, лауреата Нобелевской премии Яна Тинбергена. Особый интерес представляет его книга, составленная из отдельных работ и статей по данной проблеме, под общим заглавием «Экономическая политика и социальный оптимизм», вышедшая в 1972 г.¹

Она посвящена в основном проблемам мирового хозяйства, международных экономических организаций, проблемам экономического развития «третьего мира», а также процессам «конвергенции» двух мировых систем, сущности и различным «вариантам» социализма и т. д.

Известный американский экономист Селигмен не без основания отмечает: «Замечательной чертой работ Тинбергена является попытка пролить свет на общественные институты и экономическую политику с

¹ J. Tinbergen. *Politique économique et optimum social*. Ed. Economics, Paris, 1972.

помощью известных величин в уравнениях. Эти величины включают физические и психологические характеристики, а также действия институтов, которые могут быть выражены либо количественно, либо качественно. И хотя можно оспаривать то, как Тинберген использует понятие социальной полезности или функцию благосостояния, основанную на концепции равенства, все это придает его модели такую завершенность, которой нет в моделях других авторов»².

В политическом плане Тинберген предстает как активный сторонник мира и мирного сосуществования двух систем. Это для него — предварительное условие материального и культурного процветания человечества на современном этапе. Он делает попытку доказать наличие в двух системах существенных общих черт не только в административных и технических методах организации и управления экономикой, но и в социально-экономической области. В этом он видит широкие возможности для конвергенции двух систем. Однако его схемы конвергенции двух противоположных социальных типов экономики являются, по существу, механистическим сравнением внешних сторон и организационных форм.

Теоретический анализ Тинбергена свободен от «чистой теории» и «холодной механики» Вальраса и Парето с их безразличием, «нейтралитетом» к тем целям, которые ставятся политическими режимами. В этом плане он открыто ревизует «чистую экономику» Вальраса, ставя в качестве исходных принципов экономических исследований определенные социальные цели. К ним в первую очередь относятся достижение «общественного благосостояния» при определенных социальных институтах и социально-экономической политике, справедливое распределение доходов, экономическое процветание всех наций, и прежде всего стран «третьего мира».

Ян Тинберген является откровенным сторонником концепции «смешанной экономики», в которой якобы

² Б. Селигмен. Основные течения современной экономической мысли. М., 1969, с. 535. Но Селигмен не вполне осознает, что сами дефиниции Тинбергена крайне фрагментарны, формалистичны и почти лишены действительной социально-экономической качественной широты.

имеет место сочетание централизованного планирования и руководства народным хозяйством с «либеральной экономикой», подчиненные принципу «всеобщего благосостояния».

Ян Тинберген — сильный экономист в области эмпирического исследования современной капиталистической экономики, а в какой-то степени — социалистической экономики. Некоторые его работы имеют положительное значение и для практики регулирования и планирования экономики. Но Тинберген остается в орбите буржуазной идеологии со всеми ее прокапиталистическими тенденциями, несмотря на то, что формально он выступает как сторонник социализма и, подобно своему коллеге, шведскому профессору Г. Мюрдалю (также убежденному и искреннему стороннику мирного сосуществования), тяготеет к социал-демократической партии своей страны.

По существу, «социализм» Тинбергена сводится к весьма умеренному буржуазному реформизму, направленному на частичное перераспределение национального дохода с помощью фискальной политики, налогового обложения, затрагивающего в незначительной степени крупные нетрудовые доходы.

Что касается исходных теоретических положений Тинбергена о социализме, можно сказать, что они сводятся у него к известным буржуазным концепциям недавнего прошлого (Л. Буржуа, Ф. Симьяна, Ле Пле и других французских ученых конца прошлого — начала нашего века) о солидаризме.

Социализм у него предстает как «институционализация» солидарности человеческих существ, как признание ответственности общества за благосостояние его членов.

Нет сомнения, что в его высказываниях о солидарности между людьми в социалистическом обществе содержится известная доля истины, но в них отсутствуют исходные реальные исторические предпосылки и социально-экономическая структура социализма. Во всех его высказываниях и определениях социализма нет анализа собственности на средства производства, роли классов и классовой борьбы в процессе возникновения социализма и на начальном этапе его строительства.

Тинберген — сторонник концепции конвергенции двух систем. Он спрашивает: «Приближаются ли коммунистические и либеральные экономики к единой общей модели?» По его мнению, современная действительность свидетельствует о том, что обеим системам присущи непрерывные изменения. В этой связи он пытается доказать, что «в некотором отношении эти изменения отвечают конвергентному движению». В доказательство своего тезиса он приводит отрывочные данные о структуре социалистической экономики, преимущественно советской, без всякой связи с ее основами и целями, собственностью на средства производства, т. е. закономерностями, которые коренным образом отличаются от закономерностей и целей капиталистической экономики.

Те некоторые явления и процессы в социалистической экономике, которые похожи, а в ряде случаев примерно идентичны капиталистическим, имеют организационно-функциональный характер, т. е. они непосредственно связаны с производительными силами, а не с социальными отношениями на производстве. «Конвергенция» — это в сущности, частичное и в значительной мере внешнее сходство, а отнюдь не выражение зачатков сближения, переплетения и установления сходных однотипных форм в социальной структуре двух радикально различных, согласно терминологии Тинбергена, систем.

Наивная и поверхностная формальная логика не только берет верх над социально-экономическим качественным анализом, но и вытесняет и поглощает его. Об этом свидетельствует и тот факт, что Тинберген считает конвергентным элементом приближения советской экономики к капиталистической экономике Запада и широкое применение математических методов в теоретико-экономическом анализе и в практике хозяйственного планирования в СССР. В данном случае особенно ярко прослеживается наивный формальный логический подход, не увязанный с историческим диалектическим анализом специфики структур и закономерностей двух противоположных социально-экономических систем. Некоторое временное отставание СССР в области применения математических методов в экономической теории и практике, известная недооценка

этих методов и последующее ее преодоление, более того, ускоренные темпы развития и применения математических методов вовсе не означают заимствований западных экономических теорий и практики, развития процессов конвергенции, переплетения с экономической структурой Запада.

Применение математических методов в экономической теории и практике нейтрально в социально-идеологическом отношении и вовсе не является свидетельством того, что социалистическая экономика воспринимает элементы капиталистической экономики как социальной структуры. Противоположное утверждение является полным абсурдом, хотя нельзя и отрицать некоторого положительного влияния буржуазной экономической мысли именно в нейтральной (в социально-идеологическом отношении) сфере — в сфере самой техники и методов экономико-математического анализа. Применение математических методов в исследовании экономических процессов в социалистических странах имеет огромное преимущество, поскольку оно тесно связано с фундаментальными положениями марксистской политической экономии. Количественный, формальный анализ органически увязан здесь с качественным анализом и в значительной степени является его функцией. Сам же качественный анализ решен и обогащен количественным статистико-математическим анализом. Таким образом, в противовес утверждению Тинбергена, марксистская экономическая мысль противостоит в этом отношении западной экономической мысли.

Положения и оценки Тинбергена относительно расширения внешнеторговых и других форм внешнеэкономических отношений между социалистическими странами, а также социалистическими и капиталистическими странами в определенных случаях верны и имеют в целом положительное значение для дальнейшего укрепления и расширения взаимовыгодных экономических связей между странами двух систем, что способствует их мирному сосуществованию и международному сотрудничеству. Но все эти факты отнюдь не говорят о наличии конвергенции в действительном смысле данного термина.

Ян Тинберген, отмечая ряд ситуаций (на его взгляд, конвергентных), имевших место в послевоенном развитии социалистических стран и в их отношениях с капиталистическими странами, делает попытку показать изменения социально-экономической структуры и в капиталистических странах. Он отмечает прежде всего, что в народном хозяйстве повышается роль «общественного сектора», государственной собственности, усиливаются ограничения свободной конкуренции в связи с необходимостью «стандартизации» продукции, ограничивается свобода и регламентируется деятельность предприятий со стороны правительства и т. д. Тинберген подчеркивает также, что на Западе усиливаются процессы планирования как в крупных частных предприятиях, так и при определении национальной экономической политики.

Для обоснования своей идеи о якобы углубляющейся конвергенции между двумя системами Тинберген рисует широкую картину обязательств и прав государства и других общественно-правовых организаций, регламентирующих и контролирующую частную хозяйственную деятельность, а в определенных случаях и ограничивающих ее. Отмечается, например, процесс, расширения и стимулирования образования. Автор обращает особое внимание на налоговую политику в западных странах как средство регулирования и планирования экономики. Больше половины прибылей частных предприятий изымаются, по его мнению, в форме налогов и дивидендов. Он отмечает возросшую роль директоров, крупных менеджеров на предприятиях, вытесняющих на задний план собственников капитала (в духе известных теорий о «революции управляющих», о примате технотруктуры, разработанных Бернхэмом, Крослэндом, Шумпетером, Гэлбрейтом и т. д.³). Намечает перспективы и возможности дальнейшего сближения по многим направлениям развития «западных» и «коммунистических» стран. Автор приписывает западной экономике черты, на самом деле присущие социализму. Превратно интерпретируя государственно-монополистические формы и тенденции, он утверждает, что государственно-монополистическое

³ Ibid., p. 63, 64.

регулирование со стороны капиталистического государства осуществляется не в интересах класса капиталистов, что оно ведет к частичному освобождению общества от власти капитала, т. е. к освобождению западной экономики от ее капиталистической сущности. Что же касается некоторых демократических реформ, осуществленных под натиском народных масс, и прежде всего — рабочего класса, их борьбы против капиталистической эксплуатации, то автор явно преувеличивает их значение, объявляя их структурами нового социального типа, направленными на преодоление капиталистического характера общества без ликвидации капиталистической собственности (например, расширение системы образования, необходимого капитализму в условиях современного научно-технического прогресса, социальное обеспечение, частичное перераспределение доходов путем налогового обложения при незначительном сокращении прибылей и т. д.).

Заслуживает внимания позиция Тинбергена относительно уменьшения доходов от капитала, а также тенденция к значительному уменьшению различий в индивидуальных доходах. Прогрессивное подоходное налогообложение и общественные финансы, предназначенные для «общего блага» (общественное строительство, социальное обеспечение и др.), по его мнению, способствуют большому уравниванию доходов. С другой стороны, он отмечает тенденцию к относительному снижению дохода от капитала в национальном доходе.

Тинберген считает типичным пример Великобритании, где доходы от капитала за период 1910—1914 гг. превышали 36%, а за период 1963—1973 гг. составили 18%. В Голландии, согласно его данным, доход от капитала снизился с 33% в 1930 г. до 21% в 1968 г. Однако Тинберген не учитывает того, что некоторые виды крупных доходов, считающиеся трудовыми — доходы директоров и других высших функционеров капиталистических предприятий, — фактически сливаются с дивидендами на капитал, хотя номинально они и считаются заработной платой. В буржуазных странах в официальные данные о заработной плате и других вознаграждениях чисто формально включаются и доходы высокооплачиваемых служащих фирм, управля-

ющих предприятиями, а также и другие категории вознаграждения высшего наемного персонала, получающих на самом деле скрытую долю прибыли на капитал. Интересно, что даже буржуазный статистик П. Студенский отмечал: «Оплата служащих корпораций, которая в нашем национальном доходе трактуется как трудовой доход, содержит значительную часть дохода от капитала... Доходы, полученные руководителями корпораций, лишь частично являются результатом их личных усилий, ибо в большей части это доходы от капитала компаний»⁴.

Таким образом, формальные критерии, применяемые при определении доли участия различных категорий доходов в национальном доходе, служат маскировкой действительного положения вещей. Это весьма типичное явление для официальной статистики, бухгалтерской отчетности и налогового обложения в капиталистических странах. В данном случае маскировка не является трудным делом, если учитывать отделение функции капитала от управления процессом капиталистического производства.

Более глубокий анализ динамики доходов на капитал, часто прикрываемых различными фальшивыми видами трудового вознаграждения, а также анализ динамики действительных трудовых доходов опровергает положения и выводы Яна Тинбергена относительно растущей в «западной либеральной экономике» тенденции к уменьшению резких различий между доходами различных социальных категорий населения, к относительному уменьшению доходов от капитала в национальном доходе. Для того чтобы раскрыть действительные процессы, касающиеся динамики доходов, необходимо освободить статистический анализ от формализма, некритического отношения к официальной статистике (особенно это касается категории доходов), т. е. необходимо превратить такой статистический анализ в действительно статистико-экономический анализ, в котором статистические данные подвергались бы точной социально-экономической обработке с позиций научной политической экономии. Тинберген же,

⁴ Цит. по: «Политическая экономия современного монолистического капитализма», т. I, М., 1975, с. 283.

используя статистические данные, стоит на формалистических позициях. У него отсутствует действительный социально-экономический анализ.

Справедливости ради следует отметить, что Тинберген, защищающий в принципе весьма наивные, упрощенческие взгляды относительно тенденции двух систем к конвергенции, уменьшения резких социальных различий в доходах, «социализации» некоторых экономических процессов якобы в интересах «всеобщего благоденствия» в рамках западной экономики и т. д., нередко вносит определенные коррективы в свои положения, выражает некоторые сомнения в возможности их полной реализации в условиях современной капиталистической действительности. Так, он отмечает, что «большая часть возросшей заработной платы аннулируется за счет повышения цен; ползучая инфляция стала главным препятствием на пути роста трудовых доходов»⁵.

Тинберген прав, отмечая абсолютную необходимость эмпирических проверок исходных теоретических конструкций, более частого рассмотрения и возможных корректировок произведенного анализа. Он считает, что экономисты призваны разработать количественные критерии «оптимального социального порядка», необходимые для достижения «всеобщего благосостояния» в экономической области. Однако невозможно найти оптимальные величины прибыли, рентабельности, цен, производственных затрат и т. п., одинаковые и для капитализма, и для социализма.

Тинберген прав, выступая за то, чтобы все большее число экономистов в парламентах и других государственных органах обращались к экономическим проблемам. Он выступает за тесный контакт экономистов и политиков, за политизацию и большую прагматизацию экономической науки. Нет сомнения, что хозяйственная политика все в большей степени нуждается в компетентных консультациях и научных реалистических моделях, разрабатываемых экономистами. Для хозяйственного руководства и управления экономикой на микро- и макроуровне действительно будет возрастать

⁵ J. Tinbergen. Op. cit., p. 265.

необходимость и положительное значение исследований количественного характера. Нет сомнения, что некоторые положения и элементы «чистой экономики», освобожденные от неоклассических догматов и чрезмерной абстрактности, могут быть использованы в современном формальном количественном анализе. Это в первую очередь относится к количественным критериям оптимума экономической эффективности, правда, в органической связи и в сочетании с качественным анализом, учитывающим социальный характер экономических категорий. Однако Тинберген идет другим путем. Вся его макроэкономическая концепция пронизана духом паретианства с некоторыми модификациями социально-политического порядка. В ней явно прослеживаются исходные посылки абстрактного субъективизма Парето, ведущего свое начало от «чистой экономики» Вальраса.

Экономическая теория Вильфредо Парето не была чужда социально-политической направленности. Но и он исходил из чисто формальных методологических критериев. Парето, подобно Вальрасу, делил политическую экономию на «чистую экономию» и «прикладную экономию». Но приоритет отдавался «чистой экономике», которая логическим путем определяла хотя бы приблизительно идеальные экономические категории. «Чистую экономию» Парето уподоблял «фигуре, которая содержит только принципиальные линии», если же к этому добавить подробности, то получится «прикладная экономика». Он уподоблял эти две части политической экономики разновидностям механики — «механике рациональной» и «механике прикладной». Основные категории политической экономики у него сводятся к «определенным отношениям объективных и субъективных фактов, представляющих в основном человеческие вкусы». Исходным методологическим пунктом в изучении таких сверхабстрактных экономических категорий является обыкновенная логика, которая, однако, касается только первичных элементов. Поэтому, полагает он, нужно обратиться к «специальной логике, которая пригодна для такого рода исследований, т. е. к математической логике». Парето в этой связи пишет: «Не следует говорить о математическом методе, кото-

рый бы противопоставлялся другим методам; речь идет о таком подходе к исследованию, который использовался бы наряду с другими подходами»⁶.

Ясно, что исходные методологические посылки политэкономических исследований сводятся здесь к абстрактному формальному логицизму, при котором роль столь необходимой формальной логики явно преувеличивается, вытесняя действительную социально-экономическую методологию. Политическая экономия растворяется в своеобразной формальной логике и математике, оторванных от сложной диалектики социально-экономических процессов. Поэтому еще в начале первой главы цитируемой работы, где рассматриваются «общие принципы», сам В. Парето отстаивает приоритет количественного метода. Квантификация у него является высшим критерием для утверждения или отрицания определенной теории. Абсурдно отрицать роль квантификации при проверке и даже аксиоматизации теоретических концепций, но она далеко не единственный критерий.

Правомерен вопрос, заимствует ли современная эконометрика, видным представителем которой (а в какой-то мере, и одним из ее создателей) является Ян Тинберген, что-либо из этой методологии. Внешне эконометрика резко отличается от математической «чистой экономики» Вальраса и Парето и как будто имеет мало общего с нею. У современных эконометриков прослеживается стремление к созданию более реалистических моделей, имеющих практическую направленность, в которых математические измерения и математическая логика сочетаются со статистическим анализом реальных данных. В этом плане ряд эконометрических моделей и отдельных измерений имеет положительное значение главным образом в узкопрагматическом аспекте. Такими, например, являются производственные функции типа функции Кобба-Дугласа, характеризующие сочетание и замещение факторов производства и используемые для анализа интенсификации производственного процесса, его эффективности. Большое значение имеет линейное программирование. К ним мож-

⁶ V. Pareto. Manuel d'economie politique, Paris, 1927, p. 145, 146.

по также отнести разработку рядом авторов неокейнсианского направления мультипликационно-инвестиционных и акселерационных моделей, предназначенных для анализа темпов роста национального дохода.

Но наряду с такими положительными примерами, определяющими прагматический характер эконометрики и, шире, прикладной математики, у некоторых представителей современной буржуазной политической экономии превалирует методология паретианского и вальрасианского толка, с ее приоритетом абстрактной логики, растворением анализа экономических процессов и политической экономии вообще в математических конструкциях, хотя и нового «эконометрического» типа, с более широким применением статистики, но весьма оторванных от социальных структур и закономерностей экономического процесса. Эти отрицательные черты характерны и для так называемых «теорий роста», хотя в них есть и немало положительных моментов, имеющих прикладное значение. К ним, например, можно отнести концепции и модели таких теоретиков «роста», как Р. Харрод и Е. Домар.

Они созданы по правилам какой-то абстрактной «эконометрики», без учета структуры современного капитализма и фундаментальных производственных основ и закономерностей капитализма, хотя и направлены на воздействие и даже в значительной степени преодоление противоречий капитализма, порождающих циклический характер его развития. В то же время нельзя забывать, что концепция Тинбергена отличается от «чистой» паретианско-вальрасианской экономии своей конкретной прагматической направленностью. Это звучит еще более убедительно, если вспомнить, что и Парето и Вальрас предвидели развитие второго раздела политической экономии — прикладную экономию, в рамках которой Парето сформулировал ряд реакционно-авторитарных социальных постулатов (выраженных еще ярче в его курсе по социологии), а Вальрас выступил с идеями социал-реформизма. Оба известных представителя «чистой экономии» исходят из постулатов «идеальных экономических категорий» на математической и формально-логической основе. Тинберген же ищет «оптимальный социально-политический режим», пытаясь соединить прежние

логиико-математические методы и подходы со старыми и современными концепциями американского институционализма.

Однако отмеченные выше социал-реформистские веяния у Тинбергена маскируют и искажают характер непреодолимого исторического движения современного западного мира к социализму.

Этот переход был проанализирован только научным социализмом, не имеющим ничего общего ни с наивными конструкциями конвергенции Тинбергена, ни с его «самым современным» пониманием социализма, повторяющим на новый лад старую песню буржуазной концепции о «солидаризме», которая получила распространение, например, в «шведском типе социализма». С помощью таких вымышленных конструкций нельзя объяснить перспективы социализма при современном экономическом развитии. Но это не значит, что некоторые положения эконометрики нельзя использовать при анализе (преимущественно квантитативном) социалистической экономики.

Несмотря на склонность Тинбергена к социологизации и политизации экономических исследований, все же он отдает приоритет количественному анализу, эконометрике.

В современной марксистской литературе вопрос об определении границ и масштабов того, что в буржуазной литературе называется эконометрикой, является дискуссионным.

Среди марксистов одним из убежденных сторонников относительного обособления эконометрики как экономической дисциплины был известный польский экономист Оскар Ланге.

По определению Ланге, «эконометрика связывает между собой экономическую теорию и экономическую статистику и стремится при помощи математически-статистических методов придать конкретное количественное выражение общим схематическим закономерностям, устанавливаемым экономической теорией». В предшествующих данному определению высказываниях Ланге отмечает, что экономическая статистика дает эконометрике фактический материал, который позволяет ей — «установить количественные закономерности, связывающие изучаемые величины». Впро-

чем, Оскар Ланге подчеркивает, что эконометрика, хотя и имеет широкое приложение (с помощью совершенствования статистико-математических методов, являющихся ее органической частью), все же имеет ограниченный, подчиненный, вспомогательный характер по отношению к качественному социально-историческому анализу экономических процессов. В этом плане он подчеркивает, что «схема любого эконометрического исследования данной определенной проблемы может быть неизменной, но относительные данные об изучаемых величинах в различных исторических условиях, естественно, различны»⁷.

Этот относительно ограниченный и вспомогательный характер эконометрики Ланге раскрывает более ярко в своем курсе политической экономии, в котором он отдает предпочтение историко-материалистической социологической трактовке определяющих экономических процессов как общих закономерностей для всех или нескольких общественно-экономических формаций, так и специфических закономерностей и характерных черт, присущих каждой отдельной формации.

Один из основателей эконометрики, норвежский статистик и экономист Р. Фриш (именно он ввел термин «эконометрика»), указывал, что для реального понимания количественных отношений в современной экономической жизни необходимо сочетание трех подходов — «с позиций статистики, экономической теории и математики». Именно это сочетание, подчеркивает Фриш, и составляет эконометрику⁸.

Возникает вопрос о роли теории в этом комбинированном подходе. Если исходить из маржиналистской субъективной теории о характере экономических закономерностей, то недостатки этой теории наложат свой глубокий отпечаток и на количественное эконометрическое выражение некоторых экономических закономерностей. В этом плане больший интерес представляют взгляды итальянского экономиста-марксиста А. Пезенти, который рассматривает роль эконометрики с позиций марксистской политической экономии. Не отрицая

⁷ О. Ланге. Введение в эконометрику. М., 1964, с. 18.

⁸ А. Пезенти. Очерки политической экономии капитализма. М., «Прогресс», 1976, т. II, с. 227.

достижений эконометрики, Пезенти предупреждает по поводу приведенной выше дефиниции Ланге об эконометрическом комбинированном подходе: «Но и такая позиция часто оказывается несостоятельной, поскольку концепция причинности здесь смешивается с простыми коэффициентами корреляции, полученными с помощью статистических данных».

Ясно, что эконометрика, опирающаяся на порочную теорию, характеризующую качественную сторону экономических категорий и процессов, не в состоянии дать верных количественных оценок.

В противовес научным идеям Ланге, Пезенти и других относительно условий и предпосылок использования эконометрики в экономическом анализе Ян Тинберген склонен подчинять качественный подход статистико-экономическому анализу. При этом, как уже отмечалось выше, он исходит из маржиналистской теории вальрасианского и паретианского толка, слегка модифицированной в социально-политическом духе. Расширению и углублению качественного социально-экономического анализа у Тинбергера мешают его априорные постулаты, вытекающие из ошибочной теории о тенденции к конвергенции макроэкономических процессов двух систем.

Глава IV

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА СОЦИАЛ-РЕФОРМИЗМА ЛЕВЫХ КЕЙНСИАНЦЕВ. ДЖОАН РОБИНСОН И ДЖОН ИТУЭЛ

Экономическое учение Кейнса, которому буржуазный лагерь приписывает заслугу инициатора «революции» («кейнсианской революции») в политической экономии, глубоко пронизано социально-политическими принципами, вытекающими из его буржуазного идеологического кругозора и обуславливающими апологетику капиталистического строя. Теоретические положения Кейнса основываются на определенных социально-политических и хозяйственно-политических установках, социально-экономическая политика тесно связана с экономической теорией. В то же время в кейнсианстве вырисовываются различные направления. Относительно самостоятельным является, в частности, так называемое «левое кейнсианство». Основоположники и сторонники этого течения исходят из социальных интересов мелкой и средней буржуазии. В политическом отношении они тяготеют к лейбористам (главным образом к их левым кругам) и к профсоюзному движению (его левореформистскому крылу). Верные методологии общей теории Кейнса, а следовательно, и ее порокам, многие из них пытаются даже осуществить эклектический синтез экономического учения К. Маркса и экономической теории Кейнса. Другие авторы (например, американский экономист Бэрэн),

начинавшие когда-то с кейнсианства, ориентируются затем в большей степени на марксизм. Но и в этом случае кейнсианские положения все же мешают полному и последовательному развитию и творческому использованию марксистской экономической теории. В своих политических установках левые кейнсианцы выступают за удовлетворение экономических требований рабочего класса.

Отношение марксистов к левому кейнсианству должно быть свободно как от догматизма, так и от ревизионизма. Марксисты не могут и не должны отказываться от критики исходных методологических и общетеоретических положений авторов, придерживающихся левокейнсианских воззрений. Марксисты не могут согласиться с положением левых кейнсианцев о возможности якобы глобального реформирования капиталистической экономической системы при значительном сохранении ее производственной основы, базирующейся на частной собственности на средства производства. В конечном итоге эти левокейнсианские положения объективно способствуют отвлечению внимания рабочего класса от генеральной линии классово-вой борьбы пролетариата и других трудящихся, представляющей собой сочетание борьбы за коренное переустройство общества с борьбой за удовлетворение своих непосредственных интересов.

Однако в своей борьбе за непосредственные интересы трудящихся марксисты-ленинцы должны внимательно следить за левокейнсианской социально-экономической практикой, находить с левокейнсианцами общий язык, выработать единые действия по ряду текущих экономических и социально-политических вопросов. Марксистская теоретическая мысль резко отрицательно относится к попыткам левокейнсианцев осуществить эклектический синтез марксистской и кейнсианской экономической теории. Но марксисты не могут не видеть коренных различий между извращениями марксистско-ленинской экономической теории ревизионистами и серьезными попытками перехода от левого кейнсианства к марксизму, пусть и с немалыми рудиментами кейнсианства ¹.

¹ См., например, работу американского ученого Поля Бэра «Теория экономического развития», М., 1966. Советскому

Важное место в левом кейнсианстве принадлежит Джоан Робинсон. Она первая предприняла попытку синтезировать экономическое учение Маркса с теорией Кейнса. Кейнс, как полагает Робинсон, остановился на полдороге, и «лечебные средства», им предложенные, оказались недостаточно эффективными. Но его теория по своему методу и основной идее логически ведет, по мнению исследовательницы, к необходимости установления полного контроля государства над производственной деятельностью и распределением национального дохода посредством планирования экономики.

Робинсон старается найти «сходные теоретические пункты», сближающие Кейнса с Марксом. Она признает большое преимущество марксистского метода по сравнению с методом классиков, однако, сравнивая Маркса с Кейнсом, предпочтение отдает последнему. Робинсон заявляет, что Маркс «интуитивно чувствовал» ряд проблем, которые сейчас существуют в том

изданию этой работы предпослано обширное введение, написанное видным советским экономистом проф. Солодовниковым, который дает творческую критику работы Бэрэна, утверждает его марксистские положения и критикует элементы кейнсианства в книге.

В коллективном труде «Критика современной буржуазной политэкономии», М., 1977, под ред. чл.-корр. АН СССР А. Г. Милейковского известная советская исследовательница И. М. Осадчая в своей статье «Эволюция теории экономического роста» пишет в связи с развитием левого кейнсианства следующее: «...радикальное крыло буржуазной политэкономии теперь уже оформилось в самостоятельное направление, противопоставляющее себя «ортодоксальной» теории и оказывающее, в частности, огромное влияние на экономические теории всевозможных «левых», и прежде всего на радикальную политэкономию. Общепринятого названия для этого направления пока не существует. С известными оговорками его можно назвать «левым кейнсианством». Некоторые представители этого направления называют его «посткейнсианством». Но, как бы его ни называли, основные черты этого направления следующие: острая критика и отрицание основных положений неоклассической школы, прежде теории предельной производительности и теории предельной полезности; возрождение некоторых традиций классической буржуазной политической экономии в форме рикардизма; признание теоретического вклада Маркса в анализ капиталистического воспроизводства; переосмысление основных категорий буржуазной политической экономии — стоимости, капитала, прибыли, распределения и т. д.). Ныне это крыло окончательно «самоопределилось» как посткейнсианское направление буржуазной политэкономии,

виде, в каком они были сформулированы Кейнсом. Преимущество Маркса в методологическом плане, по ее мнению, состоит в том, что Маркс в отличие от классиков считал капиталистическую систему переходящей. Классики наивно верили в гармонию интересов представителей разных классов, тогда как Маркс исследовал эти конфликты, особенно противоречие между имущими и неимущими.

Вместе с тем Робинсон считает, что система Маркса «насыщена» ошибками Рикардо. Эти «ошибки», полагает она, касаются прежде всего трудовой теории стоимости, которую Рикардо считал категорией метафизической, не соответствующей реально существующим ценам на капиталистическом рынке. Трудовая теория, по Робинсон, имела известное значение лишь в условиях простого товарного производства, но она совершенно противоречит современным условиям, когда господствуют монополии и политические институты, порождающие эксплуатацию наемного труда. Робинсон выступает против теории прибавочной стоимости, опирающейся на трудовую теорию стоимости, и ищет источник эксплуатации в монополиях и политических институтах.

По всей видимости, Робинсон не понимает теории прибавочной стоимости Маркса и ее превращения в прибыль, не понимает сложного, но глубокого, диалектического учения К. Маркса о превращении стоимости в цену производства в результате межотраслевой конкуренции, не может представить себе прибыль современных монополий как превращенную форму прибавочной стоимости. Вместо глубокого анализа процесса превращения стоимости в цену производства, столь блестяще представленного Марксом, Робинсон поспешно объявляет трудовую теорию стоимости метафизической и пытается заменить ее вульгаризаторскими теориями институционального и вульгарно-социологического типа.

Лишив марксистскую теорию ее здоровой основы, обескровив ее, английская исследовательница видит лишь отдельные верные положения в учении Маркса о заработной плате (в отрыве от теории стоимости) и особенно — в теории кризисов. Для нее теория Маркса о кризисах опирается на: 1) существование

резервной армии безработных; 2) наличие постоянной тенденции к падению прибыли; 3) недостаточную покупательную способность рабочих.

Марксистская теория кризисов, по мнению Робинсон, сближается с теорией Кейнса, согласно которой депрессия и безработица порождаются низкой эффективностью капитала и сокращением инвестиций. Современная теория кризисов, пишет Робинсон, говоря о недостаточно эффективном спросе, сближается с марксистской теорией о недостаточной покупательной способности, причем Маркс интуитивно предчувствовал ослабление эффективного спроса в условиях развитого капитализма.

На деле все обстоит иначе: именно К. Маркс на основе механизма капиталистического воспроизводства глубоко исследовал этот «эффективный спрос» как важный компонент периодических кризисных процессов. Кейнс, в сущности, повторяет марксистское положение, но пытается найти причины уменьшения эффективного спроса в обращении и в психологических факторах. Оставаясь в плену кейнсианской «общей теории», Робинсон не желает видеть эту слабую сторону теории Кейнса. Получается, что в теоретической разработке вопроса о кризисах Маркс в чем-то напоминает Кейнса, но лишь в том плане, что ему удалось интуитивно уловить некоторые элементы и причины кризисов, которые гораздо лучше, полнее и яснее, по ее мнению, сформулированы именно на основе теории Кейнса.

Желая «доразвить» теорию Кейнса (в более радикальном направлении), Робинсон говорит о необходимости проведения глубоких реформ в структуре современной капиталистической экономики. По ее мнению, «трансформация» капитализма возможна и без революции. Таким образом, все ее признания, касающиеся положительных элементов в марксистской экономической системе, в конце концов сводятся на нет благодаря осуществляемой ею на деле ревизии марксизма, сведению его роли до некой социально-исторической теории, которая в дальнейшем непременно должна соединиться с кейнсианством. Когда эта видная английская исследовательница отрывает прибавочную

стоимость от трудовой теории стоимости и ищет ее корни в монополии и определенных социально-политических институтах, она подражает известным в истории экономической мысли вульгарно-социологическим течениям вроде идей Оппенгеймара или Карла Ротбертуса, представителя так называемого «государственно-го социализма».

Подобная интерпретация марксистского экономического учения, подчиненная кейнсианству и экономическому институционализму, не имеет ничего общего с содержанием, духом и структурой экономической теории Маркса. Эту интерпретацию ждет судьба, постигшая сходные эклектические попытки Э. Бернштейна и М. Туган-Барановского. Объективно она обслуживает буржуазный реформизм в экономике и уводит трудящихся в сторону от верных путей классовой борьбы против буржуазного господства.

Особенно полно и систематизированно исходные теоретические положения левого кейнсианства представлены в учебном курсе по политэкономии, написанном Дж. Робинсон совместно с Дж. Итуэлом. Эта книга была опубликована в 1973 г., второе издание под названием «Введение в современную экономику» вышло в 1974 г.² Не отрицая необходимости использования математических знаний при исследовании экономических проблем, авторы работы выступают как против взглядов сторонников «чистой экономики» вальрасианского и паретианского типа, так и против увлечений современных эконометриков, испытывающих сильное влияние этой «чистой экономики» и сводящих весь экономический анализ «к алгебраическим и геометрическим формулам и рядам». А ведь это одна из прогрессирующих тенденций современной буржуазной политэкономии.

Впрочем, Дж. Робинсон и Дж. Итуэл еще в предисловии к своей книге говорят о том, что экономические структуры не могут быть представлены посредством простых и гладких функций. Сведение этих структур к алгебраическим формулам может привести к серьезным ошибкам.

² J. Robinson, J. Eatwel. An introduction to Modern Economics. В настоящей работе используется французский перевод этой книги; *L'économie moderne*. Paris, 1975.

Авторы выделяют несколько фундаментальных вопросов в качестве предмета исследования политэкономии. Речь идет о труде и капитале, заработной плате и прибыли. Это и вопрос о том, создает ли капитал богатство в той же степени, что и труд. Они говорят о деньгах и их социальной роли, о рынках, ценах и их основе, об эффективном спросе, соблюдении социальной справедливости в экономических процессах и пр.

В поисках исходных проблем экономической философии Робинсон и Итуэл приходят к выводу о том, что политэкономия не может быть совершенно «чистой» наукой, безразличной к человеческим ценностям.

Формулируя исходные положения политэкономии, они останавливаются на острых социально-экономических проблемах, о которых сторонники «чистой экономики» умалчивали или представляли их решение автоматическому механизму саморегулирования с помощью конкуренции, игравшего определяющую роль в гармонизации социальных интересов.

Останавливаясь, в частности, на проблеме социальной справедливости в экономической жизни, авторы спрашивают: «Можно ли считать справедливым положение, когда всего лишь несколько семей живут в экстравагантной роскоши, тогда как другим с трудом удается прокормить своих детей?»³

Робинсон и Итуэл правы, утверждая, что политэкономия не может быть сведена к какой-то «чистой экономике». Экономическая жизнь не является механикой, пусть и весьма своеобразной, со своими закономерностями, якобы аналогичными механическим, физическим и иным естественным законам. Политическая экономия изучает социальные человеческие отношения в процессе общественного производства; она изучает закономерности, порождаемые классовыми отношениями — антагонистическими во всех типах досоциалистического общества — и отношениями дружбы и взаимопомощи — в социалистических странах. Эти общественные отношения, возникающие в процессе производства, не могут не подвергаться влиянию отношений политических.

³ Ibid., p. 6.

Политэкономия — наука классовая. Она должна быть наукой, раскрывающей прежде всего закономерности экономической жизни фундаментального, каузального характера. К сожалению, Дж. Робинсон и Дж. Итуэл, верно нащупавшие некоторые важные стороны политэкономической науки, не сумели сохранить последовательность в своем анализе. Их дефиниции страдают метафизичностью, моральные и политические ценности и нормы трактуются ими априорно, вне связи с реальными социально-экономическими факторами. В итоге политическая экономия в их работах предстает как смесь априорных моральных и политических постулатов и оценок.

Как уже отмечалось выше, левые кейнсианцы уделяют большое внимание теории стоимости К. Маркса. Робинсон и Итуэл видят огромную заслугу Маркса (по сравнению с Рикардо) в том, что он освободил экономическую науку от рикардианской надысторической методологии, от натурализма и техницизма, рассматривая экономические законы и категории как выражение социальных отношений в процессе производства. Но вместе с тем они находят у Маркса «рикардианские рудименты», имеющие, по их мнению, метафизический характер.

Эту метафизичность они усматривают прежде всего в теории трудовой стоимости, хотя и отмечают, что у К. Маркса эта черта трудовой теории стоимости не была так уж сильна, поскольку она сочеталась с социально-историческим объяснением эксплуатации наемного труда капиталом, связанной с определенными антагонистическими социальными отношениями.

Робинсон и Итуэл правильно отмечают большое преимущество К. Маркса перед социалистами-утопистами в вопросе о том, кому должен принадлежать прибавочный продукт — отдельным рабочим, присваивающим весь созданный ими продукт, или всему обществу, которое будет распоряжаться этим продуктом в своих потребительских и производственных интересах. Английские авторы справедливо констатируют, что у Маркса отсутствует «наивный тезис» социалистов-утопистов, по мнению которых рабочий должен был присваивать весь произведенный им продукт; если бы этот тезис реализовался, если бы зарплата абсорбиро-

вала всю чистую продукцию, никакое накопление не было бы возможным. Как отмечают Робинсон и Итуэл, Маркс прекрасно понимал это, открыв закономерности социального распределения в связи с воспроизводством всего общественного продукта.

Метафизику они усматривают в том, что у К. Маркса труд абсолютизируется как единственный источник стоимости. Они не видят, что именно в логическом движении от конкретного к общему и от общего к конкретному основатели политэкономии совершили величайшее открытие в экономической науке, доказав, что речь идет об одинаковом количестве абстрактного общественно необходимого труда, вложенного в производство продуктов различной полезности, обмениваемых в качестве товаров. Исходя из достижений великих основателей политической экономии (Петти, Смита и Рикардо), К. Маркс с помощью диалектико-материалистического метода сумел углубить разработку теории трудовой стоимости как основы ценообразования, раскрыл диалектику товара и пришел к своему великому открытию, согласно которому труд вообще (абстрактный труд) является содержанием стоимости, превращающейся в рыночную стоимость в результате внутриотраслевой конкуренции и в цену производства в результате межотраслевой конкуренции. Робинсон и Итуэл стремятся лишить трудовую теорию стоимости ее реальной основы, приписывая ей вымышленный ими казуистический постулат: «Труд производит стоимость; следовательно, стоимость есть то, что производит труд». Подобная абсурдная логика порочного круга на самом деле чужда трудовой теории стоимости.

Отрицая трудовую теорию стоимости, английские авторы в то же время стремятся подтвердить тезис К. Маркса об эксплуатации труда капиталом. Отбросив основу теории, они совершенно неожиданно говорят о том, что сделанный К. Марксом анализ нормы эксплуатации, оказывается, не является метафизикой. А ведь это противоречит их собственной интерпретации трудовой теории стоимости!

В отличие от буржуазных апологетов современного капитализма (включая и ревизионистов) Робинсон и Итуэл убеждены в том, что капиталистическая эксплуатация наемного труда имеет место и при совре-

менном капитализме. Они отмечают: «В современных условиях индустриального капиталистического мира стоимость рабочей силы не может быть равна зарплате, идущей на поддержание жизни рабочего; концепция нормы эксплуатации как выражение отношений между капиталистами и рабочими в процессе производства по-прежнему актуальна. Она обуславливает возникновение таких проблем, как проблема условий труда, природы технического прогресса и его последствий, занятости рабочих, их отчуждения от объекта труда. Кроме того, норма эксплуатации свидетельствует о том, что обмен товарами есть факт социальный, который нельзя объяснить только техническими отношениями»⁴.

Но как же примирить этот тезис об эксплуатации труда при капитализме вообще и в условиях современного капитализма с его противопоставлением трудовой теории стоимости? Слишком велико внутреннее логическое противоречие между этими двумя положениями. Однако авторы настаивают на том, что проблема эксплуатации и ее норма в капиталистическом мире «не зависят от теории цены и соотношения стоимость — труд», т. е. от трудовой стоимости⁵.

Идеи Робинсон и Итуэла означают, что эксплуатация труда капиталом не является непреодолимой закономерностью капитализма. Отсюда следует, что эта эксплуатация может быть сведена к минимуму и даже преодолена без ликвидации капиталистической собственности на средства производства.

Робинсон и Итуэл обращаются также и к вопросу о соотношении между стоимостью и ценами, о чем пишет Маркс в «Капитале». Однако это делается лишь затем, чтобы доказать «противоречие» между трудовой теорией стоимости и теорией прибавочной стоимости, с одной стороны, и концепцией Маркса о средней норме прибыли, цене производства и рыночных ценах — с другой. Мы имеем здесь дело с известным тезисом, выдвинутым еще Бем-Баверком, о «противоречии» между первым и третьим томами «Капитала». Буржуазные апологеты в области политэкономии говорят об этом практически со времени издания третьего тома

⁴ J. Robinson, J. Eatwel. Op. cit., p. 38.

⁵ Ibid, p. 40.

«Капитала» и до наших дней. Своеобразно варьируется этот тезис и в работе английских авторов, которые также не сумели понять сути одного из величайших открытий Маркса, имеющего эпохальное значение в теоретическом анализе капитализма. Ведь К. Маркс показал сущность противоречий капитализма, анализируя превращение стоимости в рыночную цену и образование цены производства в процессе межотраслевой конкуренции. В этом процессе обычно цена отклоняется от произведенной стоимости, но в масштабе всего народного хозяйства (если абстрагироваться от внешней торговли) сумма цен и сумма стоимостей совпадают. К тому же цены, как бы они ни отклонялись от стоимости, выражают ее и регулируются ею в стихийном процессе общественного производства.

В теории накопления капитала Маркса Робинсон и Итуэл видят зачатки современных теорий роста. Как ни парадоксально, но все кейнсианские и некейнсианские теории роста, с самого начала развивавшиеся на антимарксистской методологической и идеологической основе, создавались под решающим влиянием идей Маркса о воспроизводстве. Кейнсианцы и некейнсианцы были вынуждены в своих практических целях пользоваться некоторыми положениями К. Маркса или, точнее, элементами его теории воспроизводства. Вопреки истине Робинсон и Итуэл склонны преувеличивать, абсолютизировать значение некоторых рациональных моментов в современных теориях роста (главным образом кейнсианского типа). Они выдают эти теории за продолжение и углубление теории воспроизводства Маркса. Робинсон и Итуэл пишут: «Своей схемой расширенного воспроизводства Маркс заложил основы того, что сегодня называется теорией роста, т. е. соотношение между инвестированием и потреблением в ходе накопления капитала»⁶. Но авторы «забывают» сказать о том, что теория воспроизводства Маркса основывается на глубоко материалистическом анализе объективных процессов воспроизводства и роста экономики при определенных социальных, производственных отношениях. Современные же теории роста, использующие некоторые положения теории Маркса

⁶ Ibid.

о расширенном воспроизводстве, к сожалению, в своем целостном анализе «роста» опираются на субъективистско-маржиналистские идеалистические постулаты, что приводит к деформации такого анализа или (в лучшем случае) к фрагментарному отражению некоторых второстепенных закономерностей и (главным образом) функциональных связей. Так, еще Кейнс, основатель современной буржуазной политической экономии, пытался изучать соотношение между инвестициями и потреблением, но не сумел увязать этот анализ с накоплением капитала в процессе воспроизводства, объясняя инвестиции и потребление субъективно-идеалистическим образом, с помощью психологических категорий типа «склонности к потреблению», «склонности к ликвидности» и т. п.

Робинсон и Итуэл, признавая известное преимущество и жизнеспособность экономического учения К. Маркса по сравнению с идеями классиков и особенно неоклассиков, преследуют определенную цель — обоснование идеи так называемой «кейнсианской революции». Тем самым они практически исключают значение революционного переворота, совершенного Марксом в политэкономии.

Сама же «кейнсианская революция» признается чуть ли не аксиомой. Главное в этой «революции», как утверждают ее сторонники, состоит в признании того, что снижение заработной платы не является лекарством от безработицы, что последняя может быть уменьшена с помощью увеличения расходов, прежде всего государственных. Превознося вклад Кейнса, Робинсон и Итуэл умалчивают об антирабочей установке самого Кейнса на ограничение роста реальной заработной платы посредством «умеренной инфляции», вызываемой ростом этих расходов. Кейнс утверждал, что манипуляции с расходами не будут угрожать инфляцией в условиях недогрузки предприятий и частичной занятости. Он даже выдвинул лозунг «Никакой инфляции при неполной занятости». В действительности же кейнсианские рецепты приводили и будут приводить к инфляции со всеми ее вредными, а порой и катастрофическими последствиями, которые обрушиваются не только на пролетариат и другие слои трудящихся, но в значительной степени и на средние и прочие слои

буржуазии. В итоге кейнсианские рецепты ведут на практике к тем же последствиям, что и рецепты современников Кейнса — «неоклассиков» (наиболее отчетливо — Пигу), открыто выступавших за понижение реальной заработной платы, против чего Кейнс возражал. «Революция» Кейнса — это буря в стакане воды.

Нельзя, конечно, забывать, что именно Кейнс первым среди буржуазных ученых выразил сомнение в «здоровье» капитализма и в непреходящей ценности традиционной буржуазной политэкономии. Но он не отказался при этом от «фундаментальных» методологических и общетеоретических основ вульгарной экономики, с ее субъективно-маржиналистскими исходными позициями. И этого не хотят видеть Робинсон и Итуэл, в целом не лишённые чувства реальности. По той же, очевидно, причине они поддерживают и другие основные положения Кейнса, например его тезис о взаимоотношении «расходов на потребление и инвестиций» как источнике роста национального дохода.

Столь же некритическое отношение проявляют английские авторы к наивно-идеалистическим интерпретациям Кейнса кризисных явлений, хотя Робинсон и Итуэл в этом вопросе демонстрируют свое понимание глубинных объективных основ кризисов, заложенных в антагонистическом характере капиталистической экономики. Однако вместо исследования этих и прочих объективных процессов, вызывающих спады в экономике и ее кризисы, вытекающих из самой антагонистической производственной системы, Робинсон и Итуэл предлагают читателю поверхностные психологические объяснения прибыли, заимствованные ими у Бем-Баверка и других адептов субъективно-психологического маржинализма.

Критикуя современный капитализм и традиционную политэкономия (а кстати, и традиционное преподавание экономики), сами английские авторы находятся в значительной мере в плену «ортодоксии» (т. е., по сути, вульгарной экономики). Отдельные положения марксистской политэкономии эклектически соседствуют у них с институционализмом. Выступая против неоклассицизма и «традиционной ортодоксии», они не могут встать на действительно научные позиции и

в итоге предлагают своеобразную эклектическую смесь кейнсианства, кое-где разбавленного марксистскими и неинституционалистскими положениями. В их теоретической системе отсутствует понятие «производительные силы». Последнее заменено понятием «технические отношения», в которое включается важнейший элемент производительных сил — люди с их способностью к труду.

Шаткость общетеоретических позиций Робинсон и Итуэла очень напоминает позиции Джона Стюарта Милля, который, будучи специфическим представителем школы Рикардо в пору ее заката, также колебался между классической научной политэкономией и ее вульгарными интерпретациями, между апологетикой капитализма и защитой социального прогресса.

В свое время Карл Маркс дал блестящую критическую характеристику этой линии Дж. С. Милля, которая вполне подходит и к левым кейнсианцам вообще. «Континентальная революция 1848 г., — пишет К. Маркс, — отразилась и на Англии. Люди, все еще претендовавшие на научное значение и не довольствовавшиеся ролью простых софистов и сикофантов господствующих классов, старались согласовать политическую экономию капитала с притязаниями пролетариата, которых уже нельзя было более игнорировать. Отсюда тот плоский синкретизм, который лучше всего представлен Джоном Стюартом Миллем. Это — банкротство буржуазной политической экономии, что мастерски показал уже в своих «Очерках из политической экономии (по Миллю)» великий русский ученый и критик Н. Чернышевский»⁷.

Эта характеристика К. Маркса, данная им экономическим взглядам Дж. С. Милля, не носит эпизодического характера и не касается только Милля. Напротив, на примере Милля К. Маркс раскрывает эклектику и колебания определенных кругов буржуазной интеллигенции, испытывавших почти в каждой из передовых капиталистических стран воздействие антикапиталистических тенденций во время революции 1848 г. Так и сегодня под напором исторических фактов в рассматриваемой работе Робинсон и Итуэла про-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 23, с. 17, 18.

является их резко критическое отношение к капитализму, связанное с сомнениями в ценности и прочности капиталистической системы. Отсюда вытекает и частичное признание ими марксистской политэкономии, некоторыми положениями которой они пользуются. Призрак марксистской политэкономии бродит в исследованиях этих английских авторов. И в то же время они пытаются избавиться от него с помощью кейнсианского реформизма.

Общая трактовка капиталистической системы дается ими весьма фрагментарно и даже превратно, поскольку некоторые второстепенные закономерности анализируются в отрыве от их производственной основы и выдаются за первичные при анализе происхождения и распределения национального дохода. При трактовке форм распределения авторы исходят из производственного процесса в его целостности. Но чтобы понять истоки национального дохода, следует анализировать сам процесс производства в его специфических социальных формах, обуславливающих механизм его функционирования. Как отмечал К. Маркс, форма распределения — лишь форма производства *sub alia specie* (в ином виде), *differentia specifica* (специфическое отличие).

Робинсон и Итуэл в своих моделях национального дохода лишь подходят к анализу процесса воспроизводства, но не рассматривают его сущности. В качестве первичной движущей силы, определяющей степень занятости и безработицы, устойчивости экономики или ее спада английские экономисты используют понятие «эффективный поиск». Так, например, они различают понятия «безработица» и «незанятость». Безработица, по их мнению, есть результат недостаточности эффективного поиска. Это так называемая «кейнсианская безработица», что же касается «резервной промышленной армии», то ее они называют «марксистской». Мы будем использовать термин «безработица», говорят они, в первом случае (в смысле кейнсианского положения о недостаточно эффективном поиске. — *Прим. авт.*), а «незанятость» — во втором (в смысле понятия Маркса о резервной армии безработных. — *Прим. авт.*)⁸.

⁸ J. Robinson, J. Eatwel. Op. cit., p. 146.

«Левым» кейнсианцам не удалось создать подлинно научную модель капиталистической экономики, к чему они столь упорно стремились. Не помогают им и ссылки на ранние работы известного польского экономиста М. Калецкого, придерживавшегося более «левых» взглядов о связи потребления и инвестиций с распределением национального дохода. (В своих работах 30-х годов, посвященных анализу национального дохода, инвестиций и потребления при капитализме, М. Калецкий, находившийся под сильным воздействием марксистской теории, пришел к ряду правильных выводов, связанных с социальными интересами трудящихся.)

Ошибочность теоретических установок авторов проявляется и при анализе социалистической экономики. «Революция, освобождающая общество от власти капиталистических фирм, должна привести в действие органы, призванные реализовать функции, ранее выполняемые этими фирмами,— пишут они.— Основные пропорции распределения доходов, выбор путей инвестирования, условий обмена между земледелием и индустрией — это уже прямой результат определенного политического процесса, а не косвенный результат распределения собственности, власти и взаимоотношений между индивидами, группами и институтами»⁹.

Авторы явно полагают, что в социалистической экономике господствуют политические органы, оказывающие определяющее влияние на структуру и функционирование экономики. Однако этот идеалистически-волюнтаристский подход содержит в себе одну серьезную ошибку. Бесспорно, по своей структуре и социальным целям социалистическая экономика качественно отлична от капиталистической. Но, как и любая общественно-экономическая формация, она обладает объективными историческими предпосылками и функционирует в соответствии с объективными, только ей присущими экономическими законами. Робинсон и Итуэл стремятся доказать, что теория К. Маркса не имеет отношения к социалистической экономике. Они утверждают: «Любая революция, совершенная во славу марксизма, заимствует у Маркса принципиаль-

⁹ Ibid., p. 329.

ные категории экономического анализа. Но... теория «стоимость — труд» была создана для того, чтобы раскрыть природу капиталистической эксплуатации. Эту теорию невозможно использовать прямо, для решения проблем социалистической экономики»¹⁰.

Исходя из этого, они представляют советскую экономику как амальгаму из политических решений и использования ряда положений неоклассической теории. На самом деле в социалистической экономике существуют (хотя и в модифицированной форме) некоторые закономерности, присущие любому товарному производству. Но это связано не с каким-то, пусть ограниченным, копированием идеальных неоклассических и маржиналистских моделей «чистой экономики», а с самим фактом существования товарного производства особого рода, модифицированного и подчиненного действию основного экономического закона социализма и закону планомерного пропорционального развития экономики. Абсурдно утверждение английских авторов и о том, что для социалистической экономики не подходят категории экономического анализа, разработанного К. Марксом. Главное доказательство этому Робинсон и Итуэл видят в том, что трудовая теория стоимости якобы предназначается только для раскрытия характера капиталистической эксплуатации.

Сводить экономическое учение Маркса только к капитализму по меньшей мере наивно. Товарное производство не исчерпывается капиталистической экономикой. Идея о том, что трудовая теория стоимости Маркса якобы утратила какое бы то ни было значение при анализе социалистической экономики, не выдерживает никакой критики. Раз при социализме существуют товарно-денежные отношения, значит, должен действовать и закон стоимости. Другой вопрос, как модифицировалось действие этого закона при социализме (к примеру, он уже не является всеобщим регулятором социалистической экономики), каковы сферы и масштабы его действия в плановом социалистическом хозяйстве и т. д. Но ведь еще в работе «К критике Готской программы» К. Маркс говорил о возможных изменениях в действии закона «стоимость — труд»

¹⁰ Ibid., p. 330.

и использовал трудовую теорию стоимости, определяя структуру и закономерности будущей социалистической экономики¹¹.

В те годы социализм был хотя и реальной, но далекой перспективой, и К. Маркс не мог предвидеть, что в социалистической экономике сохранятся товарное производство и товарно-денежные отношения. Но он раскрыл механизм действия закона трудовой стоимости, допуская исчезновение прямых и открытых товарных форм. Именно с помощью исторического метода, а не телеологической метафизики К. Маркс сумел гениально предсказать сохранение закона трудовой стоимости в отношениях производства и обмена между социалистическими тружениками.

К. Маркс не мог предвидеть всех деталей будущей социалистической экономики. Но его положения о том, например, что на первой фазе коммунизма (при социализме) будет господствовать тот же принцип, который регулирует товарообмен, дают исходные установки для анализа товарного производства при социализме. Опираясь на работы В. И. Ленина, марксистская политическая экономия социализма в наше время утверждает и развивает положения К. Маркса. Современный марксистско-ленинский анализ раскрывает многообразие товарно-денежных отношений в социалистической экономике, содействующих укреплению и развитию общественной собственности на средства производства, совершенствованию социалистического способа распределения и планового управления хозяйством.

В своей работе английские авторы весьма правдиво описывают структуру советского планирования, его направления и методы. Но все же и в этом описании нередко доминируют типично буржуазные взгляды. По их мнению, «в социалистической экономике накопление осуществляется в ущерб текущему потреблению, в интересах роста будущего потребления, а сам про-

¹¹ Как верно заметил советский экономист и философ Д. К. Трифонов, «при социализме товарное производство, сохраняя свои общие черты, приобретает такие особенности, которые и делают его социалистическим товарным производством» (Д. К. Трифонов. Категории и законы политической экономии. Л., 1971, с. 179).

цесс развивается настолько сложным образом, что не может быть отражен марксистской схемой воспроизводства»¹².

«Марксистская схема» воспроизводства — не догма. Это абстрактная модель, но имеющая реальную основу, хотя и абстрагирующаяся от конкретных отклонений и даже от экономических кризисов при капитализме. Именно так создает К. Маркс свой первый статический вариант схемы. Эта схема может использоваться и в социалистическом планировании как исходное научно-методическое руководство. Созданная К. Марксом схема расширенного воспроизводства всего общественного продукта как абстрактно-теоретическая модель предполагает полную реализацию капиталистической общественной продукции в макроэкономическом масштабе. Но эта схема полной реализации продукции резко отличается от моделей идеального равновесия экономики в условиях «совершенной конкуренции», типа моделей Вальраса, Парето и др. Эти модели, как верно отмечают Робинсон и Итуэл, не соответствуют реальной экономической жизни. Они не являются абстракцией реального экономического процесса. Эти модели, скорее, основываются на фикциях, на априорных логических постулатах. На их основе невозможно объяснить реальные процессы, порождающие отклонения от условий равновесия, а следовательно, кризисы и спады в экономике. Они не допускают возможности возникновения внутренних причин, обуславливающих нарушения реализации продукции, и в лучшем случае способны объяснить их лишь экзогенными институционально-политическими факторами.

У К. Маркса, наоборот, анализ условий реализации является предпосылкой для исследования неравновесных процессов. Свои схемы К. Маркс использовал при исследовании механизма экономических кризисов. В то же время данная модель Маркса может применяться как методологический ориентир для объяснения характера воспроизводства общественного продукта и в условиях социалистической системы.

В этом, методологическом, аспекте разработанная К. Марксом схема воспроизводства общественного

¹² J. Robinson, J. Eatwell. Op. cit., p. 342.

продукта может и должна использоваться в социалистическом планировании.

Социалистическое планирование на практике осуществляется в соответствии с ленинскими установками и уточнениями, базирующимися на фундаментальных по своему значению схемах воспроизводства совокупного общественного продукта Маркса. Английские авторы критикуют социалистическое планирование за то, что оно долгое время отдавало предпочтение тяжелой промышленности, они выступают за усиление «потребительского суверенитета», не понимая неизбежности действия закона преимущественного роста производства средств производства на определенной исторической стадии осуществления социалистической индустриализации. Социалистическое планирование все более ориентируется на производство благ, удовлетворяющих растущие потребности широких трудящихся масс. В то же время нельзя забывать, что мнимая власть потребителя, значение которой специально преувеличивается в капиталистической экономике, раздувает нездоровые потребительские настроения ради обеспечения все большей прибыли для крупного капитала. Этой власти нет места в социалистическом обществе, как нет места фальшивой рекламе, свойственной капиталистическому рынку.

В своей работе Робинсон и Итуэл касаются и современных проблем развития мировой экономики. Преобладающую тенденцию в современной экономической политике и экономической мысли они видят в преодолении принципов либерализма (*laissez fair*) и в обращении к широкому государственному вмешательству в экономику. В этой связи английские ученые отстаивают свои собственные взгляды относительно политического аспекта экономических проблем и экономических учений. По их мнению, стоит сорвать вуаль с доктрины *laissez fair*, как становится ясно, что любая экономическая проблема имеет политический аспект и что сама эта доктрина также есть не что иное, как политическая программа. Но любое чисто экономическое объяснение не может привести к решению самой экономической проблемы, так как все экономические проблемы предполагают наличие политических, социальных, гумани-

тарных аспектов, число которых нельзя сократить путем изящных алгебраических вычислений¹³.

Авторы считают, что после 1945 г. эру *laissez faire* можно считать ушедшей в прошлое. С этого времени правительства всех индустриально развитых капиталистических стран более или менее открыто взяли на себя обязательство управлять экономикой своих стран. К двум традиционным задачам государственной власти — оборона страны и равновесие платежного баланса — прибавились еще две: забота о поддержании определенного уровня занятости и стабильности цен.

Эти четыре проблемы «управления современной экономикой» тесно связаны между собой. Давая конкретное описание и анализ вышеуказанных острых экономических проблем современного капиталистического мира и способов их решения, Робинсон и Итуэл демонстрируют довольно высокую научную объективность. Их позиции отвечают интересам мелкой буржуазии и привилегированных слоев рабочего класса. Они осуждают увеличение военных расходов. Робинсон и Итуэл компетентно анализируют такие сложные процессы, как платежные балансы и их воздействие на экономику, затрагивают проблемы конкуренции между развитыми капиталистическими странами, фискальную политику, политику полной занятости с ее неустойчивыми последствиями, а в ряде отношений — и провалами, сложные проблемы валютной политики. Именно в этой связи они резко выступают против существующей практики университетского преподавания экономических знаний в духе традиционной политэкономии.

Смело и правдиво на основе экономического анализа инфляции дают Робинсон и Итуэл политическую оценку вмешательству государства в этот круг экономических проблем в Англии. Они пишут: «Представители государственной власти в Англии настаивают на том, чтобы профсоюзы сократили свои требования об увеличении номинальной заработной платы, и призывают их к патриотизму, подчеркивая, что экономика страны больна из-за чрезмерных расходов. Они подчеркивают, что, если прибыли не будут восстановлены, британским

¹³ J. Robinson, J. Eatwel. Op. cit., p. 365.

фирмам придется осуществлять свои инвестиции за границей, а не внутри страны; по их мнению, размер вознаграждений управляющим должен оставаться высоким, так как в противном случае «самые умные головы» покинут страну. Короче говоря, рабочие должны доказывать свой патриотизм, тогда как капиталистам это совсем необязательно. Остается только понять, что будет важнее и действеннее — добровольное согласие сторон на ограничение зарплат и цен или законодательный акт об их замораживании»¹⁴.

«Нищета среди изобилия» — так назван раздел, в котором Робинсон и Итуэл резко выступают против утверждений многих современных буржуазных экономистов о том, что общий количественный рост национального дохода и потребления способен преодолеть нищету, что «увеличение общего уровня потребления уничтожит бедность». В связи с этим Робинсон и Итуэл замечают: «25 лет экономического роста по-прежнему оставляют будущему заботу об уничтожении бедности. Во всех капиталистических странах (за исключением, может быть, Скандинавии) уровень жизни многих людей и семей находится ниже минимальной границы бедности. Это означает, что их потребности в еде, жилище, отоплении и минимуме комфорта остаются неудовлетворенными. Вряд ли можно надеяться, что более высокие, по сравнению с недавним временем, темпы роста явятся подходящим лекарством и улучшат положение этих людей. В системе, базирующейся на конкуренции, неудачники в этой жизни обречены на роль проигравших, так же как счастливицы — на роль выигравших; и до тех пор, пока не будет достигнута полная занятость, они останутся «ненужными» ни для промышленности, ни для других видов занятости, поскольку менее гибкие, менее приспособленные к жизни индивиды, неконформисты по своему складу, вряд ли найдут работу: работодатели не считают рентабельным нанимать их при текущем уровне зарплаты».

Далее авторы отмечают недостаточность системы социального обеспечения и помощи беднейшим слоям населения, что связано с нежеланием промышленности брать на себя эту ношу в условиях постоянно расту-

¹⁴ Ibid., p. 383.

щей конкуренции на международных рынках. В своих выводах они утверждают, что до сих пор «рост» не привел к уничтожению абсолютной бедности даже в самых богатых странах. Весьма пессимистично высказываются они и о возможности устранить «относительную бедность» в капиталистическом обществе, т. е. недовольство людей своим жизненным уровнем при сопоставлении его с положением семей, чей уровень жизни значительно превышает их собственный¹⁵.

Робинсон и Итуэл дают реалистическую оценку положения рабочих из развивающихся и наименее развитых капиталистических стран Европы, иммигрирующих в развитые капиталистические государства. Авторы правдиво рисуют их положение, основываясь на реальных данных об ухудшении условий жизни рабочего класса в развитых капиталистических странах, о вынужденной конкуренции рабочих, приезжающих в эти государства из отсталых стран. Они дают верные картины тяжелого положения рабочих-иммигрантов и повышенного уровня их эксплуатации, говорят о попытках капиталистических магнатов богатых стран внести раскол в рабочую среду, помешать борьбе рабочего класса, защищающего свои непосредственные классовые интересы.

Привлекает внимание очерк о загрязнении окружающей среды и тяжелых условиях труда рабочих в современной капиталистической промышленности, в котором авторы дают убедительный и верный социально-экономический анализ создавшегося положения. Причины возникновения этих явлений они связывают со структурой и механизмом функционирования капиталистического производства, враждебного всем попыткам оздоровления трудовых условий и окружающей среды.

Однако там, где Робинсон и Итуэл переходят к практическим вопросам решения поставленных проблем, они становятся осторожны и нерешительны.

Прежде всего они отмечают, что «долгосрочные экономические прогнозы никогда не сбываются». Правда, К. Маркса они считают «самым смелым из пророков» и признают, что «многие события, которые он предсказал, стали уже фактами». И тут же добавляют: «Но кто

¹⁵ Ibid., p. 383—384.

бы мог ожидать, что... через 120 лет после публикации «Манифеста Коммунистической партии» капитализм будет процветать, как никогда, и что социалистические революции принесут наивысший успех странам с наименее развитой экономикой». Очевидно, авторы стремятся отрицать наиболее существенную часть из прогнозов Маркса, связанную с будущим капитализма.

Однако подобное «опровержение» прогнозов К. Маркса несостоятельно. Нельзя забывать, что страна первой в истории человечества победившей социалистической революции — царская Россия — не была так уж неразвита в экономическом отношении, как это пытаются представить Робинсон и Итуэл. Действительно, она значительно отставала от Англии, Франции и Германии. Россия была страной среднеразвитого капитализма с крупными монополистическими формами, сосуществовавшими с феодальными формами и феодальными пережитками, страной с недостаточно развитой буржуазией, в значительной степени подчиненной царскому самодержавию (как и феодальным порядкам) и идущей на компромиссы с ним. Ленинское учение об империализме, как высшей стадии капитализма, было дальнейшим развитием установок и прогнозов К. Маркса и Ф. Энгельса о будущем капитализма (именно развитием, а не ревизией их фундаментальных положений), оно показало возможности успеха социалистической революции в наиболее слабых звеньях мирового империализма, в том числе и в экономически отсталых государствах, где остро конденсируются все противоречия, царит неумемная эксплуатация, сопровождаемая засилием местного и иностранного крупного монополистического капитала.

Впрочем, прогнозы К. Маркса и Ф. Энгельса, подобно всем серьезным научным прогнозам, касающимся развития социальных процессов на длительный срок, сбылись на практике с неизбежными уточнениями и поправками, что связано с невозможностью в деталях предвидеть будущие процессы.

Утверждение же Робинсон и Итуэла о том, что после второй мировой войны «капитализм расцвел, как никогда», находится в вопиющем противоречии с их же собственным анализом. Авторы называют и критически рассматривают ряд серьезных, неизлечимых противоре-

чий современной капиталистической системы (например, все более расширяющуюся инфляцию с ее катастрофическими последствиями) и после этого, вопреки своим же собственным констатациям, говорят о процветании капиталистической экономики после второй мировой войны.

Еще В. И. Ленин предвидел возможность роста капиталистической экономики и при империализме. Но этот рост, писал В. И. Ленин, не сделает капитализм ни более устойчивым, ни процветающим. Чередование и сочетание этапов циклического капиталистического развития — отличительная черта и современного капитализма. Однако в настоящее время экономический цикл развивается на фоне общего кризиса капитализма. Длительные периоды роста в таких странах, как ФРГ, Япония, отчасти Италия, после второй мировой войны объясняются широким обновлением в этих странах основного капитала, ростом спроса, замороженного в результате снижения покупательной способности населения в военных условиях, и пр. Обновление основного капитала приобрело особенно большие размеры в ответ на требования научно-технической революции, совершившей переворот в материально-технической базе и носившей характер полной и коренной реконструкции производственных мощностей. На какое-то время это потребовало притока новых, квалифицированных кадров для обслуживания новой техники и в то же время явилось причиной безработицы неквалифицированных рабочих, становящихся все более и более ненужными обществу. Кроме того, безработица угрожает и рабочим некоторых традиционных отраслей промышленности, значение которых падает. Именно таким — глубоко противоречивым и неравномерным — был экономический рост в определенные периоды послевоенного развития, прерываемый спадами в экономике и кризисами в конце 40-х годов и особенно в 50-е и 60-е годы. А ведь именно этот рост идеализируют Робинсон и Итуэл в противовес своему собственному анализу, посвященному разгулу инфляции, увеличению абсолютной и относительной бедности и другим явлениям послевоенного развития. Расширение и углубление экономического кризиса в 70-е годы, кризиса, превосходящего по своим масштабам и силе кризисные явления

60-х годов — и это вынуждены констатировать английские авторы, — еще более подрывают их тезис о «как никогда» расцветшем капитализме. Этот расцвет оказался временным и коварным для капиталистической экономики, сравнительно скоро почувствовавшей признаки приближения более глубокого экономического кризиса.

Не разделяя прогнозов К. Маркса, английские авторы в самых общих чертах пытаются обрисовать свои представления о будущем развитии. По их мнению, возможны три сценария развития. В первом сценарии они делают акцент (хотя и с изрядной долей сомнений) на реформистскую политику, посредством которой капитализм стабилизируется, обновится, превратившись в «демократический неокapитализм». Они так формулируют эту возможность: «...оптимисты вправе рассчитывать на то, что крупные фирмы (по крайней мере в Западной Европе) начнут проводить определенную политику развития капитализма, создавая общество «всеобщего благосостояния» шведского типа... В Соединенных Штатах Америки цинизм и грубость будут преодолены путем возрождения идей мира и демократии». Второй сценарий касается так называемого «демократического социализма». Третий сценарий, пессимистический, предполагает, что «кризисы приведут к бунтам... но они будут жестоко подавлены, в результате чего сложившаяся обстановка будет хуже, чем раньше». И наконец вывод: «Возможно, элементы всех трех сценариев смешаются во время долгого и мучительного периода смуты»¹⁶.

Совершенно очевидно, что Робинсон и Итуэл (правда, не без колебаний, не совсем ясно и определенно) выступают за эклектический прогноз, допуская существование смешанной социалистическо-капиталистической системы, что совершенно исключено с точки зрения исторического развития. И все же в их набросках присутствуют некоторые верные предположения. Речь идет не о возможности возникновения какой-то смешанной системы, а об их понимании сущности неравномерного развития мировой экономики, в результате

¹⁶ Ibid., p. 387.

чего капитализм не может быть преодолен одновременно во всех странах. Одни страны пойдут по пути социализма, тогда как другие останутся в системе капитализма, и их рабочему классу и всем трудящимся придется продолжать свою упорную борьбу с эксплуатацией, вынуждая капитал идти на некоторые уступки путем осуществления незначительных социальных реформ; эта борьба трудящихся на определенном этапе встретит упорное сопротивление и даже контрнаступление в некоторых капиталистических странах с менее развитым рабочим движением.

Однако Робинсон и Итуэл не видят, что конечная победа останется не за реформистским мнимым «социализмом», а за социализмом, приход которого предвидели К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин.

Что же касается надежд авторов на то, что возможен «новый тип социализма — более прогрессивный, чем в СССР», следует прямо сказать, что идти по социалистическому пути и не считаться с опытом Советского Союза, не использовать его творчески — невозможно. К тому же и сам реальный социализм «советского типа» не застыл в своем развитии, он постоянно совершенствуется. Следуя этим испытанным путем, будущее социалистическое строительство отразит и ряд специфических особенностей национального развития отдельных стран. При наличии всевозможных модификаций процесс перехода от капитализма к социализму идет все же теми путями, которые сумели предвидеть К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин. На этих широких дорогах, естественно, могут встретиться и ответвления, отражающие специфику отдельных стран, но при этом не могут не соблюдаться генеральные принципы перехода от капитализма к социализму выдвинутые классиками марксизма-ленинизма и реально подтвержденные жизнью после победы Великой Октябрьской социалистической революции и последовавших вслед за нею событий.

Робинсон и Итуэл особый раздел работы посвятили современным проблемам экономического положения социалистических стран. Анализируя хозяйственное развитие в социалистической системе, главное внимание авторы уделяют проблемам, связанным с уровнем занятости, платежным балансом, торговым балансом и це-

нообразованием. Робинсон и Итуэл исходят из верной предпосылки, согласно которой эти проблемы в плановом социалистическом хозяйстве стоят совсем иначе, чем в странах капитала, подчеркивая, что капиталистические страны не располагают «необходимыми инструментами для их решения». Однако авторы рассматривают лишь отдельные аспекты социалистической экономики, ее внутренней эволюции, улучшения ее механизма, не углубляясь серьезно в анализ закономерностей и тенденций этой эволюции как движения к более развитому этапу зрелого социалистического общества.

В своем исследовании Робинсон и Итуэл отмечают недостатки югославской экономической политики недавнего прошлого с ее стремлением к крайней децентрализации и автономии предприятий, выразившиеся в возникновении региональных, отраслевых и иных диспропорций и даже в появлении безработицы.

С другой стороны, отмечая ряд улучшений в структуре и механизме функционирования экономики в СССР и других странах социалистического содружества, достигнутых путем экономических реформ, Робинсон и Итуэл вновь обращаются к шаблонной и необоснованной критике «сдерживающей силы бюрократии в экономике». В противовес фактам английские авторы отстаивают тезис о том, что в СССР и других странах социалистического содружества якобы зреют противоречия между централизованной властью, с одной стороны, и инженерно-техническими кадрами — с другой; они полагают, что централизованная бюрократия сковывает инициативу инженерно-технического персонала, продолжая сопротивляться реформам, предпринимаемым социалистическим «менеджментом».

В действительности реформы в управлении и планировании народного хозяйства проводятся именно коммунистической партией и под ее руководством, при тесном взаимодействии политических и хозяйственных сил и в сотрудничестве с научными организациями. Таким путем еще в зародыше устраняется опасность технократических извращений, связанных с местом и ролью инженерно-технических кадров на социалистических предприятиях, с преувеличением роли технической интеллигенции и менеджеров, устраняется опасность из-

вестного отхода от идеологии и политики рабочего класса в народном хозяйстве.

В целом все изложение Робинсон и Итуэла, описывающих состояние социалистической экономики, отличается противоречивостью и шаткостью позиций, непониманием авторами границ и целей децентрализации управления народным хозяйством, смешением бюрократизма с необходимостью централизованного хозяйственно-политического руководства всем народным хозяйством и крупными хозяйственными единицами. Высокие оценки достижений социалистического хозяйства сочетаются с необоснованными сомнениями.

Следует, однако, признать, что по ряду узловых вопросов социалистической экономики Робинсон и Итуэл высказывают довольно верные мысли. Так, они признают, что социалистическая экономика «гарантирована от безработицы, что является результатом революции, осуществленной в интересах рабочего класса». «Сохранение высокого уровня занятости — несомненное и неоспоримое преимущество социалистической индустрии по сравнению с частной»¹⁷. Авторы отмечают, что в условиях социализма существуют значительные различия в доходах, но, поскольку нет частной собственности на средства производства, нет частных богатств, стало быть, нет и возможности разбогатеть за счет спекуляции¹⁸. Создается возможность уничтожения различий между частными и общественными расходами на образование, здравоохранение и другие социальные услуги. Все это становится делом общества и общественных организаций. С другой стороны, они отмечают и возможную опасность злоупотреблений, пишут об угрозе авторитаризма и диктата. В этих вопросах явно ощущается их предубежденность, непонимание особенностей социалистического образа жизни, социалистического сознания труженика в социалистическом обществе, с его личными и общественными интересами; это свидетельствует также о непонимании ими особенностей формирования личности нового типа при органическом сочетании индивидуального образа жизни с жизнью коллектива, в результате чего

¹⁷ Ibid., p. 392.

¹⁸ Ibid.

в конечном счете уничтожаются социологические и социально-психологические противоречия между индивидом и обществом.

Касаясь проблем, стоящих перед развивающимися странами, авторы высказывают ряд верных замечаний относительно борьбы освободившихся стран за свою национальную независимость и экономическое развитие. Робинсон и Итуэл говорят о нерешительной политике местных капиталистических сил в странах, выбравших для себя капиталистический путь развития, о неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИХ отношениях зависимости, в ряде случаев базирующихся на феодальной основе. Они отмечают опасность попыток маневрирования международными ценами для расширения возможностей индустриализации этих стран. Робинсон и Итуэл анализируют сущность протекционистской политики, нередко скрывающей интересы обосновавшихся в этих государствах иностранных капиталистических фирм. Они показывают, как либерализация экономики приводит в этих условиях к тому, что богатые и частично средние классы получают возможность приобретать по более низким ценам предметы роскоши, а заработная плата рабочих в результате падает, растет безработица и т. д. Эти и многие другие утверждения авторов звучат достаточно убедительно. Однако у Робинсон и Итуэла отсутствует ясная концепция выхода из данного положения для развивающихся стран. У авторов преобладает критический реализм, критика недостатков, не сочетающаяся с творческим позитивным анализом. Ничего не говорят они и о той живительной струе, которую вносят в жизнь этих стран социалистические государства, проводящие политику помощи и взаимовыгодных отношений. Перед развивающимися странами есть один реальный путь: это путь некапиталистического развития. Однако данная мысль высказывается очень неопределенно, без необходимой ясности и главное — без достаточной убежденности самих авторов.

Глава V

**СОЦИАЛ-РАДИКАЛИЗМ
В ОБЩЕЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ.
ЖАК АТАЛИ И МАРК ГИЙОМ**

С середины 60-х годов в США и западноевропейских странах стали появляться и постепенно заявлять о себе различные леворадикальные течения в области политической экономики и экономической социологии. У этих течений, при всем их различии и определенной двусмысленности, имеются точки соприкосновения по основным общетеоретическим и методологическим проблемам. Нередко и ортодоксальная теоретическая мысль стала выходить из узкого академического русла, порождая леворадикальные ответвления, призывающие общество к радикальному повороту в социальной политике. Чаще всего эти явления были органически связаны с попытками разработки новой методологии общей экономической теории.

В идеологическом плане эти радикальные течения весьма запутанны. Их представителей отличает весьма широкий диапазон взглядов: от использования марксистской методологии и теории до анархистски беспочвенного отрицания двух мировых систем. В политическом плане новые радикалы придерживаются как буржуазно-реформистских, так и анархо-левацких позиций.

Такая пестрота и двусмысленность, нередко переходящая в хаотичность, наблюдается и в методологии, и в общей теории современных радикалов.

Пионерами этих леворадикальных взглядов явились группы интеллектуалов в США. Началом леворадикального движения с экономическим уклоном можно считать 1968 г., когда группа профессоров и студентов Мичиганского университета организовала «Союз за радикальную политическую экономию». Годом позже, в декабре 1969 г., американский журнал «Социал ревью» опубликовал манифест, в котором радикалы высказали свое принципиальное несогласие с официальной американской экономической наукой, а также свое отношение к некоторым положениям марксистской экономической теории.

Чрезвычайно трудно, почти невозможно точно определить общие экономико-теоретические принципы, объединяющие членов этих групп. В общем и целом радикалы объявляют себя противниками капиталистической системы. Они выдвигают на первый план все проблемы, которые официальная экономическая наука отказывается изучать: монополию, неравенство, загрязнение окружающей среды, американскую политическую систему и т. д.

Большинство американских радикалов выдвигают тезис, согласно которому классовая борьба является подлинным двигателем истории, а «бюрократический централизм» социалистических режимов следует осуждать так же, как капиталистическую ложь.

Радикалы ищут пути решения наиболее важных социально-экономических проблем в формах самоуправления при условии децентрализации систем, считая, что теорию для этих форм следует разрабатывать именно сейчас. По их мнению, гуманитарные науки, социология и политическая экономия в первую очередь должны направить основные свои усилия на разработку именно этих теоретических проблем. Очевидно, в своей поспешной, зачастую весьма эмоциональной критике «бюрократизации режимов» в реальном социалистическом мире радикалы сближаются с буржуазными апологетами-реформистами, с «левыми» и «правыми» ревизионистами и теоретиками социал-демократического типа, а в некоторых своих крайних оценках и пол-

ностью повторяют их. Они не видят сочетания централизованного руководства в области планирования и управления народным хозяйством с широкой гаммой разнообразных, полнокровных и реальных форм относительной децентрализации, с расширением хозяйственной демократии и самоуправления. Они пренебрегают этими новыми моментами или недооценивают их при анализе процессов строительства социализма в странах социалистического сообщества, увлекаются априорными утопическими идеалами «социализма без централизованного руководства», они не понимают, что без такого централизованного начала в планировании и управлении народным хозяйством социализм практически невозможен. Утопические идеи и намерения направить социалистическое строительство в русло абсолютной автономии и децентрализации хозяйственных единиц являются попросту беспочвенными; такие проекты неминуемо привели бы к появлению в социализме процессов, свойственных капиталистической анархии, к скрытым, но реальным проявлениям реставраторских прокапиталистических тенденций.

Естественно, не следует отрицать опасности бюрократических тенденций, возникающих в результате абсолютизации централистского начала. Такие тенденции наносят вред социалистическим странам. На борьбу с ними направлено все социально-экономическое развитие, связанное с поисками новых разнообразных методов и подходов в управлении и планировании, отражающих органическое сочетание централизации и децентрализации.

Это вовсе не означает, что в странах реального социализма не существует никаких проблем. Однако решение этих проблем заключается отнюдь не в радикалистских тезисах и лозунгах о самоуправлении без централизации и не в анархо-либеральных утопиях о производственных ассоциациях типа Томаса Мора. Впрочем, даже Томас Мор предвидел необходимость определенного централизованного начала в планировании общественного производства. И в его «утопии» сенат, как верховный орган государства, занимался размещением производства по районам, а в случае необходимости и перераспределял продукты...

В то же время в леворадикальной критике капиталистической экономики и американского капитализма, в частности, есть немало положительных моментов. Резко критикуют они и официальную политическую экономию, занимающуюся, по их мнению, рассмотрением второстепенных проблем¹.

Определенную близость можно обнаружить между левыми радикалами (с их неопределенной и туманной теоретической платформой) и некоторыми более старыми американскими авторами, претендующими на роль последователей марксистской экономической науки (Бэрэн, Суизи, Маттик и др.). Действительно, в их трудах имеется ряд марксистских положений (особенно у Бэрэна). Но в некоторых из них марксизм интерпретируется весьма своеобразно, что нередко ведет к беспочвенной критике реального социализма. Так, П. Маттик (в течение длительного времени являющийся главным редактором журнала «Ливинг марксизм») произвольно объявляет социалистические режимы носителями государственно-капиталистических тенденций, отрицает интернациональное значение марксизма-ленинизма.

Однако в трудах таких своеобразных «марксистов» содержится и справедливая критика традиционной неоклассической и официальной кейнсианской буржуазной политической экономики. Тот же Маттик считает, что основания для марксистской критики буржуазной политической экономики не только не потеряли своего значения, но действительны и в настоящее время. Не следует умалять значение того, что разрастающееся общественное движение молодых радикалов в США, при всей его идеологической пестроте, выступает против несправедливости во всех ее формах. Многочисленные публикации говорят о жизнеспособности радикального экономического движения, несмотря на все его колебания и противоречия.

В настоящее время экономический радикализм в США, появившийся стихийно в атмосфере бунтов в гетто, преступной войны во Вьетнаме, идеологически дифференцирован. В нем наблюдается определенное внутреннее размежевание между своего рода рефор-

¹ См.: J. Jacques Atali et Marc Guillaume. *L'anticonomie*. Paris, 1974.

мистскими устремлениями, использующими отдельные положения марксизма, позициями, аналогичными правому социал-демократическому «социализму», и левацкими тенденциями с неопределенной, скорее, анархистской политической окраской. Радикализм молодых американских экономистов, со всей его путаницей и противоречиями, все же в целом является определенным показателем поворота влево в сфере политической экономии. Будущее покажет, в какой степени его развитие и внутренняя поляризация приведут к появлению более широкого круга мыслителей, занимающих последовательные марксистские позиции или приближающихся к ним.

В последние годы в капиталистической Европе также появляются (не без влияния американского радикализма) экономические течения, в некоторой степени аналогичные, но не идентичные течениям в США. Европейский радикализм сосредоточивает свое внимание больше на теоретической критике официальной политической экономии в капиталистических странах. На него оказывает влияние организованность рабочего движения и широкое распространение марксистской экономической науки, особенно в таких странах, как Франция и Италия, в которых существует мощное рабочее движение.

Но и в странах, где рабочее движение далеко не столь активно, как во Франции и Италии, и где все еще значительно воздействие правого социализма, социал-демократического движения (Англия, Бельгия, Голландия и северные страны Европы), марксизм имеет довольно сильные позиции. Кроме того, в Западной Европе нет того идеологического вакуума, который в значительной степени характерен для США. И все-таки радикализм нового типа занял определенные позиции и здесь, правда, в более закрытых академических кругах, не получив относительно широкого общественного распространения. В то же время как экономическая теория европейский радикализм сравнительно глубже и стройнее американского.

Ниже мы критически, с марксистско-ленинских позиций, рассмотрим одну из попыток в западноевропейской литературе осуществить более стройную (с позиций нового радикализма) критику официальной

политической экономии, а в какой-то мере и марксистской политической экономии, а также теоретическую модель («утопию», по выражению радикалов) будущей экономики радикально-социалистического типа.

В своей работе «Антиэкономикс» французские экономисты и социологи Ж. Атали и М. Гийом категорически подчеркивают, что «любой социальный анализ — это глубоко политический анализ». Их первостепенная задача заключается в критике традиционной политической экономии, и особенно ее современного варианта — «экономикса». Одновременно они стремятся развенчать формы и методы традиционного обучения в экономической науке.

По их мнению, в гуманитарных науках (в отличие от естественных) не может быть обособления знаний. Официальное же обучение в области экономической науки осуществляется «обособленно» и догматично. Оно дает формальное, неправдоподобное объяснение экономическим фактам, представляя собой псевдонауку, скрывающую конфликты и трансформирующую их в «проблемы», «решение» которых якобы можно найти с помощью книжных конструкций. Этим конструкциям авторы хотят противопоставить «реальность развивающихся противоречий в любом обществе, будь оно капиталистическим или социалистическим, ухудшение условий жизни в городах, увеличение неравенства при распределении богатства и власти, отчуждение, свойственное обществу массового потребления, пренебрегающему условиями труда и разрушающему окружающую среду».

Рутине и оторванности традиционных экономистов от реального мира сложных противоречий Жак Атали и Марк Гийом противопоставляют свою «новую ересь», которая якобы увязывает экономическую науку с реальностью.

Нельзя не заметить у французских авторов ряда верных критических оценок капиталистической экономики, правильного понимания тенденций современного экономического развития, критического проникновения в коренные пороки официальной экономической науки, определенного уважения к марксистской политэкономии, положительной оценки ее фундаментального вклада в социально-экономический анализ и т. д.

Но нельзя не видеть и коренных пороков в методе анализа и общетеоретических положениях французских ученых. Положительные моменты порой тонут в чрезмерно амбициозном, но беспочвенном новаторстве, часто проистекающем из неправомерного отождествления характерных черт капиталистической и социалистической экономики. Так, еще при определении своего методологического подхода к исследованию современной социально-экономической действительности авторы валят в одну кучу противоречия в современном капиталистическом и социалистическом обществах, отождествляя их. Верно, что общих черт у этих двух разновидностей общества (особенно в эпоху современной научно-технической революции) становится все больше. Но эти общие черты не затрагивают сферы фундаментальных и специфических закономерностей, которые делают их двумя *противоположными* общественно-экономическими формациями. Эти общие черты в большинстве случаев касаются процессов и сторон организационно-производственного характера, связанных в основном с развитием производительных сил, техники, хотя и преломляемых в определенной степени сквозь призму противоположных производственных отношений — капиталистических и противостоящих им социалистических.

Сходные черты существуют и в стиле жизни (во внешних формах ее проявления и в организационной структуре). И в социалистическом обществе имеются, правда, в меньших масштабах, элементы «отчуждения» (как остатки влияния капиталистического общества и как отрицательный фактор, вытекающий из односторонней технизации), о чем говорят во введении в свою методологию французские авторы. Но, в отличие от капитализма, при социализме этим отрицательным чертам противостоит жизнеспособная положительная реакция социалистического образа жизни, органическое сочетание индивидуальных желаний и интересов с коллективными интересами и устремлениями. В социалистических странах также имеются проблемы в области охраны окружающей среды. Но и в данной сфере возможности и достижения социалистических стран более значительны, поскольку социальная структура общества имеет своей целью удовлетворение жизненных потребностей трудящихся, в отличие от капиталистиче-

ского общества, экономической основой которого является извлечение максимальной прибыли.

Но если в вопросе об охране окружающей среды, преодолении отчуждения и некоторых других можно обнаружить отдельные общие черты двух типов общества (хотя и не в такой абсолютизированной форме, как отмечают Атали и Гийом), то указанные авторы совершают грубую ошибку, когда утверждают, что в обеих системах имеет место «рост неравенства и концентрация власти». В социалистических странах действительно встречаются недостатки, обусловленные отдельными нарушениями основного принципа оплаты труда в соответствии с количеством и качеством вложенного труда, есть отдельные недостатки при использовании общественных фондов и др. Но в целом эти недостатки носят эпизодический характер, вполне преодолимы и преодолеваются. В социалистическом обществе типичной закономерностью является не «рост неравенства», а совершенствование принципа оплаты труда в соответствии с его количеством и качеством. В этом заключено еще одно коренное различие между социалистическим и капиталистическим обществами.

Характерной чертой обоих французских авторов является то, что они отрывают идейно-теоретические процессы в сфере экономического познания от классовой структуры общества, и капиталистического общества в частности. В экономических теориях они не видят их социальной основы, не видят в них своеобразного отражения определенных классовых позиций. Они не видят проявления классовой борьбы в теоретических экономических спорах и в теоретической конфронтации. Они считают, например, что «пороки» традиционной неоклассической политической экономии связаны исключительно с догматическими предрассудками. Не отрицая роли таких предрассудков, в основе экономических течений и школ необходимо видеть отражение определенных социально-классовых позиций и интересов, не доходя, разумеется, до вульгарного социологизма и экономизма.

Французские авторы выступают за интеграцию экономического анализа с фрейдизмом и социологическими аспектами современной антропологии. Однако, оценивая по достоинству процессы дифференциации научных

знаний, не следует забывать, что процесс интеграции между научными дисциплинами необходим и плодотворен в сфере экономического анализа и вообще при экономических исследованиях только тогда, когда он осуществляется с позиций исторического материализма с учетом определяющей роли объективного экономического процесса как базисного процесса всего общественного развития.

Социологизация экономического анализа может быть плодотворной только в том случае, если она основывается на фундаментальных положениях марксистской политической экономии. В целом широкая и развернутая социологизация экономического анализа и экономических исследований должна быть подчинена марксистской политической экономии как базисной науке, изучающей структуры и структурные закономерности всего общества.

Но Атали и Гийом понимают интеграцию неэкономических знаний в экономические исследования эклектически и идеалистически, в духе американского институционализма (в его старом и новом вариантах). Такова вообще теоретическая позиция современных буржуазных экономистов социологического направления (особенно в США и во Франции). Социологический аспект в экономическом анализе интерпретируется механически и идеалистически в духе своеобразного социологического позитивизма и эклектизма.

В конкретных социально-экономических исследованиях могут рассматриваться и социально-психологические аспекты того или иного процесса. Однако сомнительно, чтобы в экономическом анализе определенную пользу мог принести фрейдистский психоанализ, на чем настаивают Атали и Гийом. Не следует пренебрегать некоторыми положениями Фрейда и его последователей в области индивидуальной психологии, особенно при анализе подсознания, но очень опасно абсолютизировать эти положения, давая фрейдистское объяснение обществу в целом. А подобных попыток в буржуазной социологии много. Они характерны, в частности, для такого идеолога экстремистского радикализма, как Маркузе. К его позициям нередко примыкают Атали и Гийом. Оба французских автора в своих вводных установках, играющих роль манифеста радикализованной

политической экономии, указывают на необходимость использования фрейдистского психоанализа в политической экономии. Это положение более конкретно отражено в их утопических проектах послекapиталистической экономики.

Критику официальной экономической теории французские авторы начинают с определений политической экономии. Взяв за образец определение одного из видных представителей так называемой Лондонской школы Л. Робинса, они подчеркивают, что «большая часть западных экономистов определяет политическую экономию как изучение человеческого поведения, обусловленного отношением между целями и ограниченными ресурсами, имеющимися для их удовлетворения». По их мнению, данное определение является крайне абстрактным. Они считают, что экономическая наука, для того чтобы охватить все разнообразие экономических процессов, «должна охватить в реальных терминах определенное пространство, включающее: производство, обмен и потребление благ и услуг, а также последствия, которые данные процессы вызывают в отношениях между людьми и между человеком и природой». На их взгляд, «необходимо также со всей полнотой определить социальную структуру, с тем чтобы данное определение могло применяться на практике». Политическая экономия, пишут они, «изучает механизмы производства, обмена и потребления в рамках данной социальной структуры и зависимости между этими механизмами и данной социальной структурой»². Авторы считают, что таким образом уточняются границы и проблематика политической экономии, ее исторические аспекты, в результате чего преодолевается абстрактность экономического анализа и устраняются универсальные претензии традиционного экономического подхода.

Не вызывает сомнения, что критика Атали и Гийомом исходных методологических позиций современной западной экономической науки во многом справедлива. По-видимому, в данном случае на них оказывает влияние марксистская политическая экономия. Но их собственные определения в значительной мере обесценены «размытостью» их социологических позиций, в резуль-

² Jacques Atali, Marc Guillaume. Op. cit., p. 10.

тате чего многие социальные закономерности оказываются деформированными. Причинные связи у них искажены, они подменяются взаимодействием между «экономическим» (экономическим механизмом) и «социальным» (социальными структурами), взятыми как автономные явления и процессы, вне анализа каузальных закономерностей. Таким образом, открывается возможность изучения внешних функциональных связей, рассматриваемых в отрыве от фундаментальных каузальных связей и закономерностей. Чисто механически «социальное» противопоставляется «экономическому» и намечаются линии их взаимодействия. А ведь в сущности экономические процессы являются основными социальными процессами. Социальные отношения в производстве — это базисные отношения всего общества. Без такой социально-производственной базы нет общества и общественной структуры. Без нее, как свидетельствуют биология и антропология, мы имеем дело с царством антропоидов или других переходных к человеку видов животных, а не с *homo sapiens* — мудрым, мыслящим человеком, по выражению древних. Этот человек неотделим от общества, он общественный человек. Да и сам производственный процесс как процесс отношения людей к природе органически связан с социальными отношениями производства.

Политическая экономия, в сущности, это базисная социальная наука, и ее нельзя сводить (на неопозитивистский эклектический манер) к механически объединенным плюралистическим дисциплинарным связям между общественными и другими научными дисциплинами. Связи между научными дисциплинами в экономических исследованиях должны быть подчинены экономическому анализу базисных общественных, производственных отношений. Примат такого анализа основывается на закономерностях, раскрытых марксистской политической экономией. Но не за такой исторический подход и не за такую связь между научными дисциплинами в экономическом анализе выступают Атали и Гийсм. Они маневрируют историческим методом и социологическим характером экономического анализа, лишая этот анализ его истинного содержания. Они подражают марксизму, но лишь для того, чтобы нанести удар не только формалистической неоклассической

западной экономики, но и самой марксистской политической экономики, которая в сущности является целостным научным отрицанием буржуазного формализма и неоклассицизма.

Жак Атали и Марк Гийом, конкретизируя бесплодность традиционной официальной политической экономики на Западе, утверждают, что то же самое имеет место и в марксистской экономической науке. По их мнению, экономический анализ в наше время основывается на двух фундаментальных положениях Адама Смита: материальное производство способно увеличиваться благодаря разделению труда; эффективность и рост производства являются главным объектом теоретического анализа. Вот почему теории, подверженные влиянию традиций, с трудом перестраиваются на анализ новых явлений. Они оставляют без объяснения такие крупные проблемы нашего времени, как инфляция, механизм распределения доходов и власти, взаимосвязь между социальными, политическими и экономическими феноменами. По их мнению, существует еще слишком мало инструментов, пригодных для анализа самых срочных и неотложных проблем: бедность, загрязнение окружающей среды, плохие условия труда, зависимость развивающихся стран³.

Авторы таким образом весьма самоуверенно и произвольно отрицают достижения не только марксистской, но и прогрессивной домарксистской литературы. Они утверждают, например, что «капитализм и марксизм прославили победу человека над природой, не заметив, что эта победа в конце концов обернется против человека...»

Разумеется, и это обвинение против марксизма является беспочвенным. Исторический материализм как единственно научная методология познания общества и общественного развития выдвинул положение о диалектической связи и различии между природой и человеческим обществом. Природная и, в частности, географическая среда, не являясь определяющей причиной роста производительных сил и непосредственным базисом общества, является в то же время естественной основой развития производительных сил общества, главным образом предметов труда и орудий производства.

³ Ibid., p. 10—11.

Основной элемент производительных сил — человек, сама производительная сила человека находится под воздействием не только внутренних, физиологических и биологических законов, но и географической среды.

Марксизм не пренебрегает ролью природной среды в развитии общества, хотя, разумеется, и не отождествляет природные закономерности с общественными, как это делают, например, Бокль (географическое направление в социологии), Спенсер, Лилиенфельд, Вормс (органологическое направление) и др. Поэтому абсурдным является утверждение французских авторов, обвиняющих марксизм в том, что своими теоретическими «ошибками» в социальном и социально-экономическом анализе он (вместе с буржуазными неоклассиками) повинен в возникновении той дисгармонии между ростом общественного производства и состоянием окружающей среды, которая якобы характерна для обеих систем.

Вопрос об опасности нарушения ряда естественных закономерностей в процессе использования природы ставился в марксистской литературе. Так, еще Карл Каутский в свой марксистский период в книге «Размножение и развитие в природе и обществе» весьма аргументированно анализировал эти проблемы. Каутский, например, писал, что человек постоянно стремится сделать свой труд более производительным, и это означает не что иное, как внесение большего однообразия в природу, причем время от времени он наталкивается на барьеры, которые нельзя преодолеть.

Но если теоретически марксизм никогда не пренебрегал ролью природных сил и закономерностей в общественных процессах, включая и возможность возникновения «конфликта» между природой и обществом, то он не исключает такого конфликта и в нашу эпоху реального социализма. Закрывать глаза на данную реальность, недооценивать отрицательные последствия освоения природной среды и в социалистическом обществе было бы непрослительным легкомыслием. На то имеются причины объективного характера, связанные с высокими, порой головокружительными темпами развития научно-технической революции; есть причины и субъективного характера.

И все-таки отрицательные черты технического прогресса, их степень и масштабы преломляются

по-разному сквозь призму социальной структуры двух противоположных общественных систем. В социалистических странах возможностей для систематического, широкого и перспективного наступления на отрицательные последствия научно-технической революции значительно больше, чем в капиталистических. Результаты в этом отношении весьма показательны.

Критикуя неоклассический анализ потребностей, авторы приписывают и марксизму ошибочные положения неоклассиков о примате потребностей как независимых от общественного способа производства. Они обвиняют марксизм в том, что он якобы не избавился полностью от этой ошибки. Марксизм, полагают авторы, не сумел противопоставить этой теории широкой социологической концепции потребностей, обусловленных способом производства, различием общественных культур в целом.

На самом деле еще в «Капитале» К. Маркс сформулировал исходные теоретические позиции роли и места потребностей во всем воспроизводственном процессе в условиях действия закона стоимости. Эти вопросы были развиты в последующей марксистской литературе в связи с критикой теории предельной полезности. В современной марксистской экономической и социологической литературе, особенно в социалистических странах, проблема потребностей получила (с учетом исходных фундаментальных принципов Маркса) дальнейшее широкое творческое развитие. Это было связано с практическими целями строительства и совершенствования социалистической экономики. Экономика социализма по своей социально-исторической природе имеет целью удовлетворение всесторонних потребностей общества.

С другой стороны, возникают новые потребности, которым нужно дать точное научное определение с точки зрения системы общественных приоритетов, с тем чтобы их удовлетворение способствовало дальнейшему развитию социалистического образа жизни; определить их место, утвердить, а иногда и отвергнуть их.

Все это обуславливает необходимость анализа потребления не только с позиций узкоэкономических, но и социологических. В западной литературе марксисты-экономисты и социологи также разрабатывают пробле-

мы потребления с учетом интересов широких масс трудящихся.

Подвергая острой критике формализм, пронизывающий неоклассическую теорию, авторы не способны противопоставить ей теорию подлинно научную. Справедливая критика формализма перерастает у них в субъективно-идеалистическое объяснение недугов капитализма⁴.

Коренные причины пороков и противоречий капиталистического, как и любого другого «индустриального, общества» они усматривают в порочных методологических основах неоклассического анализа и опирающейся на него экономической политики. Объективные экономические закономерности, вопросы классовой борьбы трудящихся пренебрегаются исследователями, которые говорят обо всем этом весьма туманно.

Подчеркивая, что «необходимо активно осознать политический характер всего экономического анализа», Атали и Гийом не могут выйти за пределы эклектизма, социологического позитивизма и философского идеализма, несмотря на их частые ссылки на марксизм.

Критику традиционной буржуазной политической экономии Жак Атали и Марк Гийом дополняют более конкретным анализом современной экономики двух систем. Этот анализ содержит ряд верных характеристик плановой экономики реального социализма и существенных черт современного капитализма. Авторы отмечают гибкость социалистического планирования, учитывающего реальные запросы потребителей и базирующегося на твердой основе общественной собственности на средства производства. Они говорят о гибком сочетании централизованного начала с децентрализацией в планировании, при котором допускается (в известной ограниченной сфере) действие рыночных законов. Этим характерным чертам социалистической экономики Атали и Гийом противопоставляют «недостаточность целей» капиталистической экономики, анархию в производстве, распределении и потреблении, противоречащую формалистическим теоретическим моделям неоклассиков и неокейнсианцев. «Недостаточность целей», по мнению авторов, свидетельствует об отсутствии

⁴ Ibid., p. 24—25.

политической программы, нацеленной на решение актуальных проблем. Отсюда якобы вытекают и неизбежные противоречия развитой капиталистической экономики.

Противопоставляя планирование в социалистической экономике (с его тенденциями к социальному равенству, преодолению эксплуатации и т. д.) «зигзагообразному» регулированию капиталистической экономики, основывающейся на рыночной конкуренции, Атали и Гийом, по сути дела, отходят от того, чтобы отождествлять «пороки» капиталистической и социалистической экономики (о чем свидетельствуют их методологические и общетеоретические постулаты, а также отдельные моменты их теоретического анализа). Они аргументированно подчеркивают, что «иерархия доходов, их неравенство, несоответствие оплаты количеству и качеству труда имеют значительно меньшие масштабы в странах Востока, чем в странах Запада». В то же время в социалистическом обществе, пишут Атали и Гийом, осуществление правила «каждому — по труду» сохраняет неравенство другого характера. Они намекают на возможность замены при социализме эксплуатации со стороны капитала модифицированными формами эксплуатации со стороны государства. И словно для того, чтобы ответить на возможные возражения марксистов против этого тезиса, Атали и Гийом наряду с экономическими корнями эксплуатации, присущими капитализму, ищут еще и другие «фундаментальные» причины ее возникновения не только в капиталистическом, но и в послекapиталистическом, в том числе в социалистическом, обществе, и не только в условиях переходного периода, но и на этапе зрелого социализма, когда класс капиталистов уже сдан в архив истории. Французские авторы, соглашаясь с тем, что фундаментальной причиной эксплуатации человека человеком является частная собственность на средства производства, допускают практически при любой форме социализации «эксплуатацию всех всеми».

Однако данная формулировка не подходит для общества, идущего по пути строительства развитого социализма. В переходный период от капитализма к социализму действительно существуют ограниченные черты капиталистической эксплуатации, которые все более

уменьшаются по мере укрепления социалистического строя. Верно и то, что в определенных случаях при социализме бывает необходима большая интенсивность труда (особенно в отраслях, где недостаточно используется высокоэффективная техника). Но это ни в коем случае нельзя считать вариантом капиталистической эксплуатации, поскольку такая интенсивность является временной и обусловлена интересами построения материально-технической базы социализма, особенно на первых порах социалистического строительства.

Рассматривая вопрос об эксплуатации и неравенстве, авторы «Антиэкономикса» стремятся противопоставить анализ классового неравенства анализу неравенства внутри классов и групп. Они считают, что марксистский анализ неравенства имеет частный, а не целостный характер. Они ведут поиски различных проявлений неравенства главным образом при капитализме (в меньшей степени и в меньших масштабах они видят неравенство и привилегии и в социалистических странах), они выделяют особый аспект исследования неравенства — неравенство, возникающее в процессе «индивидуального распределения». С этой целью они стремятся исследовать неравенство в распределении доходов между лицами, принадлежащими к разным профессиям и социальным слоям, пенсионерами и людьми, получающими средства из фондов по безработице, ищут неравенство, связанное с различиями в культурном уровне, в расходах на воспитание и т. д. По их мнению, неравенство такого рода затрагивает большую часть общества и не является результатом капиталистической эксплуатации. В этом же духе авторы анализируют различия между отдельными формами неравенства среди наемных рабочих. Поэтому они рекомендуют в качестве исходного пункта анализа неравенства «не функциональный, а индивидуальный подход», отмечая при этом, что в разнообразии процессов неравенства раскрывается как «пустота маржиналистского подхода, так и невозможность ограничиться только чисто марксистским анализом...»

Бесспорно, что при научном анализе неравенства и привилегий абсолютно необходимо учитывать специфические формы неравенства. Но это необходимо

делать на основе общих исходных критериев классовой структуры капиталистического общества, закономерностей капиталистической экономики, основой которых является эксплуатация труда капиталом, закон прибавочной стоимости и т. д. В социалистическом же обществе неравенство или является проявлением такого неравенства, которое присуще социализму, в его основе лежит оплата в соответствии с количеством и качеством труда, или же объясняется остаточными элементами капитализма, особенно в переходный период. Как при капитализме, так и при социализме «распределение доходов» происходит в соответствии с различными и противоположными для двух систем закономерностями. Именно этого не учитывают французские авторы.

В целом «индивидуальный» (т. е. конкретный и более эмпирический) анализ эксплуатации должен быть подчинен «функциональному» или, точнее говоря, фундаментально-теоретическому анализу при исследовании эксплуатации и неравенства. Именно таким является марксистский анализ, который сводится не к схематизации и логической формализации, а к сложному творческому соединению теории с конкретными исследованиями, опирающимися на незыблемый теоретический фундамент, заложенный К. Марксом. В современной марксистской экономической литературе «индивидуальный» анализ все в большей степени расширяется и обогащается, в том числе и благодаря совершенствованию статистического анализа, сочетающегося с формально-математическими методами. Дальнейшее развитие марксистского экономического анализа при решении проблем труда, трудового вознаграждения, производительности и интенсивности труда, социального обеспечения и т. д. доказывает жизненную силу этого анализа, свободного от догматизма и застоя, далекого от эмпирической размытости. Такой анализ является продолжением и развитием фундаментального теоретического марксистского «функционального анализа», посвященного вопросам эксплуатации труда капиталом и ее проявлений в сфере распределения и перераспределения национального дохода.

Призывая преодолеть «узость» марксизма, авторы «Антиэкономикса» пишут и о том, что современная дей-

ствительность предопределяет необходимость пересмотра взглядов на производительный и непроизводительный труд. Действительно, в условиях современной научно-технической революции роль и характер некоторых видов труда меняются. Например, значительная часть интеллектуального труда по сравнению с прошлым периодом приближается к производительному труду или становится таковым; ряд научно-исследовательских процессов приобретает непосредственный производительный характер, получает прикладное значение. Это характерно как для капиталистического, так и для социалистического общества. Современная марксистская экономическая теория широко обсуждает такого рода проблемы, имеющие дискуссионный характер.

Таким образом, расширение сферы марксистского анализа трудовых процессов, процессов распределения доходов, неравенства, некоторые модификации в позициях опровергают притязания Жака Атали и Марка Гийома на «превосходство» их анализа над марксистским, тем более что они отдают предпочтение анализу «индивидуального распределения». В этом отношении у обоих авторов можно обнаружить ярко выраженное противоречие. С одной стороны, они дают понять, что выступают за эклектический синтез между марксистским функциональным анализом и пропагандируемым ими «новым индивидуальным анализом», подчеркивают необходимость не только сохранения, но и дополнения марксистского анализа. С другой стороны, они пытаются объявить марксистский анализ устаревшим, даже догматическим, и предлагают чуть ли не полностью заменить его анализом «индивидуального распределения».

Как альтернативу капитализму авторы «Антиэкономика» предлагают утопическую картину общества — «утопию», в которой радикально и сравнительно быстро будут преодолены неравенство, привилегии, отчуждение и другие коренные пороки его общественно-экономической организации. В качестве предварительного условия осуществления своей «утопии» авторы выступают за коренные изменения экономической мысли. Для этого необходимо, по их мнению, уничтожить односторонний и нереальный подход, узкоформалистический эконоцизм, заменив его социально-экономическим исследованием. Они полагают, что современная

экономика не отвечает потребностям общества, не способствует преодолению отчуждения, а современная экономическая мысль (и прежде всего — неоклассическая) нереалистична и в конечном счете негуманна.

Они ищут пути изменения образа жизни, уничтожения социальных барьеров и утверждения таких «правил игры», которые позволили бы достичь благоденствия и счастья для «всех людей». Здесь, как можно видеть, нет и упоминания о классах и классовой борьбе. Элиминируется, таким образом, позитивный анализ фундаментальных объективных социальных процессов, с помощью которого только и можно определить роль и место моральных стимулов и идеалов как явлений производных, но способных воздействовать на социальные движения и социальные преобразования.

Выступая против бездушия и антигуманности неоклассицизма, технократизма и вообще традиционной буржуазной политической экономии, авторы «не забывают» атаковать и научный социализм. По их мнению, и при коллективном использовании средств производства общество не освобождается от «противоречий».

Действительно, и в социалистическом обществе не могут автоматически преодолеваются трудности, связанные, например, с получением некоторых видов сырья и энергии. Но авторы не желают видеть ни теоретически, ни исходя из опыта социалистических стран, что эти трудности могут быть преодолены ритмично, планомерно, на долговременной основе только с помощью социалистической организации экономики. Капиталистическая экономика, находящаяся под властью прибыли, даже заинтересована в «редкости» сырья и источников энергии. На этой основе в экономике капитализма идет процесс рождения новых или усиления старых социальных противоречий в отдельных странах, а также противоречий между капиталистическими государствами в масштабах мирового капиталистического рынка. В социалистическом же обществе трудности, связанные с «редкостью» ресурсов, не приводят к таким социальным противоречиям, о которых говорят авторы «Антиэкономика», ни в отдельных странах, ни в экономических отношениях между ними.

Вопросы конкретной экономической организации «утопии» авторы рассматривают в заключительном раз-

деле своей работы, имеющем необычное название — «Утопическое самоуправление, или Капитализм рабочих». Французские авторы полагают, что новая система отрицает как монополистический капитализм, так и «бюрократический социализм». Ее образование они связывают с самоуправлением, которое, однако, без соответствующих коррекций может породить «своеобразный капитализм рабочих». «Идея самоуправления,— пишут они,— является в данный момент единственно реальным новым предложением. Однако развитие теоретической мысли показывает, что этого недостаточно для составления глобальной модели. Самоуправление может привести к настоящей индустриальной системе со всеми ее противоречиями. Рабочие «Дженерал моторс» при рабочем самоуправлении играли бы не менее влиятельную роль в развитии автомобильного производства, чем нынешние его финансовые хозяева... Рабочие электростанции, загрязняющей окружающую среду, пошли бы на повышение производственных затрат не легче, чем капиталисты... Автономия самоуправляющихся предприятий (без других структурных реформ) привела бы к такому типу капитализма рабочих, к которому нынешний способ производства приспособился бы очень хорошо»⁵. «Самоуправление необходимо понимать глобально,— утверждают они.— Нужно из аморфной совокупности потребителей создать постоянные и активные группы таким образом, чтобы исчезло противоречие между производственными и потребительскими инстанциями».

Нельзя не отметить некоторые верные положения в данных формулировках французских авторов. Они указывают на определенную опасность, вытекающую из абсолютной автономии самоуправляющихся предприятий, на опасность возрождения элементов капиталистических отношений в результате функционирования предприятия только в своих интересах, в интересах лишь своего коллектива. Но авторы «Антиэкономикса» не хотят видеть, что эти процессы определяются отсутствием центрального хозяйственного управления и планирования, которое координирует и направляет экономическое развитие в макромасштабе, в интересах всего

⁵ Ibid., p. 234.

народного хозяйства. Атали и Гийом же отрицают именно это — необходимость централизованного планирования и управления народным хозяйством.

Вместо этого авторы «новой утопии» туманно, отвлеченно, в самых общих чертах говорят о необходимости какого-то «общественного сцепления», которое должно возникнуть в их якобы реальной «утопии». По их мнению, политическая экономия, превращаясь все в большей степени в теорию утопии, должна помогать «экономике функционировать в иных условиях поведения (при отказе от эгоизма присвоения, власти)». Они полагают, что в «новой утопии» политика будет отставлять не функцию воспроизводства неравенства и привилегий, а регулирование социальных противоречий. Но о том, каковы эти противоречия, они молчат. Воспитание, образ жизни и мышления людей должны, по их мнению, перестать быть инструментами экономического роста. Новое воспитание, новый образ жизни и мышления «утопистов» будут подчинены новым социальным отношениям на производстве и новой материальной организации.

Говоря о роли экономической науки, французские авторы вспоминают парадоксальную мысль Маркузе: «Путь социализма — это путь от науки к утопии, а не только, как думал Энгельс, от утопии к науке»⁶. Трудно, почти невозможно найти какой бы то ни было здравый смысл в этой формулировке Маркузе. По сути дела, она отражает идеалистический тезис о воссоздании социальной действительности путем духовного, идейного воссоздания, путем внутренней организации мысли, творчески направленной к действительности. Мысль здесь представлена как созидатель действительности. Подобным идеалистическим духом пронизан и тезис Атали и Гийома о созидательной роли «новой экономической теории утопии», служащей переходом от безрадостной и сложной действительности к утопии, в которой реализуется общество всеобщего благосостояния, органически сочетающее материальное и духовное.

Завершая критический обзор «Антиэкономикса» и давая самую общую оценку научной ценности всей книги, необходимо еще раз подчеркнуть, что она имеет ха-

⁶ Ibid., p. 236.

ракти современной социальной утопии, авторы которой пытаются использовать в самом широком социологическом аспекте некоторые положения научной политической экономии в комплексе с другими научными дисциплинами. Однако в методологической эклектике преобладают идеалистические взгляды. В связи с этим данная социальная утопия в общем является шагом назад по сравнению с некоторыми утопическими системами прошлого. У авторов, например, отсутствует ясная позиция относительно собственности на средства производства в будущем обществе. Для авторов «Антиэкономикса» проблема собственности на средства производства не является основной и решающей для будущего экономического строя. В этом плане их концепция — шаг назад по сравнению с более зрелыми социальными утопиями прошлого. Например, великий английский социалист-утопист XIX века Роберт Оуэн дал гораздо более ясную и реалистическую картину будущего. В этом отношении он значительно опередил других великих социалистов-утопистов — Сен-Симона и Шарля Фурье. Оуэн является идеологом реорганизации всего общества на социалистических началах. В 1832 г. именно он ввел в употребление сами термины «социализм» и «социалистический строй». Он представлял эту организацию в форме создания отдельных кооперативных общин. Однако, в отличие от промышленных ассоциаций Сен-Симона и Фурье, Оуэн в своих проектах кооперативных общин не занимался судьбой ни капиталистов, ни капиталистического дохода. Ведь частная собственность на средства производства должна быть ликвидирована. Все это делает его утопический социализм важным этапом в историческом процессе развития социализма от утопии к науке. По сравнению с этими серьезными научными и реалистическими элементами в учении Оуэна концепция авторов «Антиэкономикса», подхвативших путаный тезис Маркузе о переходе от науки к утопии, выглядит более чем старомодно.

Глава VI

БУРЖУАЗНЫЙ РЕФОРМИЗМ О ПРИРОДЕ И ПЕРСПЕКТИВАХ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Новый вариант теории «индустриального общества». Дж. К. Гэлбрейт

Прокапиталистические позиции известных теоретиков «индустриального общества» Р. Арона, Ж. Фурастье, У. Ростоу и др. выражаются, как правило, непосредственно и открыто. Однако есть немало авторов, которые выступают с определенной критикой этих позиций. Типичные для таких авторов сомнения и колебания помогают увидеть беспочвенность и нестабильность самой теории «индустриального общества».

Так, например, в книге французского социолога-экономиста Ж. М. Альбертини «Капитализм и социализм в соревновании» (1970) откровенно и обоснованно признаются успехи советской экономики, ее быстрая модернизация в период научно-технической революции. Вместе с тем Альбертини разрабатывает генеральный прогноз в духе теории конвергенции, приближения советского общества к структуре западного общества.

Этот прогноз Альбертини основывает на тезисе, согласно которому как при капиталистическом, так и при социалистическом строе общество представляет собой определенную совокупность общих черт, которые отражают условия технической, внешней по отношению к человеку рациональности¹.

На самом деле такие общие черты двух систем (преимущественно организационно-технического ха-

¹ См.: J. M. Albertini. Capitalisme et socialisme à l'épreuve. Paris, 1970, p. 257.

рактера) не могут способствовать преодолению существенных различий и противоречий между ними. Более того, эти как будто общие черты двух систем имеют значительные отличия. Однако Альбертини склонен выдвигать на первый план именно эти общие, или, точнее, сходные, черты, подчеркивая тенденцию к конвергенции.

В духе концепций конвергенции выступает и известный американский экономист Джон К. Гэлбрейт в своей книге «Новое индустриальное общество» (1967). Очерчивая мнимую тенденцию к формированию «капитализма без контроля капиталистов» и «социализма без контроля со стороны общества» (в котором «социализм» втискивается в государственный сектор экономики капиталистических стран наподобие английских национализированных предприятий), Гэлбрейт открыто выражает прокапиталистическую тенденцию, скрывая власть монополистического капитала в ассоциированно-корпоративных формах современного капитализма.

Однако в последние годы Гэлбрейт в ряде статей, докладов на международных симпозиумах и других научных встречах пытается внести значительные коррективы в свою концепцию «индустриального общества», признавая необходимость его социально-политической демократизации. Гэлбрейта тревожат антигуманные и империалистические устремления значительной части верхушки техноструктуры, высших слоев менеджмента, занятых в управлении крупными корпорациями и работающих в государственных органах, связанных с ними. Его тревожат и тенденции к усилению рационализации и технизации «индустриального общества», усиливающаяся власть вещей над людьми, над человеческими отношениями.

В рамках концепции об «индустриальном обществе» он отстаивает необходимость участия в управлении этим обществом гуманитарной интеллигенции, необходимость гуманизации современного капитализма. В этом плане представляет интерес выступление Гэлбрейта в клубе интеллектуалов при журнале «Ле нуувель обсерватер» в Париже 2 февраля 1971 г. В этом выступлении Гэлбрейт резко критиковал некоторые отрицательные стороны капиталистической системы

в США. В то же время он стремился доказать, что капиталистическая экономика с эксплуатацией рабочих, хроническими острыми кризисами и т. д. чуть ли не сдана в архив истории. Он говорил: «Со времени второй мировой войны традиционная критика экономической системы индустриальных стран сильно изменилась... Систему уже не обвиняют, например, в эксплуатации рабочих в качестве главного объекта угнетения. В современном экономическом обществе имеется много бедных и обездоленных. Но в Соединенных Штатах Америки, наиболее развитой из промышленных стран, к их числу относятся главным образом сельскохозяйственные рабочие, мелкие фермеры (слабо вооруженные техникой), семьи, лишившиеся доходов вследствие закрытия шахт или перемещения заводов, те, кто прозябает в розничной торговле; больше всего их среди обитателей городских гетто, лишенных промышленных профессий вследствие географического положения, уровня образования, расовой принадлежности».

И тем не менее, несмотря на столь горькие признания, Гэлбрейт считает, что все это не затрагивает генеральной линии развития «индустриальной системы» США, что упомянутые отрицательные черты не имеют принципиального характера и не влияют на ее стабильность. Несмотря на такую своеобразную апологетику современного капитализма, Гэлбрейт не отказывается от критики «индустриального общества». По его мнению, после второй мировой войны ход всесторонней индустриализации экономики и общества вызвал к жизни новую критику. «Она заключается в том, что современное индустриальное общество является иррациональным. Поскольку старая угроза тяжелой депрессии практически исчезла, современная экономика демонстрирует опасную склонность к инфляции — тенденции, которая, очевидно, не поддается никаким классическим средствам лечения», — подчеркивает видный американский экономист. По его мнению, техническая рационализация вступила в противоречие с экономической рациональностью. В то же время современная экономика иррациональна «по способу распределения как доходов, так и продуктов». Некоторые предметы, например автомобили, произво-

дятся в больших, может быть, чрезмерных количествах. И наоборот удовлетворение элементарных потребностей — например, в жилье и в городском транспорте — систематически затрудняется. Многие товары, о новых и необыкновенных свойствах которых постоянно трубят, на самом деле не соответствуют нормальным нуждам и потребностям и являются бесполезными. В воздухе слишком много грязи, шума. Слишком много нефти, вода загрязнена. Производитель же реагирует на эти явления медленно и бюрократически².

Гэлбрейт более резко выступает против извращений со стороны техноструктуры, наносящих вред общественным интересам. Он выступает за ее дебиюрократизацию, совершенствование и гуманизацию. Он выступает за привлечение к ней науки, сил интеллигенции для коррекции ее недостатков, а также за то, чтобы экономика как можно меньше зависела от господства капиталистов и крупных менеджеров.

Участвуя в дискуссии в этом парижском клубе, Гэлбрейт говорил также о расходах на военное производство, резко выступая в этой связи против грязной войны во Вьетнаме, что, естественно, является положительным моментом.

На международных встречах, состоявшихся в Париже 20—22 июня 1972 г. по инициативе и под непосредственным руководством тогдашнего министра экономики и финансов Жискар д'Эстэна, Гэлбрейт высказывал некоторые более радикальные мысли относительно недостатков современного «индустриального общества». Гэлбрейт открыл дискуссию большим выступлением, лейтмотив которого сводился к необходимости поиска причин болезней современного капиталистического «индустриального общества». Он говорил о кризисе западного общества, выражающегося в противоречии между интересами и целями корпораций, с одной стороны, и широкими общественными интересами — с другой. В развитии экономики, направляемой и возглавляемой корпорациями в союзе с государственной администрацией, «решающим фактором являются не нужды потребителя, не воля граждан, а власть предприятий производить, контролировать и убеждать».

² См. *Le nouvel observateur*, 8—14.II.1974.

В результате гонки вооружений, говорил он, «мы уже не являемся хозяевами собственной жизни». С не меньшей откровенностью Гэлбрейт подчеркивает зависимость государства от интересов крупных корпораций. «Крупные корпорации преследуют свои собственные интересы, определяют цены, убеждают потребителя и навязывают свою власть государству»³.

Но несмотря на то, что современная действительность требует большой откровенности и реализма в трактовке капиталистического «индустриального общества», буржуазный идеолог далек от намерения полностью раскрыть сущность и глубину глобальных процессов, происходящих в монополистическом капитализме, его хищническую, эксплуататорскую природу, его общий кризис. Сама методология автора, тесно связанная с его социально-классовыми буржуазными позициями препятствует действительно научному изображению современной капиталистической действительности.

Таким образом, можно заметить, что взгляды Гэлбрейта, выраженные в его статьях и выступлениях начала 70-х годов, претерпели определенную эволюцию. У Гэлбрейта начинает преобладать пессимистический и критический тон. Достаточно сравнить его книгу «Американский капитализм», написанную в 1952 г., в которой автор весьма оптимистично писал о перспективах и возможностях преодоления противоречий капитализма в США, с новой его фундаментальной работой «Экономические теории и цели общества» (1973), в которой он, по существу, резко осуждает монополистический капитал.

В своей книге «Экономические теории и цели общества» Гэлбрейт стремится показать американскую экономическую систему как нечто целое. В предыдущих работах автор в основном анализировал деятельность крупных корпораций. В новой же книге Гэлбрейт подчеркивает, что существует мир земледельца, ремесленника, розничного торговца, мелкого промышленника, водопроводчика, служащего, практикующего медика, актера и актрисы. Эти различные виды деятельности доставляют нам примерно половину всего,

³ Economie et société humaine. Rencontre du Ministre de l'Economie et de finances. Paris, Ed. Denoel, 1972, p. 38—40.

чем мы пользуемся или потребляем, пишет он, настоящая книга стремится восстановить их роль.

Гэлбрейт противопоставляет две отдельные системы в комплексной американской экономике (подразумевается, что и во всей западной экономике существуют аналогичные структуры). Во-первых, рыночную систему, естественную среду мелких предприятий, где, по его мнению, «неоклассические догмы» сохраняют весь свой смысл. Во-вторых, планирующую систему, или техноструктуру гигантских фирм, которая «более заботится о росте, нежели о прибыли», «навязывая свою волю клиенту, обществу и государству».

В рамках этих принципиальных положений о дуализме в американской системе Гэлбрейт резко выступает против официальной экономической науки и преподавания экономической теории. Он обвиняет экономическую теорию в том, что она по-прежнему исходит из представлений, что экономическая власть находится в руках индивидуальных предпринимателей, потребителей и т. п., хотя они давно этой власти лишились. Делается попытка показать истинных обладателей экономической власти — монополистическую техноструктуру. Но, смутно приближаясь к пониманию командной роли монополистического капитала, Гэлбрейт здесь (как и в «Новом индустриальном обществе») старается не делать акцента на роли крупного капитала как монополиста — собственника средств производства.

В центре критического анализа автора находятся проблемы неравенства в экономических секторах, неравенства в доходах и при распределении обобществленных ресурсов, нанесения ущерба окружающей среде, бесполезности технологических нововведений, отсутствия координации в использовании энергетических ресурсов, инфляции. Автор развивает широкую реформистскую теорию, в которой он критикует отдельные экономические и политические порядки в капиталистической Америке. Он критикует традиционные прокапиталистические представления о системе ценностей в современной американской и других западных экономиках. Этот анализ содержит реалистические признания крупного и талантливого буржуазного экономиста и политика о проявлениях (но не об их ко-

ренной сущности) серьезных противоречий капитализма в период его общего кризиса.

Не меньший интерес вызывают и его предложения реформистского характера о борьбе с наиболее опустошительными последствиями кризиса во всей системе. Подобно другим мыслителям и общественным деятелям, Гэлбрейт пытается преодолеть кризис капитализма путем широких реформ системы в духе своеобразного реформистского либерализма. Эти предложения более умеренны и реалистичны по сравнению с выводами французских радикалов Атали и Гийома, выдержанными в духе фантастического утопизма. Для Гэлбрейта как выразителя взглядов какой-то части леволиберальной буржуазии типично сложное и противоречивое сочетание буржуазной апологетики с более реалистическим критицизмом. В целом книга «Экономические теории и цели общества» оригинальна по стилю изложения. Она написана в духе и манере Гэлбрейта, использующего юмор, иронию (порой весьма едкую). Она решительно отличается от традиционной академической манеры буржуазной экономической мысли. Остановимся на анализе основных положений этой книги.

2. Критика официальной экономической науки

Гэлбрейт подчеркивает, что быстрые изменения в экономическом развитии и новая информация привели к существенным изменениям положений и выводов, имевших место в его предыдущих книгах. На первый план он выдвигает проблемы неравномерного развития американской экономики и неравенства в доходах. Иронизируя над официальной экономической наукой, Гэлбрейт отмечает, что в экономической науке эти проблемы тщательно скрываются или в противном случае неправильно интерпретируются. По его мнению, экономическая наука обслуживает «господствующие экономические интересы», представления и оценки. Официальная экономическая наука вовлекает своих представителей в игру, выгодную крупным корпорациям, но вредную для общества в целом.

Автор выступает за пересмотр официальных экономических курсов для студентов. Он отрицает всю

систему выбора тем в этих курсах, посвященных рассмотрению проблем капитала, ренты, совокупного национального продукта, рынка капитала, роли федеральной резервной системы и др. Гэлбрейт оспаривает такое ставшее традиционным неоклассическое определение предмета экономической науки как науки, которая изучает связь между целями и ограниченными средствами, имеющими альтернативные возможности применения (Л. Робинс). Согласно этому определению, экономика избирает пути использования ограниченных производственных ресурсов, имеющих альтернативные способы применения для достижения поставленных целей.

Гэлбрейт слегка иронизирует над этими определениями, считая, что они «...кажутся превосходными по своей прямоте. Люди принимают решения о том, что они будут иметь; фирмы решают, как наилучшим образом выполнить эти решения. Экономическая теория изучает поведение людей, вовлеченных в этот процесс. Она является наукой именно потому, что у нее нет никакой иной задачи, кроме понимания этого поведения»⁴.

В этих формалистических, субъективных определениях Гэлбрейт не без основания видит ширму, с помощью которой всячески прикрывается служебная роль официальной экономической науки в США и других западных странах, используемой в качестве средства защиты интересов монополий, направленных против интересов общества. Он отмечает, например, что сам выбор проблем и способ их решения служат направлениям развития, которые выгодны монополиям. Даже математика и другие формальные методы и средства используются именно для этого: исследователи выбирают отдельные проблемы для их решения в интересах существующей экономической системы, закрывая при этом глаза на необходимость ее изменения в соответствии с глобальными общественными интересами.

Гэлбрейт напоминает, о чем он писал в предыдущей книге, «Новое индустриальное общество»: «...спе-

⁴ Д. Ж. К. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества. М., 1976, с. 29.

циализация в рамках предмета исследований экономической теории избавляет ученых от всякой необходимости размышлять о более общей истине или роли данного предмета». С сарказмом он продолжает: «Хороший ученый — это человек, который занят только своим делом и отказывается от всяких попыток выяснить истинность или ошибочность системы, частью которой является его работа. Поскольку такие попытки влекут за собой трудную задачу выдвижения более удовлетворительных альтернатив, они обычно могут подвергаться нападкам как неудовлетворительные в отношении методологии и обоснованности»⁵. Подвергая острой критике официальную экономическую науку, Гэлбрейт связывает свои надежды на ее разоблачение с рождением новой радикальной мысли в среде молодых экономистов.

3. Планирующая система и техноструктура

В книге «Экономические теории и цели общества» Гэлбрейт несколько усиливает критику современной капиталистической системы, и крупных монополистических корпораций в частности. В этой работе, как и прежде, Гэлбрейт говорит о плановом характере «нового индустриального общества», в котором господствует не непосредственно капитал и капиталистический интерес, а техноструктура, т. е. высшие слои хозяйственного управления, менеджмент. Гэлбрейт не вносит ничего нового в понимание сущности и места техноструктуры. Однако появились новые нюансы относительно ее роли. Так, в работе «Новое индустриальное общество» автор был склонен видеть две возможные тенденции в развитии интересов техноструктуры: тенденцию к усилению противоречий с интересами общества и, напротив, тенденцию к сближению с ними; а в «Экономических теориях и целях общества» он решительно отстаивает первое предположение. Он убежден, что в принципе интересы техноструктуры, особенно высшего менеджмента, должны вступать в резкое противоречие с широкими общественными

⁵ Там же, с. 33.

интересами; что государство и государственные органы вынуждены согласовывать свои решения с решениями и интересами техноструктуры; более того, власть государственных и других общественно-правовых органов в значительной степени, полагает Гэлбрейт, подчинена интересам крупных корпораций и их техноструктуре.

Что же касается понимания самой техноструктуры, то особое значение, по его мнению, приобретает стремление техноструктуры в качестве «мозговых центров» крупных предприятий навязать свою волю обществу (а не только устанавливать цены и издержки). В этой связи Гэлбрейт отмечает, что не рынок определяет цели управляющих фирмой, т. е. ее техноструктуры. Техноструктура переступила границы рынка, используя его как инструмент своей политики, она становится «той колесницей, к которой общество если и не приковано, то уже, во всяком случае, пристегнуто». По мнению Гэлбрейта, цели общества на самом деле служат интересам техноструктуры, включая и ее меркантильные интересы.

Однако Гэлбрейт, как правило, не связывает интересы техноструктуры с господством монополистического капитала, интересы которого скрываются за фасадом интересов менеджмента. Он находится в плену догмы Й. Шумпетера и теоретиков «индустриального общества», согласно которой сила и власть капитала замещаются менеджментом. Даже в самых критических и разоблачительных местах его книги, направленных против монополистических организаций, неизменно появляется призрак всемогущей техноструктуры, закрывающей ему путь к пониманию истинной власти крупного монополистического капитала.

Отмечая положительные моменты в общей теоретической системе Гэлбрейта, марксисты обоснованно критикуют его концепцию техноструктуры.

«Пресловутая „техноструктура“ — пишут советские экономисты, — в которой Гэлбрейтом смешаны политико-экономические, социальные и организационные стороны управления, является, по существу, служанкой финансовой олигархии. К тому же Гэлбрейт явно запутался в попытке доказать, что техноструктура «выводит» производство из-под действия законов прибыли. Он не понимает, что снижение цен при росте

производства не закрывает путей максимизации прибыли. Процесс срачивания монополии и государства Гэлбрейт лишает классовой основы, сводя его к союзу «технократов» бизнеса и государственного аппарата, к их совместным заседаниям в комиссиях»⁶.

Следует отметить также блестящую критику концепции техноструктуры В. С. Афанасьевым. Признавая положительные моменты в работах Гэлбрейта, особенно в книге «Экономические теории и цели общества», Афанасьев подчеркивает два существенных новых момента: «Во-первых, хотя Гэлбрейт приводит в новой работе более подробное описание техноструктуры, она теперь не простирается «почти до основной массы рабочей силы», включая в себя преимущественно управленческие и инженерно-технические кадры. Во-вторых, новая, более детальная характеристика техноструктуры рельефно отражает далеко зашедший процесс слияния монополий и буржуазного государства. Теперь в техноструктуру включаются как «люди со специальными знаниями государственной бюрократии», так и «представители исполнительной власти»⁷.

Эти моменты действительно являются основными в эволюции взглядов Джона К. Гэлбрейта. Однако и в новой его книге положительные моменты отступают перед призраком техноструктуры «нового индустриального общества», заслоняемые исходным тезисом о потере власти капиталом под натиском техноструктуры. Эти взгляды, как можно видеть, аналогичны, по существу, взглядам всех сторонников концепции трансформации современного капитализма: от Шумпетера до теоретиков «революции управляющих» и «индустриального общества» — Бернхэма, Рослана, Дитерлана, Стречи, а также более новых — Арона и Фурастье.

Но как в таком случае Гэлбрейт объясняет могущество техноструктуры, властвующей, по его мнению, и над владельцами капитала, и над широкими общественными интересами, если он лишает ее капиталистической базы, связей и согласованности с интересами крупного капитала? Он представляет техноструктуру

⁶ Курс политической экономии. Под ред. Н. А. Цаголова. М., Экономика, 1973, т. 1, с. 727.

⁷ В. С. Афанасьев. Буржуазная экономическая мысль 30—70-х годов XX века. М., Мысль, 1976, с. 314.

оторванной от ее естественной социально-экономической почвы, от ее сущности как воплощения интересов крупного монополистического капитала. Техноструктура у него — это колосс на глиняных ногах. Она представлена им как своеобразный институт власти, который не подчиняется капиталу, капиталистическим, собственническим экономическим отношениям, но тем не менее командует, распоряжается и направляет, организует использование капиталов, возвышаясь над интересами общества и угнетая его с помощью государственных органов. Частная капиталистическая собственность не ликвидирована, но увязана с целями и интересами техноструктуры и подчинена им. Получается своеобразный «капитализм без контроля капиталистов», при котором капиталисты почти не имеют слова. Этот тезис Гэлбрейт широко развил в «Новом индустриальном обществе» и полностью подтвердил его в «Экономических теориях и целях общества». В таком объяснении в модифицированном виде торжествует институционалистический взгляд в политической экономии на роль социально-политических институтов (техноструктуры и государства), которые обуславливают характер и направления развития экономики. Истина же в другом: именно экономика как воплощение социальных отношений, возникающих в процессе производства, обуславливает социально-политические институты, которые в свою очередь способны оказывать воздействие на экономику.

Большое внимание уделяет Гэлбрейт планирующему характеру техноструктуры. Он справедливо критикует апологетику капиталистического рынка неоклассиками, идеализацию власти потребителя над рынком и т. д. При современном капитализме давление монополистического капитала на рынок, потребление и т. д. имеет значительно более широкие масштабы и качественно новую природу. Однако Гэлбрейт преувеличивает независимость техноструктуры от рынка. Американский реформист не видит того, что капиталистическая конкуренция как монополистическая конкуренция продолжает существовать, хотя и в модифицированной форме. Власть монополистических предприятий и корпораций не безгранична, их независимость от рынка относительна. Верно, что монополистический капитал

в производстве в значительной степени властвует и на рынке. Но в то же время он в определенной степени зависит и от стихии рынка. Монополистический капитализм насыщен планирующими процессами, но в целом не является планирующей экономикой. Наряду с планирующими процессами существует и монополистическая конкуренция, которая проявляется и на рынке.

Отстаивать тезис об отмирании рынка в планирующем секторе современного капитализма и о всемогущей власти монополий по отношению к рынку — значит пренебрегать объективными закономерностями. Во взглядах Гэлбрейта в этом плане, несомненно, чувствуются отголоски ревизионистских лжемарксистских тезисов (типа тезисов Гильфердинга и Каутского) об ультраимпериализме и об отмирании или отходе на задний план капиталистической конкуренции при монополистическом капитализме.

Однако, несмотря на коренные методологические ошибки концепции технотехнологии, последняя содержит и некоторые верные рассуждения о природе монополистического капитализма. Эти рассуждения Гэлбрейта признаются критиками-марксистами. В изданном в СССР двухтомном «Курсе политической экономики» под редакцией известного советского экономиста Н. А. Цаголова говорится: «Гэлбрейт первым среди буржуазных политэкономов признал, что в условиях господства монополий соотношение между рыночным и плановым началами изменяется, планомерная организация производства идет на смену товарным рыночным отношениям. Он предлагает формулу: «Не рынок контролирует фирму, а планирующая корпорация (фирма) подчиняет своему контролю рынок». Гэлбрейт обнажил анатомию подчинения рынка зачаткам планомерности уже в рамках капитализма. Тем самым Гэлбрейт нанес еще один удар по апологетике рынка как верховного регулятора производства». Далее советские авторы отмечают, что «теория» нового индустриального общества» является свидетельством кризиса буржуазной экономической мысли прежде всего потому, что в ней имеет место принятие некоторых марксистских положений (о возникновении монополистического сектора в капиталистической экономике, о подрыве товарного производства и рыночных отноше-

ний началами планомерности в рамках монополистического сектора)»⁸.

Гэлбрейт, идеализируя в реформистском духе планирующую систему и считая, что ее прибыли несравненно более надежны, чем прибыли рыночной экономики, по сути дела, разрушает свой собственный тезис о дуалистическом характере современной капиталистической экономики. Во многих местах он отмечает, что это монополистическая экономика, находящаяся во власти крупных корпораций.

Описывая зависимость «рыночной экономики» мелких и средних предприятий от планирующего сектора монополистических организаций, Гэлбрейт делает выводы о значительно большей надежности планирующего сектора по сравнению с рыночным сектором. Он специально отмечает «неравенство прибылей двух секторов в дуалистичной американской экономике». По его мнению, «эти прибыли относительно надежны и благоприятны для предприятий планирующей системы, но менее надежны и менее благоприятны для предприятий рыночной системы». В итоге Гэлбрейт незаметно для себя приходит к отрицанию собственного исходного положения о параллельном существовании двух различных секторов в американской экономической системе — планирующего и рыночного. В различных местах своей книги он ярко показывает зависимость рыночного сектора от планирующего (а в ряде случаев и его прямое подчинение последнему). Действительно, «дуализм» этих секторов в общей экономике в значительной степени относителен, а часто и фиктивен.

Особый интерес представляет проблема «самоэксплуатации» и «эксплуатации» в рыночном секторе. Гэлбрейт много пишет о тяжелых условиях, в которых функционируют мелкие предприятия, особенно частные магазины, ателье и т. д., где вся тяжесть труда падает на собственника. Яркими красками он рисует долгий рабочий день, говорит о высокой интенсивности, напряженности труда, слабом использовании техники или вообще ее отсутствии, об эксплуатации труда всей семьи и т. д. Автор не скрывает, что эти

⁸ Курс политической экономии. Под ред. Н. А. Цаголова. М., «Экономика», 1973, т. I, с. 726, 727.

предприятия, ателье, магазины, конторы, употребляющие наемный труд, являются ревностными противниками регламентации труда, социального обеспечения, вообще вмешательства профсоюзов и государства в отношения между работодателями и работниками. В отличие от них, подчеркивает Гэлбрейт, на крупных предприятиях корпораций, в «планирующей системе», гораздо больше порядка: продолжительность рабочего дня ограничена, соблюдаются законы о социальном обеспечении, да и вообще там больше заботятся об условиях труда и его регламентации. Способствует этому и использование современной техники.

В данном случае нельзя не отметить ряд правильных утверждений Гэлбрейта. В то же время он преуменьшает значение или просто не замечает конфликтов между рабочими и высшей техноструктурой, вообще конфликта между наемным трудом и капиталом на крупных предприятиях.

4. Государство и планирующая система

В своей книге Гэлбрейт подчеркивает, что планирующая система существует в самой тесной связи с государством. Приводя многочисленные примеры государственных инвестиций в интересах монополистических компаний, американский автор отмечает, что «в значительной мере оправдано все более распространяющееся мнение, что современная экономика выглядит как социализм для крупных фирм и как свободное предпринимательство для мелких»⁹.

Разумеется, тезис о «социализме» для монополистических компаний и о свободной конкуренции для «рыночной экономики» является вариантом знакомых фальшивых концепций конвергенции, социал-капитализма и смешанной экономики. При этом следует иметь в виду, что основанием для утверждений Гэлбрейта «о социализме для крупных фирм» является вмешательство и помощь государства капиталистическому производству. Но сам Гэлбрейт неоднократно подчеркивал, что государственное вмешательство идет

⁹ Дж. К. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества. М., 1976, с. 204.

на пользу эгоистическим интересам корпораций и резко противоречит основным общественным интересам. Следовательно, «социализм», о котором идет речь, также противоречит общественным интересам и целям и, в сущности, не является социализмом.

Гэлбрейт приводит красноречивые примеры координации деятельности монополистических предприятий и Пентагона в производстве оружия, тем самым разоблачая миф о заботе крупного монополистического капитала об общественных интересах и всеобщем благоденствии. В этой связи он отмечает, что «очень редко техноструктура частной корпорации и государственная бюрократия не находят каких-нибудь областей, в которых они не могли бы сотрудничать к обоюдной выгоде. Это верно даже там, где техноструктура и государственная бюрократия номинально занимают противоположные позиции»¹⁰.

Далее американский автор пишет: «Как давно было подмечено, органы государственного регулирования склонны превращаться в «пленников» тех фирм, деятельность которых они якобы регулируют»¹¹. Здесь Гэлбрейт приближается к пониманию того, что государство подчиняется интересам монополий. В этом плане его критика и радикализм в данной работе намного сильнее, чем в предыдущих произведениях.

Американский автор отмечает, что выгоду, которую монополии получают от государства, нельзя отождествлять с пользой для всего общества. Он подчеркивает также, что крупные монополии влияют на подбор высших государственных кадров, т. е. крупных государственных и общественных руководителей. «Так,— продолжает Гэлбрейт,— планирующая система определяет государственную политику в соответствии со своими собственными нуждами. И она же определяет качества тех, кто проводит данную политику»¹².

Однако о возможных изменениях существующего положения Гэлбрейт говорит весьма оптимистично: «Все вышесказанное ни в коей мере не означает, что власть планирующей системы в определении и прове-

¹⁰ Там же, с. 208.

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 211, 212.

дении политики является полной. По мере развития ее цели имеют тенденцию все больше и больше расходиться с целями общества». Гэлбрейт приводит примеры фиаско такой государственно-монополистической политики. Он напоминает, что «на протяжении всех 60-х годов планирующая система и связанная с ней государственная администрация одобряли вьетнамскую войну, так же как в течение длительного времени одобряли политику сдерживания коммунизма в развивающихся странах военными и любыми другими средствами. Запродать эту политику обществу, несмотря на все усилия, не удалось. Совсем недавно подобные, хотя и меньшие, разногласия возникли между общественностью и планирующей системой по вопросам внутренней политики, особенно по вопросам окружающей среды, налогов, государственной поддержки таких технических новшеств, как сверхзвуковой транспорт, и даже по поводу строительства автомагистралей. В будущем эти разногласия станут еще шире. Когда установлено, кому принадлежит власть, это еще не значит, что такая власть абсолютна»¹³.

При анализе планирующей системы в современном капитализме Гэлбрейт показывает, что эта система перерастет национальные границы. Транснациональные компании изображаются как неизбежное следствие развития «планирующей системы», преодоления ее зависимости от национального государства и национального суверенитета. Государство постепенно подчиняется интересам интернационализирующейся «планирующей системы», интересам могущественных транснациональных корпораций. Этот процесс особенно быстро развивался после второй мировой войны. За прогрессивной фразеологией апологетов этой интернациональной системы, якобы стремящейся к международному единению, по словам Гэлбрейта, скрывается «современное лицо американского капиталистического империализма», так как своим происхождением новая многонациональная форма «планирующей системы» обязана американской экономической экспансии. Гэлбрейт приводит типичные примеры усиления между-

¹³ Там же.

народного господства американских фирм, объединившихся с крупными западноевропейскими фирмами или подчинивших себе эти фирмы. Анализируя данные процессы в развитом капиталистическом мире, Гэлбрейт говорит о процессе расширения и углубления неравенства, неравномерного развития как промышленно развитых капиталистических стран Запада, так и развивающихся стран, что является результатом интернационализации западной «планирующей системы». В «Экономических теориях и целях общества» Гэлбрейт мимоходом говорит и об известном ухудшении положения рабочего класса в развитых капиталистических странах. Он отмечает давление интернационализированной технотрактуры на деятельность рабочих профсоюзов. Однако в центре внимания американского либерала находится ущерб, который наносится потребителю и независимым предприятиям в «рыночной системе». По его мнению, истинными жертвами экономического давления являются не наемные рабочие, а мелкие и средние слои, входящие в орбиту «рыночной экономической системы» развитых стран. Положение же развивающихся стран усугубляется тем, что в них эта самая «рыночная экономика» превалирует и именно она все в большей степени подчиняется интернационализирующейся западной «планирующей экономике».

Таким образом, отмечая усиление давления монополистического капитала на немонополистическую буржуазию, автор в то же время не уделяет должного внимания эксплуатации рабочего класса и других бедных и малоимущих слоев. В качестве пострадавшей стороны представлена лишь немонополизированная средняя и мелкая буржуазия.

5. Нестабильность и две системы

В книге Гэлбрейта превалирует догма о двух системах в американской экономике и вообще в развитых странах Запада — планирующей и рыночной. Главное отличие между ними состоит в том, что, по словам Гэлбрейта, «планирующая система строго контролирует ее окружение, рыночная система приспособляется к воздействию тех сил, которые она контроли-

ровать не может»¹⁴. По мнению Гэлбрейта, различие двух систем можно сформулировать и на основе другого критерия. Его «можно выявить, если рассматривать системы с точки зрения покупателя и общественных нужд. Что касается планирующей системы, то общественные нужды не только в значительной степени удовлетворяются, но и создаются. Если говорить о рыночной системе, то эти нужды удовлетворяются значительно хуже»¹⁵.

Гэлбрейт стремится показать основное различие между системами и с точки зрения стабильности и нестабильности. На его взгляд, «сама по себе рыночная система, представляющая собой классическую комбинацию конкурирующих фирм и небольших монополий, довольно стабильна. Снижение объема выпуска продукции и занятости или повышение цен имеет место». Но автор в духе классического либерализма (который он язвительно критикует) спешит преуменьшить значение таких процессов в «рыночной системе», отмечая, что эти процессы «самоограничены, а часто и саморегулируемы». Напротив, «планирующая система при отсутствии государственного регулирования, как правило, нестабильна. Она подвержена спадам или депрессиям, которые не самоограничиваются, но могут приобрести кумулятивный характер. Она подвергается воздействию инфляции, которая носит хронический характер и не поддается саморегулированию. Последствия спадов и инфляции в планирующей системе оказывают затем отрицательное воздействие на рыночную систему. Последняя страдает от спадов больше, чем планирующая система, в недрах которой зарождается спад»¹⁶.

Дж. Гэлбрейт подчеркивает, что Кейнс и «кейнсианская революция» показали, что тяжелые депрессии 30-х годов нашего столетия и до настоящего времени не могли быть преодолены автоматически, сами по себе. Необходимы были специальные государственные расходы для ликвидации недостатка совокупного спроса. По мнению Гэлбрейта, плохо то, что в практической политике, приспособленной в значительной сте-

¹⁴ Там же, с. 229.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 229—230.

пени к интересам технoструктуры «планирующей экономики», кейнсианские рецепты (хотя сами по себе односторонние и недостаточные) переродились и приспособились к нуждам именно этой системы. Поэтому нельзя было радикально преодолеть спады и депрессии. Правительственная политика полностью отвечала потребностям «планирующей системы». «Общественные расходы были установлены на постоянном высоком уровне и шли в основном на военные и другие технические цели или на военное или промышленное развитие... Путем регулирования доходов была достигнута относительная стабильность»¹⁷.

На взгляд Гэлбрейта, защитные меры, которые осуществлялись за счет государственных расходов, выражались в приобретении необходимой продукции, помощи в разработке новых видов технологии или стимулировании (как в случае с шоссейными дорогами), увеличении объема продаж планирующей системы. «Эти расходы, особенно расходы на вооружение, стали затем связывать не с экономической политикой, а со священным делом национальной безопасности», — саркастически замечает автор¹⁸.

Гэлбрейт подчеркивал, что нестабильность зародилась в недрах «планирующей системы». Но наиболее болезненно она отразилась на ценах и доходах «рыночной системы» и особенно на рабочих¹⁹. Он показывает, что тяжесть антикризисной политики ложится на мелкие и средние предприятия, подчеркивает, что от роста цен страдают прежде всего рабочие.

По-разному, считает Гэлбрейт, связаны обе системы — рыночная и планирующая — и с инфляцией.

«Рыночная система, — отмечает он, — может нести потери от инфляции, связанные с длительным процессом повышения цен». Но сразу же спешит подчеркнуть, что «такую инфляцию нельзя считать органически присущей данной системе, с ней сравнительно просто бороться»²⁰. В рыночной системе частный предприниматель действует, руководствуясь уровнем цен, который он не может контролировать. Если спрос

¹⁷ Там же, с. 234.

¹⁸ Там же, с. 235.

¹⁹ Там же, с. 234.

²⁰ Там же, с. 237.

достаточно высок, это приведет к повышению его цен. Источником такого спроса в реальной ситуации будет либо предоставление кредитов банками (или другими кредитными организациями) сверх того, что сберегается, либо правительственные расходы сверх того, что взимается в виде налогов. По мнению Гэлбрейта, и то и другое можно регулировать: «Центральный банк может ограничить кредит, правительство может увеличить налоги или ограничить расходы, или осуществить оба мероприятия. Если эти мероприятия проводить достаточно твердо, пониженный спрос приостановит рост цен. Производитель в данном случае бессилён что-либо сделать. Цены будут стабильными или понизятся»²¹.

Далее американский экономист отмечает, что профсоюзы в «рыночной системе» не могут эффективно бороться за повышение заработной платы в целях компенсации роста цен. Правда, в некоторых отраслях промышленности, входящих в «рыночную систему», в частности в швейной и строительной, огромное число предпринимателей имеет дело с несколькими сильными профсоюзами. Только в этих отраслях профсоюзы могут способствовать большему увеличению заработной платы по сравнению с ростом цен. В принципе же, говорит автор, в рыночной системе преобладает свободный труд предпринимателя, работающего на себя или эксплуатирующего нескольких неорганизованных работников. В таком случае профсоюзная борьба за увеличение заработной платы почти отсутствует. Одним словом, здесь все еще в значительной мере действуют классические либеральные принципы. Поэтому в «рыночной системе», по мнению Гэлбрейта, отсутствует и такой фактор повышения цен, как увеличение заработной платы. В худшем случае рост заработной платы принесет потери собственникам-хозяевам.

Другое дело — «планирующая экономика», где решение об увеличении заработной платы принимается людьми, которые сами не оплачивают издержек; эти издержки перекладываются на плечи налогоплательщика. Гэлбрейт утверждает, что «планирующей си-

²¹ Там же, с. 238.

стеме» присуща тенденция, которая «характеризуется постоянным ростом заработной платы и цен по восходящей спирали». Именно эта тенденция лежит в основе классической инфляции. «И, как и в случае с кумулятивным спадом, она стала распространяться за пределы планирующей системы, нарушив структуру заработной платы и издержек в рыночной системе, а также в государственном секторе экономики»²².

По мнению Гэлбрейта, тяжесть инфляции ложится на плечи широких масс, которые выступают в качестве потребителя благ и услуг. В этой связи он критикует бесплодие неоклассической официальной экономической науки и экономическое образование, основанное на ней. Он не щадит и неокейнсианство в лице таких его крупных адептов, как П. Самуэльсон. Важнейший недостаток, который Гэлбрейт приписывает Кейнсу и кейнсианству, заключается в том, что они трактуют проблему инфляции как «побочный результат мер, направленных против экономических спадов».

В рассуждениях Гэлбрейта об инфляции имеется немало правильных моментов, однако автор неверно представляет себе развитие инфляционного процесса, его коренные причины. Специфика современной инфляции заключается в том, что она непосредственно порождается противоречивыми процессами функционирования государственно-монополистического капитализма. В послевоенный период крупнейшие монополии получили возможность увеличивать свои прибыли не только в результате усиления эксплуатации наемных рабочих и использования (при содействии буржуазного государства) инфляционного механизма перераспределения уже созданного национального дохода в своих интересах. С помощью высоких цен монополии продолжают эксплуатацию широких масс и в процессе обращения. Неизвестное ранее усиление их ценовой политики активизирует, расширяет и модифицирует социально-экономические противоречия, неравномерное развитие капиталистического производства и неравномерное распределение и перераспределение доходов, в частности. В последнее десятилетие инфляция стала постоянным спутником капиталистической эко-

²² Там же, с. 241.

номики, она способствует дальнейшему усилению общего кризиса капитализма. Это заставляет некоторых представителей правящих кругов в капиталистических странах, а также некоторых буржуазных экономистов признать, что инфляция является острой проблемой экономики развитого капитализма. Определенную критическую позицию занимает и Джон Гэлбрейт. Отмечая тот вред, который инфляция причиняет «рыночному сектору», монополизированным мелким и средним предприятиям, он отрицает усиление эксплуатации в процессе производства, отрицает роль максимизации прибыли в условиях инфляции.

Инфляционный процесс, охвативший весь капиталистический мир, также накладывает отпечаток и на мировую экономическую стратегию монополистического капитала. Разрушение старых мировых хозяйственных связей и углубляющийся кризис неоколониализма создали предпосылки для изменения всей структуры цен на мировом рынке топлива и сырья. Энергетический и сырьевой кризис все в большей степени влияет на цены в промышленно развитых капиталистических странах. В отличие от домонополистического капитализма и первых десятилетий монополистического капитализма после второй мировой войны отмечается принципиально новая тенденция в движении цен в капиталистической экономике.

Расстройство рыночного механизма, устранение золотого стандарта сыграли важную роль в развитии современной инфляции. Мощным инфляционным фактором в промышленно развитых капиталистических странах является также рост непроизводительного государственного потребления. Важнейшее значение здесь имеют всевозрастающие военные расходы. Советский экономист С. Л. Выгодский правомерно отмечал, что рост цен зависит не только от их повышения монополиями, но и от военно-инфляционной конъюнктуры ²³.

Свой вклад в активизацию инфляционного процесса вносит также прямое вмешательство государства в хозяйственную жизнь на основе кредитования и финансирования, бюджетного регулирования и помощи

²³ См.: С. Л. Выгодский. Современный капитализм. М., 1975, с. 446, 447.

различным отраслям экономики. Возрастающее государственное непроизводительное потребление, связанное преимущественно с вооружением, ведущее к росту бюджетных дефицитов, способствует увеличению государственного долга, усиливая тем самым инфляционный процесс. Почти ликвидировано золотое правило «прекрасной эпохи» классического капитализма, касающееся зависимости кредитования от реальных вкладов. Это одна из причин инфляционного процесса нового типа в эпоху общего кризиса капитализма. В настоящее время в капиталистических странах кредитная система сосредоточена в руках финансовой олигархии. При сращивании государства с крупным монополистическим капиталом дефицит государственного бюджета покрывается из правительственных займов, которые все в меньшей степени основываются на наличных средствах банков и частных лиц. Очень часто крупные банки принимают государственные облигации, не имея наличных свободных средств. Так создаются мнимые, нереальные вклады. Именно таким образом возникает парадокс — займы опираются не на вклады, а вклады порождаются займами. Так осуществляется процесс инфляционного кредитования. Такая практика кредитных учреждений в макроэкономическом масштабе может за короткий период расширить возможности финансирования роста производства, усилить циклический подъем, замедлить появление кризисов или «абсорбировать» их в более частые, но менее острые кризисные явления. Этому особенно способствуют государственные заказы отраслям, связанным с вооружением. Но в конечном счете все инфляционное кредитование приводит к усилению перепроизводства, перерастанию кризисных явлений в циклические кризисы.

Весь этот процесс кризиса американской денежной системы имеет в своей основе кризис межгосударственных экономических отношений в капиталистическом мире. Кризис валютной системы в современном капитализме и непосредственно связанная с ним инфляция — это прежде всего международный процесс. Поэтому инфляцию нельзя объяснить односторонне, как это делает Гэлбрейт, только ссылаясь на увеличение цен монополиями и не принимая во внимание международных аспектов этой проблемы.

6. Общая теория реформы

Выход из острого кризисного состояния всей западной экономики «с ее двумя системами» (с учетом того факта, что источником зла является «планирующая система») Джон Гэлбрейт видит не в революционном преобразовании американской экономики на новых социальных началах, а в реформах. «Как бы то ни было, я — реформист, а не революционер», — пишет Гэлбрейт. Он выступает за переориентацию «планирующей системы» в целях достижения «общего интереса» и гарантированного устойчивого развития «рыночной системы». В этом отношении новым моментом в концепции автора является то, что наряду со стремлением к стабилизации положения предпринимателей — собственников — он ищет пути обеспечения гарантии стабильности рыночной экономики за счет установления минимальной заработной платы наемным рабочим в этом секторе. В преодолении диктаторских интересов технотехники в обновленной экономике он видит гарантии сохранения и реформации рыночного хозяйства. При этом автор стремится примирить интересы предпринимателей с профсоюзами, признавая необходимость активизации их роли в «планирующей системе», согласования их интересов с «общим интересом»...

Каковы же наиболее типичные рекомендации Гэлбрейта по оздоровлению американской капиталистической экономики?

Прежде всего «раскрепощение государства» от интересов технотехники «планирующей системы». Он подчеркивает, что помощь, которую государство до сих пор оказывало техническому прогрессу, отражает прежде всего интересы «планирующей системы», в том числе и те, которые «связаны с созданием военного потенциала, грозящего уничтожить саму жизнь». Эти интересы пренебрегают, в частности, и требованиями охраны окружающей среды: «Интересы общественной защиты окружающей среды будут поставлены под угрозу ради более влиятельных интересов планирующей системы, состоящих в обеспечении ее роста и технического развития. Союз и симбиоз планирующей системы и государства приводит к крайне неравномерному развитию даже в области услуг, которые

оказывает государство». Гэлбрейт показывает возможности радикального изменения функций и политики государства. Он пишет: «Если задуматься над проблемами, связанными с реформой, роль правительства представляется двойственной. С правительством связана основная часть проблемы, и правительство же должно сыграть главную роль в осуществлении мер, направленных на исправление положения... Именно с правительством должна быть связана надежда на решение. Для осуществления как той, так и другой роли правительству требуется одинаковое средство освобождения от контроля со стороны планирующей системы. Пока государство не подверглось раскрепощению, упрощенные рецепты для вмешательства правительства будут бесполезными»²⁴.

Гэлбрейт считает, что в условиях, когда общество сознает свои потребности, а государство раскрепощено (гигантски трудная, но решающая предпосылка), становятся возможными и необходимыми семь направлений деятельности со стороны общества.

По всем этим направлениям давление общественных потребностей уже заставило принять некоторые меры, противоречащие интересам планирующей системы. Вот эти семь требований:

1) Меры для обеспечения равенства власти в экономической системе. Невозможно применение каких-либо средств, которые бы не увеличивали власти рыночной системы или не уменьшали власти планирующей системы либо не делали того и другого. Обеспечение равных результатов деятельности и равных доходов требует специальных мер.

2) Меры, непосредственно направленные на выравнивание возможностей в рамках экономической системы. Предметом особой заботы являются такие функции, как обеспечение жильем, наземным транспортом, услугами в области здравоохранения, искусства и культуры, которые плохо поддаются организации со стороны планирующей системы и которые недостаточно умело оказываются рыночной системой. Это определяет основную область социальных действий или социализма.

3) Меры, непосредственно направленные на обес-

²⁴ Дж. К. Гэлбрейт, Цит. соч., с. 304.

печение равенства в доходах между рыночной и планирующей системами, как и внутри планирующей системы для смягчения и успешного преодоления присущей ей тенденции к неравенству.

4) Меры для координации интересов планирующей системы в той части, в какой они оказывают воздействие на окружающую среду, и интересы общества. Эти меры включают регулирование и запрещение таких последствий производства и потребления, как загрязнение воздуха и воды, нанесение ущерба ландшафту, которые служат интересам планирующей системы, но находятся в противоречии с интересами общественности.

5) Меры для контроля над государственными расходами с целью обеспечения гарантии их использования в интересах общества, которые отличаются от интересов планирующей системы.

6) Меры для устранения систематических дефляционных и инфляционных тенденций в планирующей системе. В отличие от прошлого они не должны стать источником дополнительного влияния планирующей системы. Необходимо добиться соответствия этих мер задачам достижения равенства в распределении дохода между двумя системами.

7) Меры обеспечения межотраслевой координации, которую не способна осуществить планирующая система²⁵.

Гэлбрейт предлагает создать «планирующий организм» под государственным руководством, который будет координировать работу отдельных отраслей. Отстаивая общественные интересы экономики в целом, он должен коренным образом отличаться от нынешнего планирования, существующего в рамках «планирующей системы». По мнению Гэлбрейта, «планирующая система» не в состоянии обеспечить действительное планирование в интересах общества. Таким образом, американский радикал выступает за координацию отраслей при сохранении частной собственности в условиях «смешанной экономики», в которой будет преобладать частное «свободное предпринимательство».

Перед нами, таким образом, теоретический вариант радикально-буржуазного переустройства всей эконо-

²⁵ Там же, с. 314—315

мики. Но в какой степени эта модель согласовывается с действительностью современной капиталистической экономики, ее структурой, реальными перспективами и возможностями развития?

Объективно Гэлбрейт показывает некоторые проявления классовых противоречий в современном капиталистическом обществе. Он неоднократно повторяет свой тезис о конфликте между интересами технотрактуры «планирующей системы» и общественными интересами. Но все-таки истинные отношения между классами, и особенно антагонистическое противоречие между капиталистами и рабочим классом, это основное противоречие в буржуазном обществе, у него затушевываются. Вся его программа переустройства является буржуазно-реформистским вариантом концепции «смешанной экономики».

Важное место в «общей теории реформы» Гэлбрейта занимает вопрос об относительном равенстве в доходах и стабилизации цен с помощью налогово-фискальной политики (считающейся с общественными интересами), свободной от искажений в интересах технотрактуры. Так, например, он видит возможность того, что государство, «освобожденное» от власти технотрактуры, будет определять различия между доходами «в соответствии с тем, что оно бы оценило как необходимое и справедливое».

Важным средством такого относительного выравнивания доходов является уменьшение различий между средними и максимальными доходами. Он сам подчеркивает, что в этом плане «вероятность перейти к действиям, к сожалению, невелика».

И все же, несмотря на такое пессимистическое высказывание, он считает, что есть возможность принять и «другие меры на пути к социализму».

Ясно, что спасательный круг, представленный здесь в виде «социализма», носит характер государственного регулирования «планирующей системы», т. е. монополий. Это, разумеется, вовсе не социализм, а экономическая деятельность государства в системе государственно-монополистического капитализма. По признанию Гэлбрейта, эта государственная деятельность в настоящее время довольно далека от действительных общественных интересов и направлена на удовлетво-

рение интересов монополий. Но он надеется, что при осознании общего интереса она будет направлена на удовлетворение интересов широких масс (за счет проведения мероприятий социалистического характера). На деле же это лишь своеобразная маскировка государственно-монополистического капитализма, проявляющаяся под видом реформистской утопии.

Гэлбрейт пишет и о «социалистическом императиве». Он резко критикует отождествление личных свобод с интересами свободного предприятия и пронизирует над «желанием поставить вне закона любую пропаганду социализма». Отстаивая необходимость своеобразного «социализма» (в сущности, национализации и других форм и мероприятий государства в области экономики, особенно в недостаточно развитых, но крайне необходимых обществу отраслях), Гэлбрейт развивает интересную идею. Он выступает за полное обобществление крупных корпораций. В результате этого последние перестанут служить интересам техноструктуры. Для подтверждения этой мысли он приводит пример «Дженерал дайнэмикс» и «Локхид» — двух крупнейших специализированных военных подрядчиков, которые практически все свои дела ведут с правительством, правительство предоставляет им оборотный капитал путем платежей по их контрактам. Немалая доля их основного капитала также принадлежит правительству. Их техноструктура представляет собой продолжение иерархии государственной бюрократии. Генералы, адмиралы, военные более низкого ранга и государственные служащие после завершения их карьеры на государственной службе автоматически переходят на более высокое жалованье в бюрократию корпораций. В свою очередь бюрократия корпораций поставляет свой персонал на высшие гражданские посты министерства обороны. Итак, подчеркивает Гэлбрейт: «Крупные фирмы, производящие оружие, уже обобществлены, за исключением своего названия; то, что здесь предлагается, служит лишь подтверждением реальности».

Отсюда американский критик делает общий вывод: «Ориентировочно каждая корпорация (или филиал многоотраслевой корпорации), больше половины деятельности которой приходится на правительство, дол-

жна быть преобразована в полностью государственную корпорацию, как здесь предлагалось»²⁶.

Но каким образом можно достигнуть этого? По всему видно, что и здесь Гэлбрейт, верный своей идеалистической манере, ищет выход в общественном сознании и абстрагируется от наличия классов и классовой борьбы, борьбы прогрессивных миролюбивых сил против империалистической агрессии.

Гэлбрейт считает, что «в отношении слишком слабых отраслей и чрезмерно сильных мы не в состоянии запретить понятие «социализм» в качестве меры, направленной на исправление положения там, где существует общий низкий уровень развития, и как средство контроля над гипертрофированным развитием». По мнению Гэлбрейта, социализм уже существует. «Признание этого факта и его необходимости было бы проявлением честности и оказало бы огромную услугу делу улучшения результатов деятельности. Поступая так, мы бы показали, что планирующей системе не всегда удается дискредитировать то, что она не одобряет»²⁷.

Гэлбрейт рекомендует внедрение полусоциалистических и социалистических форм в отдельные сферы деятельности фермерского хозяйства, которое в принципе находится в орбите «рыночной системы». Однако он рекомендует не кооперативную обработку земли, что явилось бы определенным предсоциалистическим моментом, как показал К. Маркс в третьем томе «Капитала», а кооперативные поставки технического оборудования, кооперативную реализацию сельскохозяйственной продукции и т. д. Вообще он рекомендует усиление кооперативного сектора, но вне процесса производства, лишь в качестве придатка к частнособственническому земледелию. Эти мероприятия, по его мнению, содействовали бы уменьшению зависимости мелких и средних хозяйств от монополистического капитала, или, по выражению Гэлбрейта, от «планирующей системы».

Характеризуя мероприятия своей реформы, Гэлбрейт подчеркивает, что существенные изменения,

²⁶ Д ж. К. Г э л б р е й т. Цит, соч., с. 355—356.

²⁷ Там же, с. 356.

предусматриваемые этой реформой, требуют усиления законодательной власти. Однако препятствием этому, по его мнению, является существующее долгие годы положение в конгрессе. Традиции и красочные ритуалы конгресса «благоприятствуют закреплению существующего положения вещей, а не применению мер, которые действительно могут принести пользу... руководители пользуются властью и получают награды за служение планирующей системе или связанным с ней бюрократическим органам»²⁸.

Но, несмотря на это, Гэлбрейт надеется, что с помощью осознания широкой общественностью конфликта между планирующей системой и интересами общества победят идеи, выдвинутые его проектом реформ.

Одним из значительных выводов Гэлбрейта, который как бы заключает его критику планирующей системы, является вывод о необходимости создания «государственного планового органа». Автор стремится противопоставить «беспорядку» (как он называет последствия решений планирующей системы) планирование, увязанное с общественными интересами. Он пишет: «Требуется планирование, которое отражает не интересы планирования, а общественные интересы. Создание аппарата планирования, которое современная структура экономики делает настоятельной необходимостью, является следующей основной задачей в области экономики»²⁹. Гэлбрейт подчеркивает, что «больше не существует тенденции к тому, чтобы дела улаживались сами собой. Разбухание денежной системы, неравномерное распределение капитала по отраслям, инфляция — все это делает планирование экономики неизбежным. «Страны, которые, подобно Соединенным Штатам, отличаются неблагоприятным распределением капитала, которое обусловлено тесной связью между военной промышленностью и государственной бюрократией, не обладают тенденцией к исправлению положения дел. Инфляция является результатом власти корпораций и профсоюзов и отсутствия эффективных мер контроля», — пишет он³⁰.

²⁸ Там же, с. 376.

²⁹ Там же, с. 397.

³⁰ Там же, с. 401.

В этой связи Гэлбрейт особое внимание уделяет инфляции. Он утверждает, что в усилении инфляции, наряду с корпорациями, в определенной степени виновны профсоюзы. В духе неоллиберализма и неоклассицизма, которые он сам резко критиковал, Гэлбрейт считает профсоюзы ответственными за отсутствие контроля и существование инфляции.

Не выдерживает критики и утверждение Гэлбрейта о том, что профсоюзы помогают техноструктуре, стремясь к увеличению заработной платы без учета общественных интересов. А техноструктура легко уступает им, повышая заработную плату, поскольку она перекладывает все расходы на плечи широких народных масс. Гэлбрейт игнорирует тот факт, что вынужденное увеличение заработной платы не всегда соответствует росту цен и снижению покупательной способности нормальной заработной платы. Ничего не говорит он и о снижении уровня жизни в результате безработицы.

Гэлбрейт вынужден признать, что планирование, даже если оно осуществляется в интересах общества, не способно устранить противоречий в межгосударственных капиталистических отношениях. По его мнению, единственным средством остается политика координации национальных планирующих систем. Она должна включать общие политические мероприятия в распределении капитала между отраслями, общие шаги для контроля над спиралью заработной платы и цен. Правда, в этом случае возникают трудности из-за отсутствия государственного органа, «соответствующего международным масштабам стоящей проблемы». Гэлбрейт считает, что этих трудностей было бы меньше, «если бы задачи планирования в Соединенных Штатах были полностью осознаны и эффективно выполнялись, предоставив другим странам право решать вопрос о приспособлении их планирования к американскому»³¹.

Следует признать, что автор отстаивает тезис об улучшении международных экономических отношений не в интересах существующей «планирующей системы», а в интересах широких масс. Однако и в данном случае он недооценивает межкапиталистические про-

³¹ Там же, с. 401.

тиворечия в международном масштабе, являющиеся выражением объективных закономерностей мирового развития.

В своих прогнозах и рекомендациях относительно планирования в интересах народа (в национальном и международном масштабе) Джон Гэлбрейт не дает реальной модели действительно эффективного национального и международного планирования. Впрочем, такого планирования на капиталистической основе и не может быть. Возможно лишь проявление отдельных планомерных процессов, ограниченных объективными противоречиями капиталистической системы хозяйства.

Гэлбрейт выражает надежду на коренное обновление буржуазной экономической мысли, на возрождение ее связи с общественными потребностями, общими интересами. По его мнению, в отличие от существующего положения в экономической науке «экономисты должны расширить сферу своих интересов», сделав так, чтобы подлинные проблемы современного мира стали предметом их изучения, а их новые функции вызывали бы определенную «реакцию и протест тех, чье господство впредь будет ими раскрываться и изучаться». Только таким путем, полагает американский автор, «экономистам удастся надолго избежать участи, предсказанной им Кейнсом», т. е. превращения экономической науки в элементарный прагматизм, элементарное «врачевание».

Свои обличения официальной экономической науки Гэлбрейт завершает выражением оптимистической надежды на то, что положение изменится. Он верит в возрождение и обновление буржуазной политической экономии. Но эта вера и это его убеждение, по сути, беспочвенны. Буржуазная экономическая наука в целом, какие бы изменения она ни претерпевала, не в силах вернуться к научным основам классической экономической мысли Смита и Рикардо. Еще в меньшей степени она способна встать на позиции действительных общественных интересов, отвечающих общественному прогрессу. Исторически она обречена отстаивать интересы уходящего с арены истории класса, оправдывать новые варианты сохранения его жизнеспособности. Процесс развития буржуазной экономи-

ческой науки не исключает сомнений и даже критики отдельных «пороков» современного капитализма со стороны авторов, выражающих интересы мелкой и средней буржуазии и определенных слоев монополизированной буржуазии. Однако эти явления буржуазного критицизма есть одно из выражений кризиса буржуазной политэкономии. Крупным представителем этого идейного кризиса в сфере экономической мысли и является Джон Кеннет Гэлбрейт.

Эволюция антикапиталистического критицизма буржуазных ученых может вывести некоторых из них на верный путь, ведущий к марксистской экономической науке. Другие же останавливаются на полдороге. И это — тоже своеобразное выражение кризиса современной буржуазной политэкономии, свидетельствующее о все более растущем влиянии марксизма на интеллигенцию, отражающую интересы средней и мелкой буржуазии.

Дж. Гэлбрейт, однако, не относится ни к первой категории критиков современного капитализма, эволюционирующих к научной истине, ни к числу тех, кто останавливается на середине пути. Он — буржуазный экономист и буржуазный апологет реформистского толка. Но и его творчество (особенно его книга «Экономические теории и цели общества») заражено «бациллами» сомнения в абсолютной незыблемости и перспективности капиталистического строя. Он мучительно пытается рассеять эти сомнения надеждой на преодоление недостатков в развитии капиталистической экономики. Не случайно Гэлбрейт, критикуя Кейнса, в то же время порой в какой-то мере опирается на его пророчества и громкий призыв, прозвучавший еще в 30-е годы нашего века, начать систематическое «лечение» и обновление капитализма. Как некий современный Сисмонди или новый Милль, Гэлбрейт пытается объединить интересы капиталистов и широких народных масс. Но эти попытки утопичны, поскольку Гэлбрейт, как в свое время Милль, то отходит от вульгарной экономии, которой Маркс вынес не подлежащий обжалованию смертный приговор, то возвращается к ней, погружаясь в ее мутные воды, то вновь выплывает из них в надежде на обузданье классовых интересов монополистического капитала.

Глава VII

РАДИКАЛИЗМ АЛЬФРЕДА СОВИ

А. Сови, известный французский статистик, экономист и демограф, по праву пользуется признанием во многих странах. Его многолетнему творчеству никогда не была свойственна грубая прокапиталистическая апологетика. Оно всегда отличалось реализмом и прогрессивными настроениями, связанными с присущим этому ученому чувством ответственности и добросовестности. Крупный статистик и демограф, Сови — бесспорный авторитет в эмпирико-экономических и статистико-демографических исследованиях. Большой эрудит и известный деятель официальной университетской науки во Франции, он оказал значительное влияние на целые поколения экономистов, статистиков и социологов. Оставаясь «умеренно буржуазным» по своим взглядам, Сови немало сделал для организации отпора реакционной волне апологетов капитализма в академических кругах.

Мы остановимся на двух последних работах А. Сови — «Конец богатых» (1975) и «Экономика дьявола» с подзаголовком «Безработица и инфляция» (1976). Обе книги отличаются подчеркнуто полемическим тоном, а их содержание, хотя и несколько фрагментарное, характеризуется постановкой серьезных научных проблем.

Критицизм французского ученого Альфреда Сови явно превосходит радикализм Джона Гэлбрейта. Правда, Сови, подобно Гэлбрейту, по-своему отдает дань новым терминам (типа «планирующая система» и др.), которыми он пытается заменить прямое наименование системы монополистического капитализма. Он также стремится создать свою систему критических взглядов, базирующихся на методологическом инструментарии, весьма далеком от марксистской политэкономии. Но в социально-политическом отношении Сови стоит гораздо левее Гэлбрейта, весьма далек он и от беспочвенного утопизма радикалов типа Жака Атали и Марка Гийома. Сови, как и Дж. Робинсон (но без ее увлечения кейнсианством), — типичный представитель критического реализма, присущего левому крылу буржуазной экономической науки. В некоторых отношениях он близок критицизму Альбертини. Порой в своем реалистическом критицизме он отходит от некоторых фундаментальных буржуазных социально-экономических и политико-идеологических положений, однако не порывает с ними окончательно. Обе его книги направлены против представителей официальной буржуазной экономической науки. В духе Гэлбрейта, но куда более прямо, Сови атакует монополистический капитал и его доходы, не сваливая при этом, подобно Гэлбрейту, грехи и пороки капитализма на некую планирующую техноструктуру, якобы независимую от крупного капитала и даже властвующую над ним.

Сови чужд своеобразный неолиберализм Гэлбрейта, выступающего в защиту «рыночной системы». Французский ученый говорит о неизбежности полной национализации крупной промышленности своей страны на демократической основе. В ряде случаев он выступает в защиту социализма, не разделяя мнений Яна Тинбергена и Джона Гэлбрейта, считающих социализм проявлением частичного огосударствления некоторых секторов промышленности и более активного вмешательства буржуазного государства в экономику.

Реалистические критические тенденции в творчестве Альфреда Сови — это не случайное или изолированное явление. Его труды благоприятно влияют на левое крыло академической социально-экономической науки во Франции.

Однако в целом взгляды А. Сови не свободны от недостатков, присущих современной радикально-буржуазной экономической мысли. Он находится в плену эмпиризма и, по сути, не имеет связной, целостной теории. Нет у него и глобального понимания кризисного состояния всей капиталистической общественно-экономической формации, закономерностей общего кризиса системы, хотя Сови и приходит к правильному осуждению некоторых сторон этого общего кризиса. В то же время меры, которые предлагает французский автор в целях обуздания «экономики дьявола» и прекращения «власти богатых», уничтожения инфляции и безработицы, улучшения положения развивающихся стран, усиления борьбы за общественное благосостояние, за новый общественный порядок,— эти меры откровенно неясны и противоречивы.

Рассмотрим более конкретно основные положения, выдвигаемые Сови в его книге «Конец богатых».

Пытаясь показать во всей широте кризис западной экономики, Сови опирается на шпенглеровский тезис о всеобщем декадансе западной культуры¹. Французский экономист как бы стремится украсить обычную интерпретацию кризиса экономики Запада более широкими социологическими и философско-историческими обобщениями. Сови сравнивает кризис западной системы с упадком Римской империи, с закатом античного мира, который был ускорен нашествием варваров, с медленным угасанием Византии. Опираясь на подобные сомнительные аналогии и идеалистические интерпретации, Альфред Сови пытается противопоставить кризису современного Запада восход молодых государств, пророчески возвещая, что будущее «менее развитых народов» не так драматично по сравнению с упадком, ожидающим развитые капиталистические страны.

Однако общая трактовка исторического процесса, завуалированная публицистическими, эссеистическими,

¹ Освальд Шпенглер — немецкий философ, завоевавший в 20—30-е годы нашего века шумную славу своими философскими трактатами, базирующимися на метафизически-идеалистической познавательной основе, в которых он говорил о необратимом процессе упадка западной культуры,

сатирическими и социально-философскими элементами, в сущности своей остается у Сови экономической. Для Сови кризис западного мира — прежде всего кризис капиталистической экономики. Еще в аннотации к книге мы читаем: «Страдая от жестоких экономических кризисов, западный мир проводит политику страуса. Хотя футурология и процветает, однако экономисты отводят свои взоры от весьма мрачной картины действительности, чтобы уступить очарованию абстракции. По время мечтаний прошло. Миллионы людей смотрят на мир широко открытыми глазами. Это жители так называемого «третьего мира», мира настолько неоднородного, что этот термин уже становится неподходящим. «Третий мир» — это действительно отдельный мир, и даже несколько миров»².

Центральной проблемой данного труда Альфреда Сови является коренной вопрос о соотношении сил и перспективах поднимающегося «третьего мира», а также мира социализма, с одной стороны, и западного империалистического мира монополий — с другой. На монополистические корпорации Сови, в отличие от Гэлбрейта, смотрит не через обманчивую завесу «техноструктуры», он видит в них монополии крупного капитала. Французский автор касается и классовых отношений в капиталистических странах, говорит об обнищании народных масс, главным образом рабочего класса и крестьянства. Его позиция в данном вопросе отличается реалистичностью и прогрессивностью, это позиция «открытых глаз». Сови пишет о «тотально-оборонительном характере борьбы» эксплуатируемых классов против монополистического капитала как в развитых государствах Запада, так и в развивающихся странах.

Однако этот тезис автора об «оборонительном характере борьбы» представляется нам спорным. В условиях современного капитализма наступление и оборона переплетаются и взаимодействуют в сложном процессе классовой борьбы. В таких государствах, как Франция и Италия, где существуют сильные коммунистические партии, рабочий класс, являющийся авангардом трудовых масс в их борьбе против монополи-

² Alfred Sauvy. La fin des riches. Paris, 1975.

стического капитала, упорно противостоит атакам капитала на труд. Эта борьба все более перерастает в широкое антимонополистическое движение и в той или иной степени связана с политической борьбой за мир, демократию и социализм. Даже в таких странах, как Англия и небольшие развитые капиталистические государства Северо-Западной Европы (Бельгия, Голландия, Дания), где влияние коммунистической партии и левых сил в социалистических партиях значительно слабее, ведется хорошо организованная профсоюзная борьба и существуют мощные профсоюзные организации. Они борются не только за повышение жизненного уровня народных масс, но и за обуздание власти монополий, за антимонополистическую политику. В развивающихся странах борьба против сил монополий, против мирового империализма нередко также приобретает не только оборонительный, но и наступательный характер.

Французский автор мечтает о коренном изменении существующего социально-экономического строя. Будущее представляется ему в виде какого-то строя «социализма и свободы». Но большая часть населения, полагает автор, еще не подготовлена к нему, для этого нужен «свет нового Разума». «Свет или коммунизм — такова дилемма», — помпезно провозглашает он. Сوفي стремится предостеречь общество от радикальных социально-экономических преобразований, чтобы избежать прихода не слишком желанного ему коммунизма. Но, учитывая острые противоречия в экономическом развитии французского капитализма и значительную инертность многих некоммунистических, но антимонополистически настроенных социальных кругов и политических организаций, он допускает приход к власти коммунистической партии. Не будучи ни марксистом, ни коммунистом, он готов принять эту альтернативу, которая, по его мнению, вполне реальна.

Подобные колебания между желанной глубокой реформой французского капитализма и принятием (правда, по необходимости, скрепя сердце) иной, «коммунистической» альтернативы французский экономист, до недавнего времени представлявший Францию в ООН, выразил в сконцентрированном виде в следующих рекомендациях: «Осветить, прояснить все должным

образом — большая задача. Но речь идет не просто об информации. Любая глубокая реформа, вынужденно болезненная, встретит на своем пути сопротивление тех, кто поддерживает социальное неравенство, незнание и невежество. Вот почему необходимо национализировать все наиболее значительные предприятия, надо сделать доступной всю информацию, чтобы французский народ наконец смог познакомиться со своими собственными делами и научиться управлять ими. Разумеется, это преобразование приведет и к разочарованиям, но его необходимо довести до конца.

Если данное решение окажется иллюзорным... спасительным станет появление нового руководства, которое... будет связано с коммунистической партией».

Сови резко выступает против современной официальной буржуазной экономической науки, атакуя ее сильно, саркастично и аргументированно. Говоря о бесплодности традиционной буржуазной политической экономии недавнего прошлого (от Леона Вальраса до Альфреда Маршалла), поставившей себя в услужение капиталу, французский автор критикует и ее современные варианты, основываясь главным образом на положении во Франции.

В то же время он отмечает и новые сферы экономических исследований. Прежде всего, это моделирование. «Двери факультетов широко открылись перед математиками, — пишет он, — седеющие профессора должны были заняться дифференциальным и интегральным вычислением. С этой поры теории получили соблазнительное название — «модели».

Во-вторых, это «национальное счетоводство». Являясь плодом военной экономики, оно проделало значительные успехи, стремясь охватить экономику в целом, уточнить ее параметры в рамках, которые могут быть использованы и в международном масштабе ³.

Более конкретно Сови останавливается на достижениях в области экономико-статистических исследований, роли математического аппарата в этих исследованиях, на успехах советской экономической статистики (Канторович, Немчинов, Трапезников, Либерман) ⁴,

³ Ibid., p. 255, 256.

⁴ Ibid., p. 267.

Однако в целом он считает, что в своем стремлении к абсолютизации абстрактного математизирования в экономических исследованиях, оторванного от конкретных жизненных процессов, теория и практика западных стран приобрели и отрицательные черты. Вот как он оценивает новые тенденции к моделированию и «национальному счетоводству»: «Эти два замечательных достижения... к сожалению, привели к одному результату — почти к полному отказу от продолжительных наблюдений, конъюнктурных исследований, к атрофии качественных научных изысканий. Полностью исчезают или в лучшем случае берутся под сомнение оценки, связанные с учетом «человеческого фактора», социальных отношений, что становится характерным благодаря засилью в западной экономической науке формализма и математических методов»⁵.

Формалистическому моделированию французский экономист-статистик не без оснований противопоставляет необходимость продолжительного наблюдения, изучения фактов, работы над документацией. Сови пишет, что в отличие от такой упорной, но плодотворной работы, длящейся обычно месяцами, модель может быть создана за несколько часов при наличии карандаша и бумаги. Он говорит: «Сегодня авторы моделей не нуждаются даже в человеке. Человек в их моделях абсолютно отсутствует...»

«Именно игнорирование человеческого фактора — причина ошибок в прогнозировании», — пишет Альфред Сови. Он замечает, что математика весьма полезна как в экономике, так и в других областях знания, но очень часто она становится средством, которое дает возможность «не считаться с малоизвестными вещами, вырывая исследователя из реальной действительности и замыкая его в рамки благословенного аппарата». «Благословенным аппаратом» автор иронически называет злоупотребление математическими методами в экономических исследованиях. Следовательно, речь идет не об отрицании математики, а о злоупотреблении и об одностороннем ее использовании в ущерб качественному анализу социально-экономических отношений.

⁵ Ibid., p. 256,

К сожалению, Альфред Сови не уточняет, что он имеет в виду, когда пишет о роли качественного, социально-экономического анализа в экономических исследованиях. Он понимает значение социальных отношений, отношений людей в процессе общественного производства, понимает их определяющую роль в экономической структуре общества. Однако эмпиризм приводит его к неправильному толкованию сути «человеческого фактора» в производстве, к идеалистически-позитивистской интерпретации социальных отношений в экономике.

Вторая книга французского экономиста, «Экономика дьявола»⁶, также представляет собой, скорее, публицистический и эссеистический труд. Она в значительной мере носит обзорный характер, хотя не лишена и научно-экономической ценности. Основные проблемы книги — безработица и инфляция, рассматриваемые главным образом на материале современной Франции.

К сожалению, это интересное научно-публицистическое произведение Альфреда Сови в качественном отношении значительно уступает его книге «Конец богатых». Более того, здесь налицо и определенный отход исследователя от некоторых реалистических положений его первой книги.

Пытаясь поставить свой анализ растущей безработицы в капиталистической экономике на правильный путь, А. Сови в конце концов оказывается в тупике. Он, например, отрицает абсолютно все в кейнсианских и подобных им теориях, объясняющих экономические кризисы, безработицу и пр. недостаточностью эффективного спроса. Несомненно, кейнсианские теории отрывают «эффективный спрос» от противоречий общественного производства при капитализме. Однако и в них под натиском действительности прорастают «рациональные зерна». Вместо серьезной научной оценки подобных рациональных моментов А. Сови увлекается утопией, в которой в единый узел сплетены вульгаризаторские представления автора и наивный социал-реформизм. Он выступает против тезиса о необходимости значительного расширения эффективного спроса в ка-

⁶ Alfred Sauvy. L'économie du diable. Chomage et inflation. Paris, 1976,

честве средства преодоления кризисов и безработицы, концентрируя внимание на увеличении производства благ, богатства и не связывая это с заботами об активизации эффективного спроса. А. Сови надеется на то, что сам процесс обновления и роста производства, без его искусственного взбадривания, нормализует, приведет в гармонию соотношение между производством и потреблением.

Автор рассчитывает на то, что с помощью хозяйственно-политических мер и в рамках существующей системы можно добиться нормализованного производства, которое само собой, стихийно приведет и к нормализации потребительского спроса. В этой связи Сови ищет и пути уменьшения социально-экономического неравенства, выражающегося в значительных отличиях при распределении дохода, во все увеличивающихся различиях в уровне заработной платы, с одной стороны, и в доходах капиталистов и менеджеров — с другой. Кое-где Сови отдает дань известному тезису (в духе Шумпетера, Гэлбрейта и др.) о том, что неравенство и привилегии в доходах усиливаются не столько капиталом, сколько управляющими капиталистической экономикой.

А. Сови выступает за широкое планирование экономики. Однако, полагает Сови, планирование, осуществляемое сильной централистской властью, для Запада неприемлемо. Планирование, по его мнению, должно основываться на самоуправлении, которое обеспечивает большую степень гибкости производства, нежели твердая власть.

Этим взглядам французского автора противостоит сама современная экономическая действительность с ее периодическими кризисами относительного перепроизводства. Современный капитализм широко вовлечен в плановые процессы, зачатки которых и особенности их будущего развития получили свой блестящий анализ в трудах Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Но, как находчиво отмечает А. Сови, подобное планирование — это лишь «планирование беспорядка».

В связи с таким планированием, сочетающимся с беспорядком, советский экономист С. М. Меншиков пишет: «Монополистическое планирование остается ограниченным, действительные размеры рынка

по-прежнему неизвестны полностью. В своих планах концерны постоянно делают ошибки, нарушающие пропорции общественного воспроизводства. Ликвидация кризисов перепроизводства в условиях капитализма невозможна.

В отличие от перепроизводства товаров размеры перепроизводства производительного капитала возрастают. Капиталовложения монополий, как и индивидуальных предпринимателей, подчиняются динамике нормы прибыли: они растут с увеличением нормы прибыли и падают с ее уменьшением»⁷.

Действительно, промышленные предприятия и их объединения, подчиняя значительную часть сферы обращения и реализации своих товаров предварительным заказам фирм, приобретающим эти товары, постоянно совершенствуют систему прогнозирования рынка с помощью новейших экономико-математических моделей и кибернетической техники, гораздо более совершенной по сравнению с математико-статистическими «барометрами» 20-х и 30-х годов, разработанных Джоном М. Кларком, Уэсли Митчелом и др. Но концерны стремятся к тому, чтобы сохранять высокие монопольные цены, приспособлявая производство к возможным колебаниям спроса. Это приводит к уменьшению размера перепроизводства товаров. Поэтому нередко производство сокращается задолго до того, как создаются предпосылки для возникновения глубокого кризиса. И все же, вопреки этим и подобным явлениям, вопреки значительным изменениям в характере кризисов, в годы после второй мировой войны, да и в 60—70-е годы, периодические кризисы в результате глубоких изменений механизма капиталистического воспроизводства продолжают оставаться типичной приметой времени. Уменьшение остроты классических периодических кризисов падения производства нередко компенсируется их большей частотой, порой меньшая острота перепроизводства усиливается углублением и обострением других кризисных процессов, являющихся результатом инфляции. В послевоенной экономике развитых капиталистических стран (до начала 70-х годов) падение производства не превышало 7%. После 1974 г. производствен-

⁷ С. М. Меньшиков. Современный капитализм. М., 1974, с. 145.

ные спады углубились, хотя они все же далеки от кризиса 30-х годов (тогда спад производства доходил до 40% и более)⁸. С другой стороны, сравнительно успешная политика монополий, стремящихся сохранить высокие монопольные цены до и во время кризиса, активизирует ход инфляционных процессов.

В этих условиях очевидно, насколько безосновательны туманные надежды Альфреда Соби на коренное изменение в экономическом развитии стран капитала, на преодоление безработицы и инфляции, на саморегулирование и гармонизацию «нормализованного» производства, на коренное оздоровление структуры производства товаров в соответствии с требованиями «человеческого фактора» — ведь все это Соби предполагает получить путем самого общего, довольно либерального дирижирования экономики. Правда, он признает «трудности применения очерченной мною либерально-реформистской программы достижения гибкости производства на основе планирования», с помощью которого якобы возможно преодоление инфляции и безработицы. Однако истина в другом. В царстве капитала не только нельзя полностью использовать ресурсы и технику, невозможно добиться и полной занятости людей. Кейнсианские мечты о «полной занятости» в современном капитализме — и утопия, и апологетика системы. И напрасно Альфред Соби, в общем-то критически настроенный по отношению к современному капитализму, присоединяется к «кейнсианской ортодоксии» относительно возможности преодоления безработицы в рамках капитализма.

Тем не менее при всех колебаниях, неясности отдельных положений, подверженности автора мелкобуржуазным утопическим настроениям вторая книга именитого французского исследователя содержит немалую дозу критики современного капитализма, и особенно экономической политики и экономической мысли современной капиталистической Франции.

Соби, в частности, выступает против официального либерального тезиса относительно необходимости понижения заработной платы в качестве условия «полной

⁸ См.: С. М. Меньшиков. Цит. соч., с. 137—152; С. Л. Выгодский. Современный капитализм. М., 1975, с. 455—482.

занятости», который находит выражение и в экономической политике. Эта политика, как полагают крайние либералы, заставит работать экономическую машину и тем самым будет способствовать восстановлению занятости и в конечном итоге — восстановлению равновесия, нарушенного чрезмерными требованиями рабочих и их профсоюзов, борющихся за повышение заработной платы. Альфред Сови резко критикует подобные лженаучные позиции, выступая в поддержку профсоюзов. Он пишет: «Аргументы Рюэфа-Филипса — самая резкая критика капитализма. Ведь они подтверждают классические революционные теории, согласно которым режим капитала, будучи порочным в своей основе, не может функционировать в интересах рабочего класса. Утверждать, что этот механизм хорошо согласуется с социальной справедливостью, и особенно с полной занятостью, — значит восхвалять относительное равновесие»⁹, то есть автор убежден в том, что этот неолиберальный тезис представляет собой апологетику существующего положения с его неустойчивым равновесием, выдаваемым либералами и неолибералами за длительную и перспективную гармонию.

Далее Сови отмечает, что «капитал заботится о своей пользе» при всех обстоятельствах — и при низкой, и при повышенной заработной плате. Однако безработицу вызывает не высокая заработная плата, а отсутствие гибкости у руководителей производства. Сови убежден в том, что капитал в своей хозяйственной деятельности исходит из узкокласовых интересов, благодаря чему еще более усиливается неравенство в доходах.

Говоря о неравенстве в доходах, Сови много пишет и о разгуле «потребительской психологии», о чрезмерности спроса на новые товары, удовлетворяющие весьма сомнительные потребности материального и духовного порядка. Корень зла, по его мнению, — извращенный характер использования научно-технического прогресса в сфере производства и обмена при современном капитализме, что объясняется интересами крупного капитала, стремящегося к высоким монопольным прибылям. Разумеется, добавим от себя, дополнительную ак-

⁹ Alfred Sauvy. Op. cit., p. 134.

тивизирующую роль играют и другие факторы социально-психологического, культурного и ценностно-психологического характера, определяющие потребительскую психологию прежде всего зажиточных слоев общества. Но последняя в определенной мере отражается и на низших слоях социальной иерархии. Нельзя не видеть, что и некоторые группы населения социалистических стран также отдают дань нездоровым потребительским устремлениям. Современная промышленная цивилизация обладает рядом общих черт в стиле жизни всех наций и народов. Но в социалистическом мире эта отрицательная черта может быть ограничена и преодолена, тогда как в мире капитала она связана с погоней за высокой монопольной прибылью и обеспечением экономического роста на капиталистической основе. В водовороте потребностей капиталистической стихии возникает спекуляция, рождаются «новые богачи». И прав А. Сови, утверждая, что эти процессы еще более усиливают неравенство в капиталистическом обществе.

Главным средством их преодоления французский автор считает «демократическую национализацию». Для него такого рода «национализация» становится экономической и социальной необходимостью. Национализация, по мнению Сови, для крупных предприятий Франции — назревший вопрос. На предприятиях же, которые останутся ненационализированными, следует, по его мнению, «переходить от авторитарной формы правления к демократии». Защищая частную собственность мелких предприятий, он не совсем ясно определяет свое отношение к собственности больших предприятий, подлежащих национализации. Существом национализации он считает «передачу в руки государства не столько собственности, сколько власти». Очевидно, автор в определенной мере заражен теорией «революции управляющих» Шумпетера, Бернхэма, Гэлбрейта и других экономистов, отмечавших уменьшение роли капиталистической собственности и ее замену властью менеджеров (техноструктуры). А. Сови пишет: «Не обладая прямым влиянием на число работающих, национализация крупных предприятий и переход всех прочих на конституционное положение будет способствовать созданию более благоприятной для занятости

конструктивной базы, больших шансов для производства национального богатства». Это, по его мнению, и есть «социализм и свобода». Неясно лишь, каков экономический базис этого «социализма».

В ряде мест своего исследования Сови отдает дань и современному сенсимоизму, предлагает социальную модель, в которой «капитал получал бы свой доход наряду с доходом от труда, при наличии хорошо обоснованного в экономико-статистическом плане распределения прибавочной стоимости между трудом и капиталом»¹⁰.

Марксистская теоретическая мысль противопоставляет подобным реформистско-утопическим проектам иной путь к социализму. Типичным примером в этом плане может служить статья французского экономиста-марксиста, коммуниста Жака Брийера «Национализация и демократическое управление как база для реальной демократии по пути к социализму». Автор подчеркивает, что «создание демократического правительства повысит активность масс». Брийер раскрывает связь демократического этапа в национализации ключевых отраслей экономики с социализмом. Национализация, пишет он, не стремится «к улучшению капитализма, с тем чтобы сделать его более терпимым». Наоборот, ее задача — «открыть дорогу к социализму». Речь идет, как полагает автор, не только об устранении негативных последствий политики монополий (низкой заработной платы, инфляции, потерь на производстве), хотя это одна из задач народного правительства. «Главное — установить особые формы контроля рабочего класса и его союзников на всех уровнях экономической и социальной жизни, реализовать условия, позволяющие рабочему классу взять на себя ответственность за управление хозяйством, а также за формирование политики, поскольку эти две стороны жизни неотделимы друг от друга.

Способствуя развитию объективных условий для перехода к социализму, демократическая национализация поможет и развитию субъективных условий. Эти субъективные условия подвластны движению масс в стране, а это движение с каждой своей победой будет расти и

¹⁰ Ibid., p. 217,

крепнуть. Таким образом, социализм будет необходимо, определяемой не только фактами, но сознанием и волею все большего числа рабочих»¹¹.

В рассуждениях А. Сови, обосновывающего необходимость национализации, этот социально-политический фактор вообще отсутствует. Лишь кое-где встречаются замечания, близкие по смыслу положениям Жака Брийера о мероприятиях переходного периода.

И все же некоторые предложения Сови, касающиеся хозяйственных реформ во Франции, носят демократический характер, и их реализация была бы в интересах широких масс трудящихся. К их числу относятся мероприятия, которые содействуют повышению зарплаты рабочих, занимающихся физическим трудом, увеличению занятости в производительных отраслях за счет непроизводительных, сокращению «ножниц» между заработной платой работников умственного и физического труда, усилению активности лиц старше пятидесяти лет, снижению пенсионного возраста и выходу на пенсию по желанию, а не просто по достижении этого возраста. Сови говорит о необходимости национализировать крупные предприятия, о демократии на производстве, о демократических реформах в статусе высших руководящих и административных кадров.

Самым же ценным в размышлениях и советах Сови являются не столько позитивные разработки реформ (где он колеблется между научной истиной и утопической фразеологией, объективно выступая за «реформированный капитализм»), сколько критические реалистические констатации, касающиеся развития капиталистической экономики после второй мировой войны.

Альфред Сови завершает свой труд словами, проникнутыми своеобразным идеалистическим оптимизмом, призывом «к свету», который сменит самоуспокоенность и инертность обскурантизма. «Эта экономика дьявола, — пишет автор, — как дорога в ад, вымощенная благими померениями, может быть преобразована одним усилием сознания. Если польза от ошибок состоит в том, что их можно исправлять, то добродетель

¹¹ Jacques Briere. Les nationalisations et la gestion démocratiques comme base de la gestion démocratique réelle sur la voie du socialisme — recueil «Nationalisation et Gestion démocratique». — *Economie politique*, 1969, p. 85—87, 182—188.

тель обскурантизма сводится к тому, что она указывает путь к свету»¹². Однако «свет», к которому призывает французский автор, — всего лишь светлячок, мерцающий в глубоком мраке, под влиянием которого автор то обращается к «источникам зла», «дьяволу» (не доходя, однако, до самого источника), то тонет в крайнем эмпиризме; то говорит о необходимости коренных социально-экономических преобразований на пути некапиталистического развития, то мечтает об улучшении капитализма на основе мелкобуржуазных по своей природе реформ.

Анализируя взгляды Сови, выраженные в двух его последних исследованиях, мы попытались с марксистско-ленинских позиций дать возможно более верную характеристику этого очень своеобразного автора, претерпевающего все более отчетливую социально-политическую эволюцию «влево». В то же время А. Сови проявляет большую неуверенность в социальных вопросах. Он колеблется между антикапиталистическими настроениями и утопическими идеями о коренном переустройстве «западной экономики». Дать твердую и однозначную характеристику Альфреду Сови — экономисту и социологу — довольно рискованно, так как можно прийти к догматически-доктринерской характеристике, исходя из его сложных, неуверенных и во многом странных позиций в социальных вопросах. Очевидно одно — наш современник экономист и социолог Альфред Сови в настоящий момент находится на перепутье. Произойдет ли его дальнейшее смещение «влево»?

¹² Ibid., p. 237.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В настоящей работе были рассмотрены новые тенденции в современной буржуазной политической экономике, связанные главным образом с процессом ее социологизации. Автор не стремился охватить все проблемы, встающие перед марксистской критикой в связи с этими новыми тенденциями и особенно — с перспективой развития буржуазной экономической науки.

Для критического анализа были избраны труды современных буржуазных авторов — преимущественно экономистов-социологов и социологов, являющихся типичными и яркими выразителями этих новых тенденций. Мерилом, критерием выбора именно этих авторов была не столько их известность в современной буржуазной экономической и социолого-экономической науке, а то, в какой степени они выражают типичные новейшие тенденции и как относятся к ним. Поэтому в книге анализировались работы как корифеев буржуазной науки, так и относительно новых в данной литературе авторов.

В числе авторов, теоретические положения и взгляды которых подвергались критической марксистско-ленинской оценке, можно выделить представителей различных идеологических и гносеологических течений

буржуазной политэкономии и социологии. Порой эти границы в той или иной степени нарушаются исследователями в стремлении к новым веяниям в науке, выбивающим их из банальных и традиционных буржуазных представлений. Это особенно характерно для ученых, выражающих интересы, стремления и «ценности» мелкобуржуазных слоев общества. Эти авторы нередко выражают сомнение в абсолютной ценности и стабильности как капиталистического строя, так и буржуазной экономической теории. Некоторые из них выражают прогрессивные экономические и социально-политические взгляды. Поэтому критический тон настоящей работы неоднороден, а критический подход дифференцирован. Посредством критического марксистско-ленинского анализа автор работы пытался раскрыть и разоблачить прокапиталистическую апологетику работ одних исследователей и правильно оценить то положительное, что существует в работах других. Непредвзятая, объективная критика многих новых и важных моментов развития современной буржуазной экономической мысли представляется весьма полезной и своевременной.

Автор настоящего труда предполагал написать еще один, последний, раздел, посвященный так называемым «футурологическим» направлениям буржуазной политэкономии и экономической социологии. Речь идет о буржуазных и мелкобуржуазных взглядах в связи с прогнозированием будущего состояния экономики и при капитализме, и при социализме, о судьбах капитализма и социализма, представляющих два основных социальных типа современного «индустриального общества».

Некоторые из этих проблем частично затрагиваются в данной работе в органической и тесной связи с критическим марксистским анализом трудов отдельных буржуазных авторов. Однако совершенно ясно, что целостный охват проблем «футурологии» в буржуазной политэкономии и экономической социологии требует специального рассмотрения. Поэтому автор решил отложить публикацию уже имеющихся материалов по этим вопросам для своей будущей книги.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Августин Блаженный с. 80
Альбертини Ж. М. с. 152, 153, 187
Арон Р. с. 19, 25, 26, 52, 152, 162
Атали Ж. с. 14, 129, 134, 136—140, 143, 144, 147, 150, 158, 187
Афанасьев В. С. с. 162
- Бем-Баверк с. 108, 111
Бернс А. с. 9
Бернхэм с. 30, 89, 162, 198
Бернштейн Э. с. 104
Бокль с. 141
Брийер Ж. с. 199, 200
Буржуа Л. с. 86
Бэрэн П. с. 99—101, 132
- Вайнтрауб С. с. 10
Вальрас Л. с. 85, 93, 95, 117, 191
Варга Е. с. 78, 82, 83
Вебер М. с. 28, 41
Веблен Т. с. 19, 45
Вейер Ж. с. 14, 19, 55—58, 61—65
Вормс с. 141
Выгодский С. Л. с. 175, 196
- Гийом М. с. 129, 134, 136—140, 143, 144, 147, 150, 158, 187
Гильфердинг Р. с. 51, 164
Григоров К. И. с. 13, 15, 16
Гэлбрейт Д. с. 12, 30, 33, 38, 89, 152—174, 176, 177, 179—185, 187, 190, 194, 198
- Давидсон П. с. 10
Депюигрене-Десруси Ги с. 14, 55, 57, 62, 64, 65
Димитров Г. с. 13
Дитерлан с. 162
Домар Е. с. 95
Иноземцев Н. Н. с. 35
- Итуэл Д. с. 15, 19, 104—115, 117—128
- Калдора Н. с. 11
Калецкий М. с. 114
Канторович Л. В. с. 191
Каутский К. с. 141, 164
Кейнс Д. с. 8—10, 66, 99, 101—103, 110, 111, 170, 174, 185
Кинкел И. с. 47
Кларк Д. с. 25, 195
Клауэр Р. с. 10
Коммонс Дж. с. 19, 46
Крослэнд с. 89
Кудрявцев А. с. 14
- Лавель с. 19, 56
Ланге О. с. 96—98
Левассер с. 56
Лейонхвуд А. с. 10
Ленин В. И. с. 39, 46, 50, 51, 63, 65, 116, 123, 125, 194
Лернер А. с. 14, 66—71
Либерман с. 191
Лилленфельд с. 141
Лом Ж. с. 19, 56
- Маркс К. с. 28, 29, 32, 34, 39, 44, 46, 48, 50, 51, 55, 58, 59, 61, 64, 65, 75, 99, 101—104, 106—110, 112—118, 121, 122, 124, 125, 142, 146, 181, 185
Маркузе Г. с. 29, 137, 150, 151
Маршалл А. с. 191
Маршаль А. с. 56
Маршаль Ж. с. 19, 56
Маттик П. с. 132
Мейер Э. с. 41, 47
Меньшиков С. М., с. 35, 194—196
Меринг Ф. с. 65
Мизес фон с. 9
Милейковский А. Г. с. 35, 101
Милль Дж. С. с. 34, 112, 185
Митчел У. с. 19, 195
Мор Т. с. 131
Мытарь с. 53
Мюрдаль Г. с. 19, 86

- Найт Ф. с. 9
 Нарди Д. ди с. 15, 71—83
 Немчинов В. С. с. 191
 Ойкен В. с. 41
 Оппенгеймар с. 104
 Осадчая И. М. с. 101
 Оуэн Р. с. 151
 Пазинетти Л. с. 11
 Парето В. с. 85, 93—95, 117
 Презенти А. с. 97, 98
 Перру Ф. с. 14, 26—35, 37—40, 76
 Петти У. с. 107
 Пигу А. с. 11
 Платон с. 53
 Пле Ле с. 19, 56
 Плеханов Г. В. с. 46, 64
 Рейган Р. с. 10
 Ренан Э. с. 33
 Рёпке В. с. 77
 Рикардо Д. с. 102, 106, 107, 112, 184
 Робинс Л. с. 77, 138, 159
 Робинсон Дж. с. 11, 13, 15, 19, 101—115, 117—128, 187
 Рослан с. 162
 Ростоу У. с. 19, 25, 26, 152
 Ротбертус К. с. 104
 Румянцев А. М. с. 35
 Саймонс Г. с. 9
 Самуэльсон П. с. 20, 173
 Селигмен Б. с. 19, 84, 85
 Сен-Симон с. 33, 54, 151
 Симиан Ф. с. 19, 56
 Сисмонди с. 185
 Скрижевицкий с. 65
 Смит А. с. 107, 140, 184
 Сови А. с. 14, 186—189, 191—194, 196—201
 Солодовников с. 101
 Спенсер с. 141
 Стречи с. 162
 Студенский П. с. 91
 Суизи с. 132
 Тейяк Э. с. 14, 39—55, 57
 Тинберген Я. с. 15, 20, 84—96, 98, 187
 Трапезников В. А. с. 191
 Трифонов Д. К. с. 116
 Туган-Барановский М. с. 104
 Тэтчер М. с. 10
 Фарисей с. 53
 Фома св. с. 53
 Фрейд З. с. 137
 Фридман М. с. 9
 Фриш Р. с. 97
 Фурастье Ж. с. 19, 152, 162
 Фурье Ш. с. 151
 Хайек Ф. с. 9, 77
 Харрод Р. с. 95
 Цаголов Н. А. с. 164, 165
 Чемберлин Э. с. 77
 Чернышевский Н. Г. с. 112
 Шпенглер О. с. 47, 188
 Шумпетер Й. с. 9, 30, 89, 161, 162, 194, 198
 Эйнауди с. 76
 Эли Р. с. 19, 45
 Энгельс Ф. с. 3, 46, 50, 51, 55, 59, 61 64, 65, 122, 125, 150, 194
 д'Эстэн Ж. с. 155

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Англия с. 7, 10, 90, 119, 122, 133
- Бедность с. 120
- Безработица с. 83, 103, 113, 194
- Бельгия с. 133, 191
- Воспроизводство с. 103, 109, 110, 113, 117, 118, 142, 196
- Голландия с. 83, 90, 133, 191
- Государственно - монополистическое регулирование с. 6—8, 17, 18, 22, 48, 71, 72, 74, 77—80, 82, 118, 119, 175, 180
- Дания с. 191
- «Дженерал дайнэмикс» с. 180
- «Дженерал моторс» с. 149
- Доход с. 90, 91, 179, 198
- Европейское экономическое сообщество с. 42
- Загрязнение окружающей среды с. 121, 136, 177
- Империализм с. 122, 123
- Институционализм с. 45, 46
- Инфляция с. 6, 110, 174, 175
- Италия с. 123, 133
- Капитал с. 105
- переменный с. 75
- постоянный с. 75
- Кембриджская школа с. 11
- Концентрация с. 51, 76, 80
- Кризис экономический с. 123, 196
- «Локхид» с. 180
- Лондонская школа с. 138
- Меркантилизм с. 42, 48
- Мичиганский университет с. 130
- Моделирование с. 193
- Монополия с. 73—76, 130
- Научно-техническая революция с. 33, 35—37, 58, 59, 123
- Национальный доход с. 113, 114
- Норвегия с. 83
- Обновление основного капитала с. 123
- Парижский университет с. 14, 56
- Пентагон с. 167
- Платежный баланс с. 119
- Планирование
- капиталистическое с. 72, 81—83, 88, 131, 144, 195, 196
- социалистическое с. 61, 81, 87, 116—118, 126, 144
- Политехническая школа с. 14
- Политическая экономия с. 106, 138—140, 143, 192
- Рабочий класс с. 121, 190
- Развивающиеся страны с. 128, 190
- Россия, царская с. 122
- Рыночный механизм с. 174
- Социология экономическая с. 13, 14, 17, 23, 55—60, 63, 64, 137
- «Социал ревью» с. 130
- Союз за радикальную политическую экономию» с. 130
- Статистика с. 192, 193
- США с. 7, 10, 53, 124, 130, 132, 137, 154, 156, 159, 184
- Теория прибавочной стоимости с. 102

- Труд
 производительный с. 147
 непроизводительный с. 147
- Трудовая теория стоимости
 с. 102—104, 107, 108, 116
- Утопический социализм с. 106,
 150, 151
- Федеральная резервная система с. 9
- Финансовый капитал с. 51
- Фискальная политика с. 8
- Франция с. 7, 14, 56, 83, 122,
 133, 137, 198, 200
- ФРГ с. 123
- Фрейдизм с. 136, 137
- Цена производства с. 108, 109
- Чикагская школа с. 9
- Эконометрика с. 15, 20, 84, 88,
 94—98, 104
- Экономическая теория буржуазная с. 6, 7, 9, 12, 13, 17,
 21, 61, 62, 158—160, 185
 экономика предложения с. 9,
 10
 монетаризм с. 9, 10
 кейнсианство с. 5, 8—11, 73,
 99, 110—114
 неокейнсианство с. 10, 11
- левое кейнсианство с. 11,
 99—102, 104, 114
- посткейнсианство с. 11, 12
- равновесия с. 13
- оптимального роста с. 13
- благополучия с. 13, 28, 30,
 38, 39
- и марксистско-ленинская
 теория с. 18, 19, 21, 28, 29,
 32, 44, 46, 50, 64, 65, 100—
 116, 121, 134, 140—142
- нового экономического че-
 ловека с. 23—27
- индустриального общества
 с. 25, 28, 33, 34, 39, 58, 152—
 157, 160—185
- менеджмента с. 30, 38
- дирижируемой экономики
 с. 41—44, 48, 49, 51—53
- либеральной экономики
 с. 41—44, 49, 51
- функциональных финансов
 с. 66—71
- смешанной экономики с. 85—
 88
- конвергенции с. 89, 92, 96
- роста с. 109, 153
- радикализм с. 129—133
- Эксплуатация с. 108, 125, 145,
 174
- Югославия с. 126
- Япония с. 123

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Буржуазная политэкономия 70-х годов: и кризис, и «обновление»	5
Введение	17
<i>Глава I.</i> Философско-социологические спекуляции	26
1. Социальная философия современного экономического развития, Франсуа Перру	26
2. От структурализма к своеобразному экономическому романтизму. Эрнест Тейяк	39
3. Социологические аспекты экономической теории. Жан Вейер, Ги Депюигрене-Десруси	55
<i>Глава II.</i> Социально-политические аспекты неокейнсианства	66
1. Концепция функциональных финансов. Абба Лернер	66
2. Концепция социального контроля над экономикой. Джузеппе ди Нарди	71
<i>Глава III.</i> Социально-политические аспекты эконометрики. Ян Тинберген	84
<i>Глава IV.</i> Теоретическая основа социал-реформизма левых кейнсианцев. Джоан Робинсон и Джон Итуэл	99
<i>Глава V.</i> Социал-радикализм в общей экономической теории. Жак Атали и Марк Гийом	129
<i>Глава VI.</i> Буржуазный реформизм о природе и перспективах современного капитализма	152
1. Новый вариант теории «индустриального общества». Дж. К. Гэлбрейт	152
2. Критика официальной экономической науки	158
3. Планирующая система и технотекстура	160
4. Государство и планирующая система	166
5. Нестабильность и две системы	169
6. Общая теория реформы	176
<i>Глава VII.</i> Радикализм Альфреда Сови	188
Вместо заключения	202
Именной указатель	204
Предметный указатель	206

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Предлагаемая вниманию читателей серия "Критика буржуазной идеологии и ревизионизма" выпускается совместно издательствами социалистических стран.

Объединяя усилия издательств этих стран, серия включает в себя работы, посвященные критике новейших концепций противников социализма в важнейших областях общественной жизни — экономике, политике, идеологии.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА